

Том 13, № 1, 2020 год

# Экономика. Налоги. Право

Издание перерегистрировано  
в Федеральной службе  
по надзору в сфере связи,  
информационных технологий  
и массовых коммуникаций:  
ПИ № ФС77-67075  
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered  
in the Federal Service  
for communication, informational  
technologies and media control:  
ПИ № ФС77-67075  
of September 15, 2016.

**Периодичность издания – 6 номеров в год**

**Publication frequency – 6 issues per year**

**Учредитель:** ФГОБУ «Финансовый университет при  
Правительстве Российской Федерации»

**Founder:** FSEBI “Financial University under the  
Government of the Russian Federation”

Журнал ориентирован на научное  
обсуждение актуальных проблем  
в сфере **экономики, налогов и права**

The journal is oriented towards scientific  
discussion of present-day topics in the sphere  
of **Economics, Taxes and Law**

Журнал входит в Перечень периодических научных  
изданий, рекомендуемых ВАК для публикации  
основных результатов диссертаций на соискание  
ученых степеней кандидата и доктора наук

The journal is included into the list of periodicals  
recommended for publishing doctoral research results  
by the Higher Attestation Commission

Журнал включен в систему Российского индекса  
научного цитирования (РИНЦ)

The journal is included into the system  
of Russian Science Citation Index

Журнал распространяется только по подписке.  
Подписной индекс 81303  
в объединенном каталоге «Пресса России»

The journal is distributed only by subscription  
Subscription index 81303  
in the consolidated catalogue “The Press of Russia”

Vol. 13, No. 1, 2020

# Ekonomika. Nalogi. Pravo

[Economics, taxes & law]



elpub.

RePEc



СОЦИОНЕТ



WorldCat®



ВЫСШАЯ  
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)  
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

## ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**ГОНЧАРЕНКО Л.И.**, доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования, Заслуженный работник высшей школы РФ, Финансовый университет, Москва, Россия

## ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

**АБРАМОВА М.А.**, доктор экономических наук, профессор, заместитель руководителя Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет, Москва, Россия

**БЕРНС У.**, доктор права, профессор школы имени Томаса Джефферсона, Сан-Диего, США

**ВАНИШТЕНДАЛЬ Ф.**, доктор экономики, профессор Левенского католического университета, Левен, Бельгия

**ВЕБЕР Д.**, профессор права, Амстердамский университет, Амстердам, Нидерланды

**ВИННИЦКИЙ Д.В.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

**ГОЛОВНЕНКОВ П.В.**, доктор права, главный научный сотрудник Потсдамского университета, Потсдам, Германия

**ЕВЛАХОВА Ю.С.**, доктор экономических наук, доцент кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков РГЭУ (РИНХ), тьютор магистерской программы «Финансовый мониторинг и финансовые рынки», Ростов-на-Дону, Россия

**ЗВОНОВА Е.А.**, доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

**ИВАНОВА Н.Г.**, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой государственных и муниципальных финансов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

**ИВАНОВ Ю.Б.**, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра индустриальных проблем развития НАН Украины, Харьков, Украина

**КУНИЦЫНА Н.Н.**, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов и кредита, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

**ЛАПИНА М.А.**, доктор юридических наук, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия

**МАЙБУРОВ И.А.**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета, главный научный сотрудник кафедры «Финансы и кредит» Дальневосточного федерального университета, Екатеринбург, Владивосток, Россия

**МЕЛЬНИЧУК М.В.**, доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, заместитель руководителя Департамента языковой подготовки, директор центра инновационных языковых стратегий, Финансовый университет, Москва, Россия

**ОМИРБАЕВ С.М.**, доктор экономических наук, профессор, ректор Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан

**ПАНСКОВ В.Г.**, доктор экономических наук, профессор Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования, Финансовый университет, Москва, Россия

**ПИНСКАЯ М.Р.**, доктор экономических наук, руководитель Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Минфина России, Москва, Россия

**ПОГОРЛЕЦКИЙ А.И.**, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

**ПОНОМАРЕНКО Е.В.**, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой политической экономии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

**РОЩУПКИНА В.В.**, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Налоговая политика и таможенное дело», Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

**РУЧКИНА Г.Ф.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия

**СОЛЯНИКОВА С.П.**, кандидат экономических наук, доцент, руководитель Департамента общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

**ХЕЛЛЬМАНН У.**, доктор права, заведующий кафедрой уголовного права и экономических преступлений Потсдамского университета, Потсдам, Германия

**ЧЕРНИК Д.Г.**, доктор экономических наук, профессор, президент Палаты налоговых консультантов, Москва, Россия

Рукописи представляются  
в редакцию по электронной почте:  
[eknalogpravo@mail.ru](mailto:eknalogpravo@mail.ru)

Минимальный объем статьи –  
3 тыс. слов; максимальный – 4 тыс. слов.

Редакция в обязательном порядке осуществляет  
экспертную оценку (рецензирование, научное  
и стилистическое редактирование) всех материалов,  
публикуемых в журнале.

Более подробно об условиях публикации  
см.: [etl.fa.ru](http://etl.fa.ru)

## EDITOR-IN-CHIEF

**GONCHARENKO L.I.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Tax Policy and Customs Tariff Regulation Department, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Financial University, Moscow, Russia

## EDITORIAL STAFF

**ABRAMOVA M.A.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Head of the Financial Markets and Banks Department, Financial University, Moscow, Russia

**BYRNES W.**, Dr. Sci. (Law), Professor of the Thomas Jefferson School, San Diego, USA

**VANISTENDAEL F.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Catholic University of Leuven, Belgium

**WEBER D.**, Dr. Sci. (Law), Professor, University of Amsterdam, Netherlands

**VINNITSKY D.V.**, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law, The Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

**GOLOVNENKOV P.V.**, Dr. Sci. (Law), Senior Research Fellow of the University of Potsdam, Germany

**EVLAKHOVA YU.S.**, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Financial Monitoring and Financial Markets Chair, Tutor of the Master's programme "Financial monitoring and financial markets", Rostov State University of Economics, Rostov, Russia

**ZVONOVA E.A.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the World Economy and World Finance Department, Financial University, Moscow, Russia

**IVANOVA N.G.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the State and Municipal Finance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

**IVANOV YU.B.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director for Research, R&D Center for industrial development, National Academy of Science of Ukraine, Kharkiv, Ukraine

**KUNITSYNA N. N.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Credit Department, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

**LAPINA M.A.**, Dr. Sci. (Law), Professor of the Legal Regulation of Economic Operations Department, Financial University, Moscow, Russia

**MAIBUROV I.A.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Tax Management Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Senior Researcher of the Finance & Credit Chair, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

**MELNICHUK M.V.**, Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Pedagogy), Deputy Head of the Department for Language Training, Director of the Center for Innovative Linguistic Strategies, Financial University, Moscow, Russia

**OMIRBAEV S.M.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Rector of the Kozybayev North Kazakhstan State University, Petropavlovsk, Kazakhstan

**PANSKOV V.G.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Tax Policy and Customs Tariff Regulation Department, Financial University, Moscow, Russia

**PINSKAYA M.R.**, Dr. Sci. (Econ.), Head of the Center for Tax Policy of the Research, Financial Institute of the Ministry of Finance of Russia, Moscow, Russia

**POGORLETSKIY A.I.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, the Department World Economy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

**PONOMARENKO E.V.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Political Economics Department, Russian University of Peoples' Friendship, Moscow, Russia

**ROSCHUPKINA V.V.**, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Tax Policy & Customs Department, the North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

**RUCHKINA G.F.**, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Legal Regulation of Economic Operations Department, Financial University, Moscow, Russia

**SOLYANNIKOVA S.P.**, Cand. Sci., Associate Professor, Head of the Public Finance Department, Financial University, Moscow, Russia

**HELLMANN U.**, Dr. Sci. (Law), Head of the Criminal Law & Economic Crime Chair, University of Potsdam, Germany

**CHERNIK D.G.**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, President of the Chamber of Tax Consultants, Moscow, Russia

Manuscripts are to be submitted to the editorial office in electronic form:  
**ekنالогpravo@mail.ru**

Minimal size of the manuscript:  
3 ths words; maximum – 4 ths words.

The editorial makes a mandatory expertise (review, scientific and stylistic editing) of all the materials to be published in the journal.

More information on publishing terms is at: **etl.fa.ru**

## Журнал «Экономика. Налоги. Право»

Главный редактор  
**Л.И. Гончаренко**,  
д-р экон. наук

Заведующий редакцией  
научных журналов  
**В.А. Шадрин**

Выпускающий редактор  
**В.А. Чет**

Корректор  
**С.Ф. Михайлова**

Верстка  
**С.М. Ветров**

Мнение редакции и членов  
редколлегии может  
не совпадать с мнением  
авторов.

Письменное согласие  
редакции при перепечатке,  
а также ссылки при  
цитировании на журнал  
«Экономика. Налоги. Право»  
обязательны.

Оформление подписки  
в любом отделении  
«Почта России»  
по объединенному каталогу  
«Пресса России» – подписной  
индекс **81303** или в редакции  
по тел.: **8 (499) 943-94-31**,  
e-mail: [MMKorigova@fa.ru](mailto:MMKorigova@fa.ru)  
**Коригова М.М.**

**Адрес редакции:**  
125993, ГСП-3, Москва,  
Ленинградский пр-т,  
дом 53, комн. 5.1

Телефон:  
8 (985) 964-85-72  
<http://www.etl.fa.ru>,  
E-mail: [eknalogpravo@mail.ru](mailto:eknalogpravo@mail.ru)

Подписано в печать:  
19.02.2020  
Формат 60×84 1/8  
Заказ № 140 от 19.02.2020

Отпечатано в Отделе  
полиграфии Финуниверситета  
(Ленинградский пр-т, д. 49)

### ТЕМА ДНЯ

*М.А. Абрамова, С.Е. Дубова,  
Е.А. Звонова, О.И. Лаврушин,  
И.В. Ларионова, В.В. Масленников,  
В.Я. Пищик*

**Об основных направлениях  
единой государственной  
денежно-кредитной политики  
на 2020 год и период 2021 и 2022 годов:  
мнение экспертов Финансового  
университета. . . . . 6**

### ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

*Н.А. Станик, Н.И. Крайнюков*  
**Действие трансмиссионного  
механизма денежно-кредитной  
политики в российской практике. . . . . 20**

*Ю.А. Кропин*  
**Проблемы экономического роста  
России в условиях современной  
единой государственной денежно-  
кредитной политики и использования  
ЦБ РФ ключевой ставки . . . . . 34**

*Н.Н. Карабутов*  
**Взаимосвязь индексов,  
определяющих уровень  
инфляции. . . . . 42**

*Е.В. Богомолов*  
**Особенности финансового поведения  
российских домохозяйств. . . . . 49**

*С.В. Щурина*  
**Меры поддержки субъектов  
мало и среднего  
предпринимательства в приоритетных  
отраслях российской экономики  
в 2020 году . . . . . 60**

*В.А. Капитанов,  
А.Ю. Максимова, О.С. Осипова*  
**Совершенствование системы  
социального управления  
и прогнозирования посредством  
устранения ряда статистических  
коллизий . . . . . 72**

### РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

*Е.А. Захарчук, А.Ф. Пасынков,  
П.С. Трифонова*  
**Роль бюджетно-налоговой политики  
в формировании финансовых балансов  
регионов на примере Уральского  
федерального округа. . . . . 86**

*Н.Н. Парасоцкая, Н.Д. Яковлев*  
**Особенности регулирования  
территориальных пропорций  
социально-экономического развития  
через сферу государственных финансов  
как стратегический аспект бюджетно-  
налоговой политики. . . . . 99**

### УЧЕТ И АУДИТ

*В.Г. Гетьман*  
**Совершенствование законодательной  
базы по применению упрощенной  
системы налогообложения. . . . . 108**

### НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

*Л.И. Гончаренко, В.П.  
Вишневецкий, А.В. Гурнак*  
**Особенности налогового регулирования  
в контексте четвертой промышленной  
революции. . . . . 114**

*Е.Ю. Сидорова*  
**Совершенствование механизма  
налогообложения при применении  
таможенной процедуры «таможенный  
склад» в условиях трансформации  
таможенной политики России . . . . . 123**

### ПРАВО

*Г.Ф. Ручкина, В.К. Шайдуллина*  
**Медиативные практики  
в налоговых спорах:  
опыт стран БРИКС . . . . . 133**

*М.В. Демченко, Е.П. Симаева*  
**Гармонизация законодательства стран  
ЕАЭС в сфере финансовых технологий  
в 2020 году . . . . . 141**

## TOPIC OF THE DAY

- M.A. Abramova, S.E. Dubova,  
E.A. Zvonova, O.I. Lavrushin, I.V. Larionova,  
V.V. Maslennikov, V.Y. Pishik*  
**About the Reference Directions  
of Unified State Monetary Policy for 2020  
and for the Period of 2021–2022: Financial  
University Experts' Opinion. . . . .** 6

## ECONOMICS AND MANAGEMENT

- N.A. Stannik, N.I. Kraynukov*  
**Monetary Policy Transmission Mechanism  
Action in Russian Practice. . . . .** 20
- Yu.A. Kropin*  
**Problems of Economic Growth  
in Russia within the Framework of Contemporary  
Unified State Monetary Policy and the Bank  
of Russia Key Rate . . . . .** 34
- N.N. Karabutov*  
**Interrelation of Indices  
Determining Inflation Rate. . . . .** 42
- E.V. Bogomolov*  
**Russian Household Financial  
Behavior Characteristics . . . . .** 49
- S.V. Shurina*  
**Supporting Measures for Subjects of Small  
and Medium Entrepreneurship in Priority Sectors  
of Russian Economy in 2020 . . . . .** 60
- V.A. Kapitanov, A.Y. Maksimova, O.S. Osipova*  
**Social Administration System and Forecasting  
Perfection by Means of a Number of Statistical  
Collisions Elimination . . . . .** 72

## REGIONAL ECONOMY

- E.A. Zakharchuk, A.F. Pasyukov, P.S. Trifonova*  
**The Role of Budget and Tax Policy in the Formation  
of Financial Balances of Regions on the Example  
of the Ural Federal District. . . . .** 86
- N.N. Parasotskaya, N.D. Yakovlev*  
**Features of Regulation of Territorial Proportions of Social  
and Economic Development through the Sphere of Public  
Finance as a Strategic Aspect of Budget and Tax Policy . . . . .** 99

## ACCOUNTING AND AUDIT

- V.G. Getman*  
**Improving the Legal Framework  
for Applying the Simplified Tax System. . . . .** 108

## TAXES AND TAXATION

- L.I. Goncharenko, V.P. Vishnevskiy, A.V. Gurnak*  
**Features of Tax Regulation in the Context  
of the Fourth Industrial Revolution . . . . .** 114
- E.Y. Sidirova*  
**Improvement of the Taxation Mechanism when  
Applying the Customs Procedure “Customs Warehouse”  
in the Framework of Transformation  
of the Customs Policy of Russia . . . . .** 123

## LAW

- G.F. Ruchkina, V.K. Shaydullina*  
**Meditative Practices in Tax Disputes:  
the Experience of the BRICS Countries . . . . .** 133
- M.V. Demchenko, E.P. Simayeva*  
**Harmonization of the Legislation of the EAEU Countries  
in the Field of Financial Technologies in 2020. . . . .** 141

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-6-19  
УДК 336.7+330.34(045)  
JEL E5, E6, G21

## Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов: мнение экспертов Финансового университета

М.А. Абрамова<sup>а</sup>, С.Е. Дубова<sup>б</sup>, Е.А. Звонова<sup>с</sup>, О.И. Лаврушин<sup>д</sup>, И.В. Ларионова<sup>е</sup>, В.В. Масленников<sup>ф</sup>, В.Я. Пищик<sup>г</sup>

Финансовый университет, Москва, Россия

<sup>а</sup> <https://orcid.org/0000-0001-9338-8478>; <sup>б</sup> <https://orcid.org/0000-0002-7033-1206>;

<sup>с</sup> <https://orcid.org/0000-0002-8923-860X>; <sup>д</sup> <https://orcid.org/0000-0002-8392-2064>;

<sup>е</sup> <https://orcid.org/0000-0001-6550-2472>; <sup>ф</sup> <https://orcid.org/0000-0001-6199-9979>;

<sup>г</sup> <https://orcid.org/0000-0002-9013-7670>

### АННОТАЦИЯ

*Предмет исследования* – единая государственная денежно-кредитная политика на среднесрочный период 2020–2022 гг. *Цель работы* – выявление достоинств и недостатков сформированной Банком России совместно с Правительством РФ единой государственной денежно-кредитной политики с точки зрения достижения макроэкономической цели: обеспечение реального экономического роста России. *Актуальность данной статьи* обусловлена усилением роли денежно-кредитной политики в повышении устойчивости функционирования объектов экономики в современных условиях. Рассмотрены вопросы координации денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политик, эффектов предлагаемых каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики, проблемы валютной политики. В статье эксперты Финансового университета положительно оценивают сформированные Банком России совместно с Правительством РФ основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 г. и период 2021 и 2022 гг. и вносят ряд предложений. Отмечается, что высокие риски неопределенности последствий политики протекционизма США и торговых войн для системы международных финансово-экономических отношений, а также санкционное давление на Россию обуславливают необходимость принятия системных мер, направленных на консолидацию валютного регулирования и валютного контроля, путем понижения степени уязвимости российской экономики от внешних шоков благодаря введению валютных ограничений на отток/приток спекулятивного капитала в сочетании с осуществлением строгого контроля за исполнением субъектами внешнеэкономической деятельности норм и требований валютного законодательства. Гибко регулируемый и прогнозируемый на перспективу диапазон валютного курса российской валюты должен препятствовать удорожанию дорогостоящего импортного оборудования, необходимого для переоснащения производственной базы и выпуска конкурентоспособной несырьевой российской продукции и в то же время способствовать обеспечению достаточной рентабельности и росту доходов от экспорта российских производителей

**Ключевые слова:** денежно-кредитная политика; процентная политика; антиинфляционная политика; ликвидность банковского сектора; валютная политика; финансовый рынок; банки

**Для цитирования:** Абрамова М.А., Дубова С.Е., Звонова Е.А., Лаврушин О.И., Ларионова И.В., Масленников В.В., Пищик В.Я. Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов: мнение экспертов Финансового университета. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(1):6-19. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-6-19

## ORIGINAL PAPER

# About the Reference Directions of Unified State Monetary Policy for 2020 and for the Period of 2021–2022: Financial University Experts' Opinion

M.A. Abramova<sup>a</sup>, S.E. Dubova<sup>b</sup>, E.A. Zvonova<sup>c</sup>, O.I. Lavrushin<sup>d</sup>, I.V. Larionova<sup>e</sup>, V.V. Maslennikov<sup>f</sup>, V.Y. Pishik<sup>g</sup>

Financial University, Moscow, Russia

<sup>a</sup> <https://orcid.org/0000-0001-9338-8478>; <sup>b</sup> <https://orcid.org/0000-0002-7033-1206>;<sup>c</sup> <https://orcid.org/0000-0002-8923-860X>; <sup>d</sup> <https://orcid.org/0000-0002-8392-2064>;<sup>e</sup> <https://orcid.org/0000-0001-6550-2472>; <sup>f</sup> <https://orcid.org/0000-0001-6199-9979>;<sup>g</sup> <https://orcid.org/0000-0002-9013-7670>

## ABSTRACT

*The subject of the research* is the unified state monetary policy for the medium-term period of 2020–2022. *The purpose of the work* is to identify the advantages and disadvantages of the unified state monetary policy formed by the Bank of Russia conjointly with the RF Government with relation to achieving macroeconomic goal to ensure real economic growth of Russia. *The importance of the research* is determined by the increasing role that monetary policy plays in raising economy subjects functioning sustainability under present-day conditions. The issues of monetary and fiscal policies coordination, the effects of fiscal policy transmission mechanism suggested, monetary policy problems are examined. In the article, Financial University experts take a favorable view of the reference directions of unified state monetary policy formed by the Bank of Russia conjointly with the RF Government for the year of 2020 and for the period of 2021–2022, as well as make a few suggestions. The authors also indicate that the high risks of uncertain consequences of the USA protectionist policy and of trade wars for the international financial and economic relationships, as well as sanction pressure on Russia call forth the necessity for action framework aimed at monetary control and regulation consolidation through decreasing of Russian economy external shocks vulnerability due to introducing currency restrictions for outflow and inflow of speculative capital coupled with strict control over the standards and monetary laws fulfillment by the external economic subjects. Flexibly regulated and predictable for long term Russian currency range should prevent from price rise of expensive imported equipment necessary for re-equipment of production basis and for manufacturing competitive non-resource-based produce, as well as facilitate sufficient profitability and export revenue rise for Russian producers.

**Keywords:** fiscal policy; interest rate policy; anti-inflation policy; liquidity of the banking sector; monetary policy; financial market; banks

**For citation:** Abramova M.A., Dubova S.E., Zvonova E.A., Lavrushin O.I., Larionova I.V., Maslennikov V.V., Pishik V.Y. About the reference directions of unified state monetary policy for 2020 and for the period of 2021–2022: Financial University experts' opinion. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(1):6-19. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-6-19

## НАУЧНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ

Установленные Банком России Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов<sup>1</sup> (далее — Основные направления ДКП) традиционно вызывают особый интерес у научного сообщества ввиду того, что они слу-

<sup>1</sup> Сайт Банка России «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов». URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on\\_2020\(2021-2022\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2020(2021-2022).pdf) (в ред. от 06.09.2019).

жат своеобразной программой деятельности Банка России в монетарной сфере на трехлетний период и определяют концептуальные основы государственного регулирования монетарных процессов в экономике России. Вследствие роста так называемой финансиализации экономики, приводящей к преобладанию финансовых сделок в общей структуре внутренних и международных отношений и подчинению реального сектора экономики финансовому сектору, большое значение для государственного регулирования национальной экономики имеет разработка документа, на-

учно обосновывающего влияние монетарных процессов на экономическое развитие, инструменты достижения желаемых целей монетарного регулирования в контексте обеспечения реального экономического роста страны.

Следует, несомненно, положительно оценить научную составляющую Основных направлений ДКП, которая постоянно совершенствуется, что следует из сравнения с представленным в прошлом году подобным документом на 2019 г. и период 2020 и 2021 гг. [1, с. 6–19], и учитывает новые явления и научные разработки в теории и практике государственного регулирования монетарных процессов. В Основных направлениях ДКП отражаются в настоящее время результаты экономических исследований, проводимых российскими и зарубежными специалистами в области оценки вклада ДКП в развитие национальной экономики с точки зрения воспроизводственного подхода к анализу различных направлений экономической политики, обосновывается позиция регулятора по отношению к принятию решений согласно макроэкономическому прогнозу, показывается связь ДКП с другими направлениями государственной политики, в первую очередь с бюджетной политикой, приводится описание каналов ее трансмиссионного механизма. Впервые в Основных направлениях ДКП сделана попытка поиска оптимального сочетания денежно-кредитной и макропруденциальной политики. Кроме того, научный интерес представляют приложения к Основным направлениям ДКП, которые не только носят информационный характер, но и дополняют результаты научных исследований регулирования монетарной сферы.

Научная составляющая Основных направлений ДКП придает им статус концептуального документа, позволяет обосновывать принимаемые Банком России решения в области регулирования монетарных процессов с учетом складывающейся макроэкономической ситуации и влияния внешних факторов, укрепляя тем самым доверие населения и бизнеса к институтам Банка России и способствуя обеспечению ценовой и финансовой стабильности в стране.

### **ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАНКОМ РОССИИ ЦЕНОВОЙ И ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И РЕАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА**

Представленный в Основных направлениях ДКП канал инфляционных ожиданий как значимый

трансмиссионный канал базируется на доверии участников экономических отношений к действиям регулятора. Если население и бизнес доверяют регулятору, то при принятии им решений они в меньшей степени реагируют на кратковременные колебания цен, вызываемые в том числе немонетарными факторами инфляции. Сегодня пока рано говорить о высоком уровне доверия населения и бизнеса. Так, в Основных направлениях ДКП отмечается, что увеличение НДС, ослабление рубля во второй половине 2018 г., рост цен на отдельные продовольственные и непродовольственные товары (разовые факторы) обусловили увеличение в 2019 г. инфляции и соответственно вызвали озабоченность населения и бизнеса ценовой динамикой. Данный вывод подтверждается тем, что население и бизнес чувствительно реагировали на изменение цен даже под влиянием разовых факторов.

Не вызывает сомнения целесообразность ограничения влияния немонетарных факторов инфляции, которые находятся в поле регуляторного воздействия. Среди этой группы факторов выделим монополизацию рынка. Известно, что в связи с проведением санации ряда крупных игроков монополизация финансового рынка резко возросла [2]. Индекс концентрации  $CR 10^2$  имеет устойчивую тенденцию к росту и составил по состоянию на 1 июля 2019 г. по активам банковского сектора 73%, кредитам нефинансовому сектору — 83%, вкладам физически лиц, депозитам и счетам юридических лиц — на уровне 76–79%<sup>3</sup>. В этом направлении регулятор предпринимает определенные действия, однако трансмиссия издержек монополий, в том числе регуляторного характера, остается достаточно высокой. В этой связи координация действий Банка России и ФАС могла бы быть более действенной в части сглаживания негативного влияния немонетарных факторов на издержки банков и стоимость финансовых услуг [3].

<sup>2</sup> Индекс концентрации CR (Concentration ratio) — показатель, характеризующий, какая доля рынка приходится на заданное количество самых крупных игроков (в данном случае 10), определяется как сумма долей рынка  $n$  самых крупных компаний. Чем выше полученное значение, тем ближе оно к 100, тем более монополизирован рынок.

<sup>3</sup> Банковская система в цифрах и графиках. Ассоциация Банков России, II квартал, 2019 г. URL: <https://asros.ru/analytics/asros/bankovskaya-sistema-v-tsifrah-i-grafikakh-4-ii-kvartal-2019-goda>.



Высоко оценивая научную составляющую Основных направлений ДКП, отметим, что, несмотря на то, что документ понятен специалистам, занимающимся вопросами монетарного регулирования экономики и оказывает влияние на формирование положительного имиджа Банка России, нам представляется необходимым для повышения финансовой грамотности населения давать в СМИ дополнительные пояснения к Основным направлениям ДКП, где были бы прописаны более понятным для населения языком действия, предпринимаемые Центральным банком в области обеспечения ценовой и финансовой стабильности, реального экономического роста. Таким образом, необходимо расширять адресные коммуникации по ДКП, способствуя повышению финансовой грамотности граждан и обеспечивая доверие населения и бизнеса к проводимой Банком России политике, что обуславливает формирование предсказуемой экономической среды для всех участников экономических отношений.

В Основных направлениях ДКП вновь повторяется утверждение о том, что денежно-кредитная политика, создавая важные условия для развития экономики, может служить источником устойчивого повышения экономического потенциала при условии обеспечения ее координации с иными направлениями экономической политики, прежде всего с бюджетной политикой, на основе постоянного взаимодействия Банка России с Минфином России и Минэкономразвития России, констатации непротиворечивости коммуникации по смежным вопросам. Так, действующий механизм бюджетного правила наряду с возможным расширением перечня валютных финансовых инструментов, в которые инвестируется ликвидная часть средств ФНБ, превышающая 7% от ВВП, не только обеспечит отсутствие инфляционного давления по бюджетному каналу, способствуя достижению цели ДКП по базовому сценарию, но и повысит общую доходность инвестирования средств ФНБ и может снизить излишнюю ликвидность банковского сектора. Однако при этом повысится волатильность цен на активы, а также увеличатся кредитные риски. Следует отметить важность поставленного в Основных направлениях ДКП вопроса о взаимодействии и взаимовлиянии денежно-кредитной и макроprudенциальной политики, необходимость которых подчеркивалась экспертами Финансового университета [4]. Банк России

придерживается принципа разделения целеполагания между денежно-кредитной и макроprudенциальной политикой. Считаем это справедливым, поскольку наши исследования также показывают, что влияния ценовой и финансовой стабильности на рост экономики в долгосрочном и краткосрочном периодах различаются. Так, в долгосрочном периоде финансовая стабильность оказывает влияние на рост экономики, а влияние со стороны ценовой стабильности может считаться нулевым, в то время как в краткосрочном периоде ценовая стабильность оказывает влияние на рост экономики, а влияние со стороны финансовой стабильности незначительно.

Однако существующие взаимосвязь и взаимное влияние этих политик позволяют утверждать, что ценовая стабильность должна быть одной из основных целей государственного регулирования монетарных процессов в краткосрочной и среднесрочной перспективах ДКП, но при условии обеспечения финансовой стабильности. Иными словами, достижение ценовой стабильности является одним из условий обеспечения финансовой стабильности. Однако следует учитывать, что при этом могут возникать взаимоисключающие последствия в виде разнонаправленных макроэффектов. Обеспечение финансовой стабильности за счет проведения жесткой макроprudенциальной политики и микроprudенциального регулирования достигается на протяжении последнего десятилетия за счет повышения требований к институтам финансового рынка, ограничивая тем самым их деловую активность, участие в поддержке субъектов экономики кредитными ресурсами. Поэтому можно сделать вывод, что создание условий для экономического роста посредством обеспечения ценовой стабильности делается в ущерб целевых ориентиров экономической политики государства, направленных на достижение устойчиво высоких темпов роста экономики.

Полагаем, что макроprudенциальной политике как связующему звену между государственной ДКП и обеспечением финансовой стабильности целесообразно уделять больше внимания. Макроprudенциальная политика, способствующая обеспечению стабильности финансовой системы, нацелена в целом, с одной стороны, на минимизацию вероятности реализации кризисных сценариев и купирование их негативных последствий,

а с другой стороны, позволяет посредством ДКП с большей вероятностью достигать цели поддержания ценовой стабильности. В то же время ценовая стабильность не является гарантией финансовой стабильности.

Не менее важным направлением достижения целевых ориентиров ДКП является ее координация с бюджетной политикой. В этой связи следует высоко оценить проведенное в рамках Основных направлений ДКП исследование влияния повышения НДС, тарифов и цен производителей на инфляционные ожидания населения и бизнеса (приложение 2), согласно которому обеспокоенность населения и бизнеса проблемой роста цен может постепенно уменьшаться по мере снижения инфляции и изменения характера инфляционных ожиданий. Но для этого необходимо, чтобы инфляция в течение продолжительного времени устойчиво оставалась вблизи 4%, что опять-таки во многом зависит от эффектов проводимой Банком России ДКП и доверия к регулятору.

Следует признать своевременным обращение Банка России к исследованию проблем, связанных с соблюдением бюджетного правила, — важнейшего элемента макроэкономической политики, снижающего чувствительность российской экономики к колебаниям мировых цен на нефть. Значимой в этой связи становится проблема инвестирования ликвидной части средств Фонда национального благосостояния. Но неясным остается вопрос о возможности влияния Банка России как органа, ответственного за осуществление ДКП, на выбор того или иного решения из представленных вариантов, а также о критериях такого выбора.

### ВЛИЯНИЕ ДКП НА РОСТ ЭКОНОМИКИ

В Основных направлениях ДКП справедливо отмечается, что замедление роста ВВП вызывается слабой инвестиционной активностью, значительным снижением годовых темпов роста экспорта на фоне ослабления внешнего спроса. Наши исследования [4–6] подтверждают вышеуказанный тезис. Между тем в Основных направлениях ДКП не упоминается падение на протяжении ряда лет реальных доходов населения, которое становится, на наш взгляд, серьезной проблемой, сдерживающей экономический рост.

Заметим, что Банк России обращался в 2019 г. к исследованию динамики денежных доходов и расходов населения, о чем свидетельствует доклад о денежно-кредитной политике (июнь 2019 г.)<sup>4</sup>. В нем при констатации факта падения реальных располагаемых доходов населения как фактора, оказывающего существенное негативное влияние на динамику реальных располагаемых доходов населения, называются фактор повышения процентных платежей по кредитам и завышение отрицательного влияния роста процентных платежей на бюджет домохозяйств вследствие значительной доли ипотеки в кредитном портфеле.

Принимая во внимание значимость указанных факторов, Банк России должен дополнительно исследовать влияние падения/роста реальных располагаемых доходов населения не только на сберегательное поведение населения, но и на темпы инфляции. Рост реальных располагаемых доходов населения может позитивно сказаться на экономическом росте, качестве кредитных портфелей коммерческих банков, однако без оценки регулятором последствий подобного решения для инфляции реализация этого предложения представляется преждевременной.

Как положительный фактор повышения научной составляющей Основных направлений ДКП Банка России в области формирования и реализации денежно-кредитной политики можно отметить представленное в более развернутом виде (по сравнению с прошлыми годами) описание каналов ее трансмиссионного механизма с отражением особенностей их влияния на экономику (приложение 1), где особое внимание уделяется процентному каналу трансмиссионного механизма ДКП, что в целом согласуется с ее целевыми ориентирами и задачами снижения инфляционных ожиданий. Формирование предсказуемой динамики процентных ставок как результат действий Центрального банка обеспечивает внутреннюю макроэкономическую стабильность и сохранение стабильно низкой инфляции. Вместе с тем значимость банков для финансового сектора России, а также развитие кредитования небанковскими кредитными организациями предполагают анализ специального кредитного канала трансмиссионного механизма ДКП.

<sup>4</sup> Сайт Банка России. URL: [https://cbr.ru/Collection/Collection/File/19993/2019\\_02\\_ddcp.pdf](https://cbr.ru/Collection/Collection/File/19993/2019_02_ddcp.pdf).

В связи с этим можно обратить внимание Банка России на то, что в Основных направлениях ДКП следовало бы уделить большее внимание кредитному каналу трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики (не только в контексте его взаимодействия с процентным каналом). Действие этого канала зависит не только от процентной ставки, но и проведенной оптимизации процедуры осуществления кредитных и депозитных операций Банка России, что влияет на первое звено кредитного канала. Эффективность ДКП в части ее кредитной составляющей определяется в том числе качеством кредитных потоков, но, к сожалению, в настоящее время кредит опять остался вне поля регулирования с позиции границ его использования, цикличности движения кредита, эффективности кредитования. Полагаем, что Банку России необходимо обращать больше внимания на исследование ключевых проблем, связанных с пониманием значения и роли кредита в обеспечении экономического роста [7].

Положительно оценивая текст Основных направлений ДКП, считаем целесообразным внесение ряда предложений по ключевым проблемам.

### **ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ДКП**

Банк России из года в год последовательно декларирует в своих документах проведение умеренно-жесткой ДКП. Но до настоящего времени остаются нераскрытыми критерии классификации такой политики. Отнесение реализуемой ДКП к умеренно-жесткой политике вызывает сомнение, поскольку объем операций Банка России по регулированию профицита ликвидности в 2018–2019 гг. превышал объем операций по рефинансированию кредитных организаций, который сокращается. Заметим, что в Основных направлениях ДКП, так же как и в прошлом году, не содержится анализ действующей системы инструментов предоставления ликвидности банковскому сектору, способных стать стимулами инновационной экономической активности [8].

Позиция Центрального банка об отсутствии у него возможности воздействия инструментами ДКП на производительность факторов производства и внедрение технологий, а также о том, что ДКП влияет на отклонения темпов роста экономики от потенциального уровня, но не на сам экономический потенциал, должна быть подвергнута критике

в контексте обеспечения выполнения поставленной задачи стимулирования реального экономического роста. Именно Центральный банк может и должен создавать условия для обеспечения доступности «длинных» денег в национальной экономике для инвестиций в развитие современных технологий, перевооружение производства, что является необходимым условием для роста производительности факторов производства.

Однако в Основных направлениях ДКП вновь обосновывается вывод о том, что попытки стимулировать экономический рост в России мерами денежно-кредитной политики в текущих условиях через необоснованное снижение ключевой ставки приведут к масштабным негативным процессам. В них подчеркивается, что основным инструментом ДКП Банка России является ключевая ставка, которая соответствует минимальной процентной ставке на аукционах РЕПО Банка России на срок одна неделя и минимальной процентной ставке на депозитных аукционах Банка России на срок одна неделя. Почему из всех инструментов и методов ДКП Банком России упор делается только на ключевую ставку и слабо используются каналы, позволяющие насыщать экономику средне- и долгосрочными ресурсами?

В Основных направлениях ДКП отсутствует упоминание о специализированных механизмах рефинансирования Банка России, используемых регулятором в период 2014–2019 гг. Задолженность по указанным инструментам последний раз была показана в мартовском 2019 г. докладе о денежно-кредитной политике, поэтому полагаем, что Банк России завершил их применение. На протяжении пяти лет их использования эксперты Финансового университета поддерживали применение регулятором указанных мер, отмечая их точечное позитивное воздействие на сектора экономики, в которых они применялись [5, 9]. Несмотря на отсутствие рыночных основ, продолжаем считать преждевременным завершение их применения. Учитывая, что финансовые санкции в отношении экономики России сохраняются на всем прогнозном горизонте, можно было бы сохранить применение указанных мер на протяжении двух-трех лет в качестве внутренних источников развития в отношении приоритетных отраслей экономики и поддержки импортозамещения [8].

В этой связи следует отметить крайне низкие показатели операций Банка России в части

специализированных механизмов рефинансирования. За первые восемь месяцев 2019 г. общий объем предоставленных Банком России кредитов, обеспеченных нерыночными активами или поручительствами, включая специализированные механизмы рефинансирования, составил 496 443,32 млн руб., в то время как объем внутрисдневных кредитов был в 83 раза выше — 41 364 929,46 млн руб. и кредитов овернайт — 68 122,81 млн руб.<sup>5</sup> По состоянию на 1 сентября 2019 г. совокупная величина кредитов составила лишь 213 261,54 млн руб., включая кредиты Банка России под права требования по кредитам, обеспеченным договорами страхования АО «ЭКСПАР», — 44 379,32 млн руб., кредиты Банка России под права требования по кредитам на реализацию инвестиционных проектов, исполнение обязательств по которым обеспечено государственными гарантиями Российской Федерации, — 91 799,27 млн руб., кредиты Банка России под права требования по кредитам, предоставленным АО «МСП Банк» своим партнерам по Программе финансовой поддержки развития малого и среднего предпринимательства на цели кредитования субъектов МСП, а также права требования по кредитам, предоставленным АО «МСП Банк» лизинговым компаниям на цели предоставления имущества в лизинг субъектам МСП, — 5007 млн руб., кредиты Банка России под поручительства АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», выданные в рамках Программы стимулирования кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства, — 71 877,91 млн руб., кредиты Банка России под права требования по кредитам, предоставленным лизинговым компаниям, — 198,04 млн руб.<sup>6</sup>

Очевидно, что в условиях крайне малых объемов долгосрочного рефинансирования со стороны Банка России ключевая ставка преимущественно влияет только на показатели текущей ликвидности банковского сектора, не оказывая необходимого положительного воздействия на формирование ресурсной базы для реализации долгосрочных инвестиционных проектов в Рос-

сийской Федерации. При этом в анализируемом документе справедливо отмечается, что для увеличения основных фондов во многих отраслях за счет реализации инвестиционных проектов потребуется время.

Основная идея Основных направлений ДКП приведена в их первой фразе: «Денежно-кредитная политика Банка России нацелена на поддержание ценовой стабильности в российской экономике»<sup>7</sup>. При этом само состояние российской экономики является лишь «побочным фактором» при принятии решения о проводимой Банком России ДКП. Учитывая это, весьма логичным, но неприемлемым с позиции общегосударственных интересов, является подход Банка России к выбору характера ДКП. Так, стимулирующая ДКП применяется при устойчивом отклонении инфляции вниз от цели или наличии рисков устойчивого отклонения без принятия мер ДКП, а сдерживающая ДКП, напротив, используется при устойчивом отклонении инфляции вверх от цели или формировании рисков такого отклонения без принятия мер ДКП. Иными словами, сегодня выбор типа ДКП осуществляется без учета состояния экономики, а стимулирование или сдерживание экономического роста являются для Банка России только следствием наблюдаемого или прогнозируемого уровня инфляции. Единственные факторы, которые принимаются во внимание, — это цены на нефть и влияющая на внешний спрос на нефть динамика роста мировой экономики. Тем самым вновь воспроизводится логика российской экономики как сырьевого придатка мировой экономики, и даже не делается попытка выхода из этого порочного круга. В Основных направлениях ДКП так и указано, что Банк России рассматривает три сценария среднесрочного прогноза развития экономики: базовый — как основной сценарий, на основе которого принимаются решения по денежно-кредитной политике, и дополнительные сценарии — с высокими ценами на нефть и рискованный сценарий.

Обращает на себя внимание процикличность закладываемой в рискованный сценарий ДКП. Например, в случае падения цены на нефть в 2020 г. до уровня 25 долл. США за баррель, сокращения валового внутреннего продукта на 1,5–2,0%, падения валового

<sup>5</sup> Сайт Банка России. Объем предоставленных Банком России кредитов. URL: [https://www.cbr.ru/statistics/idkp\\_br](https://www.cbr.ru/statistics/idkp_br).

<sup>6</sup> Сайт Банка России. Требования Банка России к кредитным организациям по специализированным механизмам рефинансирования. URL: [https://www.cbr.ru/hd\\_base/specref](https://www.cbr.ru/hd_base/specref).

<sup>7</sup> Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов. С. 3. URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on\\_2020\(2021–2022\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2020(2021–2022).pdf) (в ред. от 06.09.2019).

накопления на 14–15% (при уменьшении валового накопления основного капитала на 5,5–6,5%) предусмотрено снижение темпа роста денежной массы в национальном определении с 8–12 до 2–7%. При этом требует отдельного пояснения авторами документа, каким образом в этих условиях будет обеспечиваться рост требований банковской системы к организациям в рублях и иностранной валюте с 7–10 до 10–15%, а также как темп роста расходов на конечное потребление домашних хозяйств весьма оптимистично сократится лишь на 2,5–3,5% (до слабо отрицательного значения минус 1,5–2,0%) при снижении темпа роста требований банковской системы к населению с 8–12% до отрицательного минус 5 — плюс 2%? Следует отметить, что в качестве результата такой жесткой проциклической политики на фоне сокращения инвестиций, конечного потребления, темпов роста денежной массы авторы документа видят возобновление в 2021 г. экономического роста на уровне 1,0–2,0% ВВП. В 2021 г. при сохранении низких цен на нефть предлагается продолжать такую же жесткую ДКП, сдерживая рост денежной массы в национальном выражении на уровне 3–8%, обеспечивая, по мнению авторов документа, достижение еще более многообещающего результата в плане экономического роста (по мере адаптации к изменившимся внешним условиям) в 2022 г. — 3,5–4,5%, что существенно выше прогнозируемого в рамках базового и благоприятного сценариев темпа роста ВВП в 2022 г. (2,0–3,0%).

В разделе 4 «Операционные процедуры денежно-кредитной политики в 2019 году и 2020–2022 годах» Основных направлений ДКП прогнозируется сохранение профицита ликвидности в банковском секторе. Можно положительно оценивать повышение технологичности и удобства использования банками операций Банка России, но это не решает проблему сохранения указанного профицита на фоне того, что реальный сектор экономики по-прежнему остро нуждается в дополнительных денежных средствах на кредитной основе [10]. В качестве причин возникновения профицита ликвидности не выделяются:

- нестабильная экономическая ситуация, обусловленная введением антироссийских санкций и усилением экономической блокады;
- изменения налогового законодательства, повышающие нагрузку на бизнес;
- снижение доверия к банковской системе, в частности обусловленное активным отзывом

банковских лицензий, а также проведением санкции крупных игроков рынка;

- низкая рентабельность хозяйственных организаций, влияющая на спрос на кредиты реальному сектору экономики;
- высокий уровень кредитных рисков, обуславливающий снижение деловой активности банков в сфере кредитования.

Эффективность кредитного канала трансмиссионного механизма ДКП во многом зависит от качества микропруденциальной политики Банка России, которая позволяет либо стимулировать деловую активность банковского сектора, его взаимодействие с хозяйствующими субъектами и домашними хозяйствами, либо ее ограничивать, строго следуя внедрению международных стандартов. Вместе с тем в Основных направлениях ДКП отсутствует специальный раздел, отражающий позицию Банка России в области микропруденциальной политики.

Валютному курсу отводится в Основных направлениях ДКП пассивная роль «встроенного стабилизатора», помогающего экономике подстраиваться под изменение внешних деструктивных факторов и сглаживать их влияние. Такое «подстраивание», по мнению Центрального банка, предусматривает использование исключительно плавающего курса российского рубля как необходимого условия эффективного влияния ДКП на экономику страны. Динамика валютного курса не рассматривается как значимый и самостоятельный инструмент макроэкономического регулирования, учитывающий структурные и иные особенности экономики и создающий условия для поддержания финансовой стабильности в стране. Как отмечается в Основных направлениях ДКП, «Банк России не проводит интервенций на внутреннем валютном рынке в целях поддержания определенного уровня курса или скорости его изменения»<sup>8</sup>.

На протяжении 2018–2019 гг. наблюдается существенная волатильность курса российского рубля, усиливающаяся после введения правительством США очередных пакетов санкций в отношении российских компаний и физических лиц. Так, в августе 2018 г. курс доллара к рублю

<sup>8</sup> Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов. С. 8. URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on\\_2020\(2021-2022\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2020(2021-2022).pdf) (в ред. от 06.09.2019).

подскочил на 5% по отношению к рублю, а в августе 2019 г. — на 4% на фоне резко усилившегося спроса на валюту из-за роста санкционных рисков и возросшей неопределенности на рынках энергоносителей. Согласно данным терминала *Bloomberg* на 2 августа 2019 г. российский рубль поднялся на четвертую позицию среди самых волатильных валют с показателем 10%<sup>9</sup> после южноафриканского ранда (15%), турецкой лиры (14,5%) и бразильского реала (12,42%). На протяжении двух предыдущих месяцев рубль находился на 7–8-х позициях рейтинга.

В 2018 г. пределы колебаний курса рубля находились в особенно широком диапазоне 56–70 руб./долл. США. В 2018–2019 гг. резко усилился отток капитала из России: в соответствии с данными Банка России всего за 2018 г. чистый отток капитала из страны вырос в 2,7 раза по сравнению с предыдущим годом до 67,5 млрд долл. США<sup>10</sup>. В январе–августе 2019 г. чистый отток капитала из Российской Федерации по оценке Банка России увеличился в 1,3 раза до 26,1 млрд долл. США по сравнению с 20,6 млрд долл. США оттока за аналогичный период 2018 г.<sup>11</sup>

В Основных направлениях ДКП в качестве позитивного результата ослабления российского рубля отмечается ускорение адаптации экономических субъектов к новым институциональным условиям, в том числе через содействие «развитию импортозамещения как одного из способов снижения чувствительности экономики к внешним факторам»<sup>12</sup>. На практике российское импортозамещение не развивается, несмотря на, казалось бы, созданные для ряда отечественных производителей благоприятные условия. Согласно данным ФТС России общий объем российского импорта по итогам 2018 г. вырос в стоимостном выражении примерно на 5%, в том числе импорт продовольственных товаров — на 2,4%, машин

и оборудования — на 2%, химической продукции — на 8%. Такое увеличение произошло на фоне нового витка девальвации в 2018 г., в результате которой курс рубля к доллару снизился в среднем на 8%<sup>13</sup>.

В качестве другого важного механизма смягчения влияния на российскую экономику и валютный рынок колебаний конъюнктуры ключевого для России рынка нефти выделяется применение с 2018 г. нового бюджетного правила<sup>14</sup>. Использование Минфином России бюджетного правила предполагает возможность Банка России «проводить операции с иностранной валютой на внутреннем рынке в случае возникновения угрозы для финансовой стабильности, а также для пополнения (использования) международных резервов»<sup>15</sup>. По сути, применение бюджетного правила является одной из форм регулирования валютного курса рубля путем проведения (прекращения) валютных интервенций в случае обострения рисков курсовой волатильности [11]. В данном случае ставится под сомнение эффективность функции плавающего валютного курса рубля как «встроенного стабилизатора» экономики от деструктивных внешних факторов. В апреле и мае 2018 г., а затем с августа 2018 по 15 января 2019 г. покупки валюты для Минфина России были прекращены из-за ослабления курса рубля на фоне ужесточения санкций и антироссийской риторики администрации США.

Как отмечается в Основных направлениях ДКП, «низкая и стабильная инфляция создает условия для снижения валютизации активов и обязательств в экономике. Это, в свою очередь, снижает влияние изменения внешних условий

<sup>9</sup> Волатильность рубля на один месяц рассчитывается на основе цен на месячные опционы на курс доллара к рублю.

<sup>10</sup> Отток капитала из России вырос в 2018 г. в 2,7 раза. Ведомости. 17.01.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2019/01/17/791702-ottok-kapitala>.

<sup>11</sup> Отток капитала из России за восемь месяцев вырос в 1,3 раза. 10.09.2019. URL: <https://www.interfax.ru/business/675921>.

<sup>12</sup> Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 г. и период 2021 и 2022 годов, с. 107. URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on\\_2020\(2021-2022\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2020(2021-2022).pdf) (в ред. от 06.09.2019).

<sup>13</sup> Даже слабый рубль не помогает импортозамещению. 10.02.2019. URL: [http://www.ng.ru/economics/2019-02-10/4\\_7503\\_ruble.html](http://www.ng.ru/economics/2019-02-10/4_7503_ruble.html).

<sup>14</sup> В соответствии с бюджетным правилом Минфин России направляет в ФНБ дополнительные нефтегазовые доходы, когда рыночная цена нефти превышает цену отсечения в бюджете. В 2018 г. цена отсечения составляет 40 долл. США за баррель. Каждый год цену отсечения в бюджете увеличивают на 2%. В 2019 г. дополнительными признаются доходы, полученные от цены нефти *Urals* свыше 41,6 долл. США за баррель. В бюджет 2019 г. такие доходы запланированы в размере 3,369 трлн руб., в 2020 г. — 2,777 трлн руб. (42,4 долл. США за баррель), на 2021 г. — 2,632 трлн руб. (43,3 долл. США за баррель).

<sup>15</sup> Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов. С. 8. URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on\\_2020\(2021-2022\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2020(2021-2022).pdf) (в ред. от 06.09.2019).

на экономику»<sup>16</sup>. В течение 2014–2016 гг. доля валютной части балансов банков (как активов, так и пассивов) действительно устойчиво снижалась. Однако в 2018–2019 гг. тренд на девальвацию приостановился. Как отмечается в обзоре о финансовой стабильности Банка России за IV квартал 2018 г., в этот период существенно возрос объем свопов и межбанковских кредитов в иностранной валюте. Россия характеризуется также сравнительно высоким уровнем валютизации кредитов и обязательств банков (23% по обоим показателям). Для сравнения: в Аргентине, которая, как и Турция, переживает финансовый кризис, валютизация кредитов составляет 17%, обязательств — 24%<sup>17</sup>.

Согласно данным Банка России в I квартале 2019 г. прирост средств в иностранной валюте на счетах клиентов достиг рекордной величины, составив около 11 млрд долл. США, из которых 5,8 млрд долл. США приходятся на юридические лица, 5,5 млрд долл. США — на физические лица<sup>18</sup>. В качестве причин отмечаются санкционное давление, волатильность доллара к рублю и «девальвационные» настроения населения, вновь обращающего внимание на валюту. В целях противодействия тенденции валютизации Банк России повысил с 1 августа 2019 г. для банков на один процентный пункт нормативы обязательных резервов по обязательствам в иностранной валюте, т.е. по валютным депозитам и расчетным счетам физических и юридических лиц. Теперь для обязательств перед физическими лицами нормативы резервирования составляют 7%, перед компаниями-нерезидентами и для прочих обязательств — 8%. Ранее с 1 июня 2019 г. Банк России путем увеличения коэффициента риска ограничил валютное кредитование компаний<sup>19</sup>.

<sup>16</sup> Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов. С. 6. URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on\\_2020\(2021-2022\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2020(2021-2022).pdf) (в ред. от 06.09.2019).

<sup>17</sup> Юдаева: ЦБ может дополнительно ограничить валютное кредитование. 03.10.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/03/iudaeva-cb-mozhet-dopolnitelno-ogranichit-valiutnoe-kreditovanie.html>.

<sup>18</sup> Finita la дедолларизация. ЦБ обнаружил рост интереса к валюте. 18 Апреля 2019. URL: <https://1prime.ru/finance/20190418/829907328.html>.

<sup>19</sup> Всем сдать доллары: как будет проходить дедолларизация сбережений россиян. 18.07.2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/snegtv/vsem-sdat-dollar-y-kak-budet-prohodit-dedollarizaciya-sberejenii-rossiian-5d307fbcf2df2500ad9dd647>.

В Основных направлениях ДКП отмечаются ухудшение внешних условий функционирования российской экономики, существенное уменьшение перспектив роста мировой экономики на фоне усиления торговых противоречий и действия иных геополитических факторов в 2019 г. В этих условиях возрастает актуальность адекватной реакции на новые внешние вызовы. Современная российская экономика со значительными структурными дисбалансами, высокой степенью открытости и зависимости макроэкономической ситуации и финансовой устойчивости от экспорта преимущественно энергоносителей сталкивается одновременно с рисками чрезмерного сжатия инфляции, не соответствующего сложившимся внутренним и внешним условиям, с одной стороны, и рисками высокой волатильности курса рубля, с другой стороны [12].

Вполне логичным в новом нестабильном глобальном контексте представляется переход в сфере монетарной политики к режиму мягко регулируемого валютного курса рубля в диапазоне, определяемом фундаментальными факторами состояния экономики, в целях повышения его роли в поддержании финансово-экономической стабильности. Более равномерное распределение ответственности за поддержание макроэкономической устойчивости между валютной и денежно-кредитной политикой позволит смягчить ориентир таргетирования инфляции, установив диапазон роста потребительских цен в оптимальных для нынешних условий пределах (т.е. выше 4%), и перейти к более гибкой процентной политике. Такой маневр в стратегии Банка России позволит оживить инвестиционный и потребительский спрос, обеспечивая в то же время поддержку финансово-экономической стабильности в стране.

Актуальность такого маневра в контексте оценки влияния монетарной политики Банка России на реальный сектор экономики подтверждается, в частности, логической взаимосвязью Основных направлений ДКП и указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2019–2024 годов» (далее — Указ № 204). Оба документа имеют общую нацеленность на повышение уровня и качества жизни российских граждан и содействие экономическому росту путем реализации содержащихся в Указе № 204 приоритетных национальных проектов.

Однако, как отмечается в Основных направлениях ДКП, в I квартале 2019 г. годовой темп прироста инвестиций в основной капитал замедлился до 0,5 с 2,9% в предыдущем квартале, а «динамика таких показателей инвестиционной активности, как выпуск инвестиционных товаров и импорт машиностроительной продукции, в январе–июле 2019 г. была неоднородной и неустойчивой»<sup>20</sup>. Для решения первоочередных задач повышения темпов и качества экономического роста, помимо структурных реформ, становится очевидной потребность в оптимизации стратегии ДКП в целом и определении места валютной политики Банка России в этой стратегии в частности. Это имеет важное значение для выполнения содержащихся в Указе № 204 поручений Правительству РФ по обеспечению роста производительности труда в базовых несырьевых отраслях экономики не ниже 5% в год и достижению к 2024 г. объема экспорта (в стоимостном выражении) несырьевых неэнергетических товаров на сумму 250 млрд долл. США в год<sup>21</sup>. В сфере монетарной политики решению этих двух важнейших стратегических задач могут способствовать определение и поддержание оптимального уровня валютного курса рубля. Обоснованный фундаментальными факторами гибко регулируемый и прогнозируемый на перспективу диапазон валютного курса российской валюты, с одной стороны, не приводил бы к удорожанию дорогостоящего импортного оборудования, необ-

ходимого для переоснащения производственной базы и выпуска конкурентоспособной несырьевой российской продукции, а с другой стороны, мог бы обеспечивать достаточную рентабельность и рост доходов от экспорта российских производителей.

Высокие риски неопределенности последствий политики протекционизма США и торговых войн для системы международных финансово-экономических отношений, а также санкционное давление на Россию повышают актуальность принятия системных мер по консолидации валютного регулирования и валютного контроля. Понизить степень уязвимости российской экономики к внешним шокам можно путем введения валютных ограничений на отток/приток спекулятивного капитала в сочетании с обеспечением строгого надзора за исполнением субъектами внешнеэкономической деятельности норм и требований валютного законодательства.

Есть некоторые замечания принципиально-го плана в отношении характера Основных направлений ДКП, которые структурно дублируют публикуемые Банком России четыре раза в год доклады о денежно-кредитной политике. Несмотря на заявления Банка России о том, что базовый сценарий будет публиковаться четыре раза в год в пресс-релизе по итогам заседаний Совета директоров Банка России по ключевой ставке и в докладе о денежно-кредитной политике, а дополнительные сценарии — один раз в год, представляется, что Основные направления ДКП должны носить более стратегический характер. Кроме того, они не должны меняться из года в год, а должны быть ориентированы на ст. 45 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

<sup>20</sup> Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов. С. 74–75. URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on\\_2020\(2021–2022\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2020(2021–2022).pdf) (в ред. от 06.09.2019).

<sup>21</sup> Указ № 204.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова М. А., Дубова С. Е., Захарова О. В., Ершов М. В., Лаврушин О. И. Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов: мнение экспертов Финансового университета // Экономика. Налоги. Право. — 2019. — Т. 12. — № 1. — С. 6–19. — ISSN 1999–849X. — DOI: 10.26794/1999–849X–2019–12–1–6–19
2. Ларионова И. В. Основные тренды регулирования банковского сектора // Банковские услуги. — 2019. — № 4 (апрель). — С. 2–9. ISSN: 2075–1915.
3. Larionova I. The Capital Requirements (Basel III) and the Banking Sector Business Activity. *Journal of Reviews on Global Economics*, 2018;7.
4. Абрамова М. А. Новые траектории развития финансового сектора России: монография / под общей ред. М. А. Эскиндарова, В. В. Масленникова. — Москва: Когито-Центр, 2019. — 367 с. — 500 экз. — ISBN 978–5–89353–552–5.
5. Абрамова М. А. Роль кредитной системы России в формировании внутреннего инвестиционного спроса: монография. — Москва: КНОРУС, 2018. — 214 с. — 500 экз. — ISBN 978–5–4362913–4.



6. Banks as the actors of a modern monetary policy in Russia: effects of exposure on the economy. *Journal of Reviews on Global Economics*. 2018;7:406–416. DOI: 10.6000/1929–7092.2018.07.34
7. Лаврушин О.И. О приведении банковского регулирования в соответствие со стандартами Базельского комитета по банковскому надзору (Базель III) в условиях нестабильной экономической ситуации: монография. — Москва: КНОРУС, 2018. — 190 с. — ISBN 978–5–406–06284–5.
8. Дубова С.Е., Домашенко А.А. Развитие механизмов стимулирующего банковского регулирования на основе концепции пропорционального регулирования и лучших зарубежных практик // *Банковское дело*. — 2019. — № 8. — С. 62–67. — ISSN 2071–4904.
9. Абрамова М.А., Дубова С.Е., Звонова Е.А., Ларионова И.В., Масленников В.В. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2018 год и период 2019 и 2020 годов: мнение экспертов Финансового университета // *Экономика. Налоги. Право*. — 2018. — Т. 11. — № 1. — С. 6–20. — ISSN 1999–849X. — DOI: 10.26794/1999–849X-2018–11–1–6–19
10. Ларионова И.В. Асинхронность регулирования банковского сектора и потребностей национальной экономики: возможные пути развития // *Банковские услуги*. — 2019. — № 3 (апрель). — С. 20–26. — ISSN 2075–1915.
11. Звонова Е.А. Сценарный анализ стратегий развития российского валютного рынка // *Экономика. Налоги. Право*. — 2018. — Т. 11. — № 6. — С. 26–38.
12. Пищик В.Я. Новые вызовы в сфере монетарной политики России в контексте глобальных структурных дисбалансов // *Экономика. Налоги. Право*. — 2017. — Т. 10. — № 3. — С. 22–30.

## REFERENCES

1. Abramova M.A., Dubova S.E., Zakharova O.V., Yershov M.V., Lavrushin O.I. On the guidelines for the single state monetary policy for 2019 and the period of 2020 to 2021: expert opinion of financial university. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12():6–19. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–1–6–19
2. Larionova I.V. Main trends of banking sector regulation. *Bankovskie uslugi = Banking service*. 2019;(4):2–9. (In Russ).
3. Larionova I. The capital requirements (Basel III) and the banking sector business activity. *Journal of Reviews on Global Economics*, 2018:(7).
4. Abramova M.A. New trajectories of development of the financial sector of Russia: monograph / M.A. Eskinarov, V.V. Maslennikov, eds. Moscow: Kogito-Tsentr; 2019. 367 p. (In Russ.).
5. Abramova M.A. The role of the credit system of Russia in the formation of domestic investment demand: monograph. Moscow: KNORUS; 2018. 214 p. (In Russ.).
6. Banks as the actors of a modern monetary policy in Russia: effects of exposure on the economy. *Journal of Reviews on Global Economics*. 2018;7:406–416. DOI: 10.6000/1929–7092.2018.07.34
7. Lavrushin O.I. On bringing banking regulation in line with the standards of the basel committee on banking supervision (Basel III) in an unstable economic situation: monograph. Moscow: KNORUS; 2018. 190 p. (In Russ.).
8. Dubova S.E., Domashenko A.A. Development of mechanisms of stimulating banking regulation on the basis of the concept of proportional regulation and best foreign practices. *Bankovskoe delo = Banking*. 2019;(8):62–67. (In Russ.).
9. Abramova M.A., Dubova S.E., Zvonova E.A., Larionova I.V., Maslennikov V.V. Guidelines for the single state monetary policy in 2018 and for 2019–2020: expert opinion of financial university. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2018;11(1):6–20. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2018–11–1–6–19
10. Larionova I.V. Asynchronous regulation of the banking sector and the needs of the national economy: possible ways of development. *Bankovskie uslugi = Banking service*. 2019;(3):20–26
11. Zvonova E.A. Scenario analysis of the russian forex market development strategies. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2018;11(6):26–38. (In Russ.).
12. Pishchik V.Y. New challenges for the russian monetary policy in the context of global structural imbalances. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2017;10(3):22–30. (In Russ.).

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ**

**Марина Александровна Абрамова** — доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента финансовых рынков и банков, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра денежно-кредитных отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

MAbramova@fa.ru

**Светлана Евгеньевна Дубова** — доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет, Москва, Россия

sedubova@fa.ru

**Елена Анатольевна Звонова** — доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

EAZvonova@fa.ru

**Олег Иванович Лаврушин** — доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет, Москва, Россия

olavrushin@fa.ru

**Ирина Владимировна Ларионова** — доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет, Москва, Россия

ILarionova@fa.ru

**Владимир Владимирович Масленников** — доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

vvmaslennikov@fa.ru

**Виктор Яковлевич Пищик** — доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

VPiwik@fa.ru

**ABOUT THE AUTHORS**

**Marina A. Abramova** — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Financial Markets and Banks, Senior Resercher at Scientific Research Center for Money-and-Credit Relations, Financial University, Moscow, Russia.

MAbramova@fa.ru

**Svetlana E. Dubova** — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Financial Markets and Banks, Financial University, Moscow, Russia.

sedubova@fa.ru

**Elena A. Zvonova** — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Department Of World Economy and Finance, Financial University, Moscow, Russia.

EAZvonova@fa.ru

**Oleg I. Lavrushin** — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Financial Markets and Banks, Financial University, Moscow, Russia.

olavrushin@fa.ru

**Irina V. Larionova** — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Financial Markets and Banks, Financial University, Moscow, Russia.

ILarionova@fa.ru

**Vladimir V. Maslennikov** — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Pro-rector for Reserach, Financial University, Moscow, Russia.

vvmaslennikov@fa.ru

**Victor Y. Pishik** — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Research of Department Of World Economy and Finance, Financial University, Moscow, Russia.

VPiwik@fa.ru

**Заявленный вклад авторов:**

Абрамова М. А. — научное обоснование вопросов координации единой государственной денежно-кредитной политики с другими направлениями государственной экономической политики.

Дубова С. Е. — научный анализ применяемых инструментов и методов денежно-кредитной и финансовой политики и их влияние на экономический рост.

Звонова Е.А. — научное обоснование вопросов развития стратегии государственной монетарной политики и определения места валютной политики Банка России в этой стратегии.

Лаврушин О.И. — научное обоснование роли кредита в экономике.

Ларионова И.В. — научное обоснование целесообразности макропруденциальной политики как связующего звена между государственной денежно-кредитной политикой и обеспечением финансовой стабильности.

Масленников В.В. — научный анализ сценариев денежно-кредитной политики, ее влияния на экономический рост.

Пищик В.Я. — обоснование целесообразности режима гибко регулируемого диапазона валютного курса российской рубли с позиций оптимизации условий экспортно-импортных операций.

**Authors' contribution statement:**

M.A. Abramova — scientific basing for the issues of unified state monetary policy coordination with other aspects of state economic policy.

S.E. Dubova — scientific analysis of the instruments and methods of monetary and financial policy used and their influence on economic growth.

E.A. Zvonova — scientific basing for the issues of state monetary policy development strategy and of locating the role of Bank of Russia monetary policy in this strategy.

O.I. Lavrushin — scientific basing for the role of credit in economy.

I.V. Larionova — scientific basing for advisability of macroprudential policy as a link between monetary policy and financial stability ensuring.

V.V. Maslennikov — scientific analysis of monetary policy scenarios and their impact on economic growth.

V.Y. Pishik — substantiation of advisability for the mode of flexibly regulated Russian ruble rate of exchange from the point of view of optimization export-import operations.

*Статья поступила 12.10.2019; принята к публикации 30.12.2019.*

*Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.*

*The article was received 12.10.2019; accepted for publication 30.12.2019.*

*The authors read and approved the final version of the manuscript.*

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-20-33  
УДК 336.7+330.34(045)  
JEL C54, C68, E12, E52, E58

## Действие трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики в российской практике

Н.А. Станик<sup>а</sup>, Н.И. Крайнюков<sup>б</sup>

<sup>а</sup> Финансовый университет, Москва, Россия

<sup>а</sup> <https://orcid.org/0000-0001-5198-2161>; <sup>б</sup> <https://orcid.org/0000-0002-3461-3070>

### АННОТАЦИЯ

*Предмет исследования* – трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики. *Цели работы* – систематизация и классификация каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики с учетом различных теоретических подходов к макроэкономическим явлениям. В статье анализируются особенности каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики в российской практике с начала осуществления Банком России режима инфляционного таргетирования по настоящее время, включая периоды нестабильности. *Сделаны выводы* об эффективности отдельных каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики в российской экономике с точки зрения силы и скорости влияния денежно-кредитной политики на экономику и инфляцию. Особое внимание уделяется валютному и процентному каналу. Для анализа процентного и валютного каналов трансмиссии использовались модели регрессий с коинтеграционным соотношением между переменными и модель векторной авторегрессии. Получены оценки силы влияния ключевой ставки на ставки денежного рынка и рассчитана функция импульсного отклика валютного курса на изменение ставки.

**Ключевые слова:** денежно-кредитная политика; каналы трансмиссии; трансмиссионный механизм; каналы трансмиссионного механизма

**Для цитирования:** Станик Н.А., Крайнюков Н.И. Действие трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики в российской практике. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(1):20-33. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-20-33

## Monetary Policy Transmission Mechanism Action in Russian Practice

N.A. Stannik<sup>а</sup>, N.I. Kraynukov<sup>б</sup>

<sup>а</sup> Financial University, Moscow, Russia

<sup>а</sup> <https://orcid.org/0000-0001-5198-2161>; <sup>б</sup> <https://orcid.org/0000-0002-3461-3070>

### ABSTRACT

*The subject of the research* is the transmission mechanism of monetary policy. *The purpose of the work* is to systemize channels of transmission mechanism of monetary policy taking into consideration different theoretical approaches to macroeconomic phenomena. Particular qualities of transmission mechanism channels of monetary policy in Russian practice since the beginning of the inflation targeting regime implementation by the Bank of Russia up to date, including periods of instability, are analyzed. It is concluded that some transmission mechanism channels of monetary policy in Russian economy are effective from the point of view of power and speed of monetary policy influence on the economy and inflation. Special attention is paid to the exchange and interest channels. To analyze the percentage and currency channels, regression models with cointegration correlation between variables as well as the vector autoregression model are used. Estimations of influence power of the key interest rate on the monetary rate have been received, as well as the impact response function of the exchange rate to the rate change has been calculated.

**Keywords:** monetary policy; transmission channels; transmission mechanism; transmission mechanism channels

**For citation:** Stannik N.A., Kraynukov N.I. Monetary policy transmission mechanism action in Russian practice. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2020;13(1):20-33. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-20-33

## ВВЕДЕНИЕ

Важнейшей задачей монетарных властей является постоянный мониторинг эффективности трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики (далее — ТМ ДКП) и его отдельных каналов [1, 2]. Интерес научно-экспертного сообщества к данному механизму связан с его практической значимостью, так как понимание ТМ ДКП как цельной системы, обладающей разветвленной и сложной внутренней структурой, критически важно для реализации ДКП [3–7].

Проводимая Банком России ДКП<sup>1,2</sup> на период 2020–2021 гг., направленная на поддержание макроэкономической стабильности и инфляции в стране вблизи 4% на фоне напряженной геополитической ситуации, санкций, замедления темпов роста мировой экономики, торговых войн, требует постоянного анализа и внимания.

На функционирование и эффективность ТМ ДКП повлияли произошедшие за последние десятилетия кардинальные изменения в работе финансовых рынков, в том числе их стремительное развитие, а также изменение стратегий (режимов) ДКП и растущая популярность режима таргетирования инфляции (далее — режим ТИ) [2, 3], под которым понимается проведение центральным банком такой процентной политики, которая обеспечивает ценовую стабильность в стране. В частности, отмечается переход центральных банков к режиму ТИ практически во всех развитых государствах и во многих странах с формирующимися рынками потому, что данный режим зарекомендовал себя современным, научно-обоснованным, имеющим прочный теоретический и эмпирический фундаменты и доказал на практике свою эффективность [8]<sup>3,4</sup>. Кроме того, формирование нового качества всей экономической системы, в том числе под воздействием ее диджитализации, вносит изменения в сложившиеся представления о ТМ ДКП [6].

Важно отметить, что, несмотря на то, что благодаря основополагающим принципам, лежащим в основе

ДКП, достигнут определенный консенсус в ее проведении, остается ряд вопросов, касающихся политики центральных банков, которые носят дискуссионный характер и обуславливают необходимость их обсуждения в научном сообществе [8] в части, например, определения значимости каналов трансмиссии. Так, по мнению ряда авторов, данная проблема актуальна и для российской практики [5].

## АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И ОБЗОР ОСНОВНЫХ КАНАЛОВ ТМ ДКП

В современной экономической теории и практике механизм, через который ДКП воздействует на экономику и инфляцию, называют трансмиссионным механизмом и выделяют в его составе различные каналы. Так, влияние на экономику оказывается по каналам трансмиссии, в том числе по процентному, валютному и каналу ожиданий.

Классификация каналов построена на основе ключевых подходов к анализу макроэкономики и ДКП (табл. 1). Неокейнсианской логикой, считающейся в настоящее время базовой для анализа, объясняются явления, которые возникают вследствие несовершенств рынка, таких как затратная и дорогостоящая верификация финансового состояния экономических агентов, с которой сталкиваются финансовые посредники, асимметрия информации и возможное оппортунистическое поведение участников, а также другие неклассические явления, не связанные с жесткостью цен и заработных плат.

В рамках режима ТИ исследование ТМ ДКП, эффекта передачи импульса изменения ключевой ставки и оценки влияния этого изменения на экономику проводится на основе неокейнсианского подхода.

Таким образом, в основном анализируются каналы, соответствующие неокейнсианской логике, а другие каналы воспринимаются как дополнительные, позволяющие взглянуть на ТМ ДКП с несколько другой точки зрения.

В рамках неокейнсианского подхода в макроэкономике, выраженного в системе уравнений:

$$\pi_t = \mu + \beta E_t \pi_{t+1} + \gamma x_t + e_{\pi t}, \quad (1)$$

$$x_t = E_t x_{t+1} - \alpha (R_t - E_t \pi_{t+1} - \theta) + e_{x t}, \quad (2)$$

$0 < \beta < 1$ ,  $\alpha, \gamma, \mu, \theta > 0$ ,  $\pi_t$  — инфляция,  $x_t$  — разрыв выпуска,  $R_t$  — инструмент ДКП, ключевая ставка центрального банка,  $E_t \pi_{t+1}$  — ожидаемая инфляция,  $e_{\pi t}, e_{x t}$  — шоки.

<sup>1</sup> Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике. — 2019. — № 3(27). URL: <https://www.cbr.ru/publ/ddcp>.

<sup>2</sup> Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов. URL: <https://www.cbr.ru/publ/ondkp>.

<sup>3</sup> Режим ИТ в последние 30 лет является основной ДКП ряда центральных банков, в том числе ЕЦБ, Банка Англии, Чили и т.д. По данным МФВ, режим ИТ стал вторым по популярности среди развивающихся стран, уступив режиму валютного таргетирования.

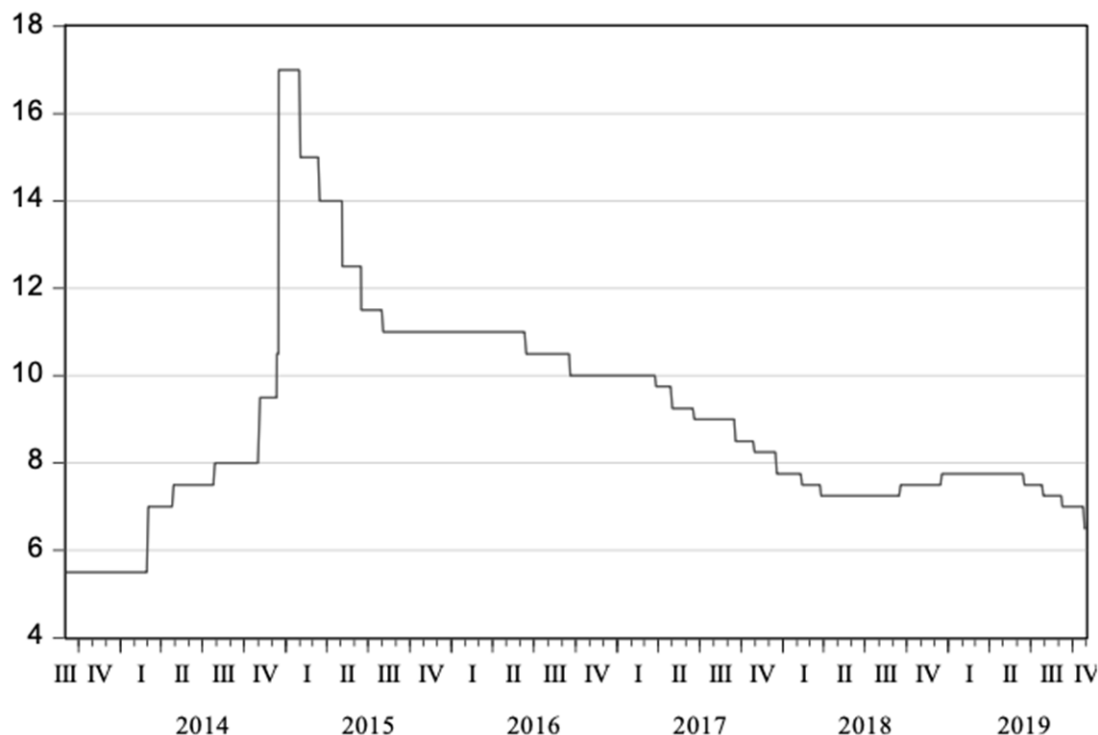
<sup>4</sup> Annual Report on Exchange rate Arrangements and Exchange Restrictions, 2018 / International Monetary Fund.

Таблица 1 / Table 1

## Классификация каналов денежно-кредитной трансмиссии / Classification of Monetary Transmission Channels

Экономическая логика / Economic logic	Название каналов / Channel name	Содержание / Content	Оценка Банка России / Bank of Russia estimates	Источник / References
Кейнсианская логика / Keynesian logic	Процентный канал (кривая – IS)	Традиционный процентный канал	Проводится	[1, 4]
	Канал обменного курса	Динамика обменного курса	Проводится	[1, 2, 4, 11]
Неокейнсианская логика / Neo-keynesian logic	Канал ожиданий	Ожидания экономических агентов	Проводится	[1, 2, 10]
	Кредитный канал	Канал банковского кредитования	Проводится	[2, 3, 9, 10]
	Канал потребления	Текущие и ожидаемое потребление	Проводится	[2, 9, 10]
	Процентный канал	Динамика процентных ставок	Проводится	[1, 2, 9, 10]
Классическая логика / Classical logic	Канал международной торговли	Изменение в структуре экспорта и импорта, обменного курса	Отсутствует	[1, 9]
	Канал потребления	Изменение в структуре потребления	Проводится	[2, 10]
	Монетарный канал	Количественная теория денег И. Фридмана	Отсутствует	[7, 10]
	Канал благосостояния	Стоимость активов и реальная процентная ставка	Отсутствует	[2, 4, 10]
	Канал издержек	Динамика издержек	Отсутствует	[10, 11]
Неклассическая логика (альтернативная логика), рыночные несовершенства / Nonclassical logic (alternative logic) market imperfections	Банковский канал	Канал банковского кредитования	Проводится	[2, 9, 10]
	Балансовый канал	Изменение структуры баланса	Проводится	[2, 9, 10]
	Канал денежных потоков (дополнительный балансовый канал)	Трансграничные потоки	Отсутствует	[2]
	Канал принятия риска	Оценка принимаемых рисков (кредитного и депозитного)	Отсутствует	[2]
	Информационный канал	Управление ожиданиями экономических агентов, информационные инвестиции	Отсутствует	[2]
Новые каналы / New channels	Депозитный канал	Банковские операции в условиях разных спредов по депозитам и низкой процентной ставки	Отсутствует	[2, 3]

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.



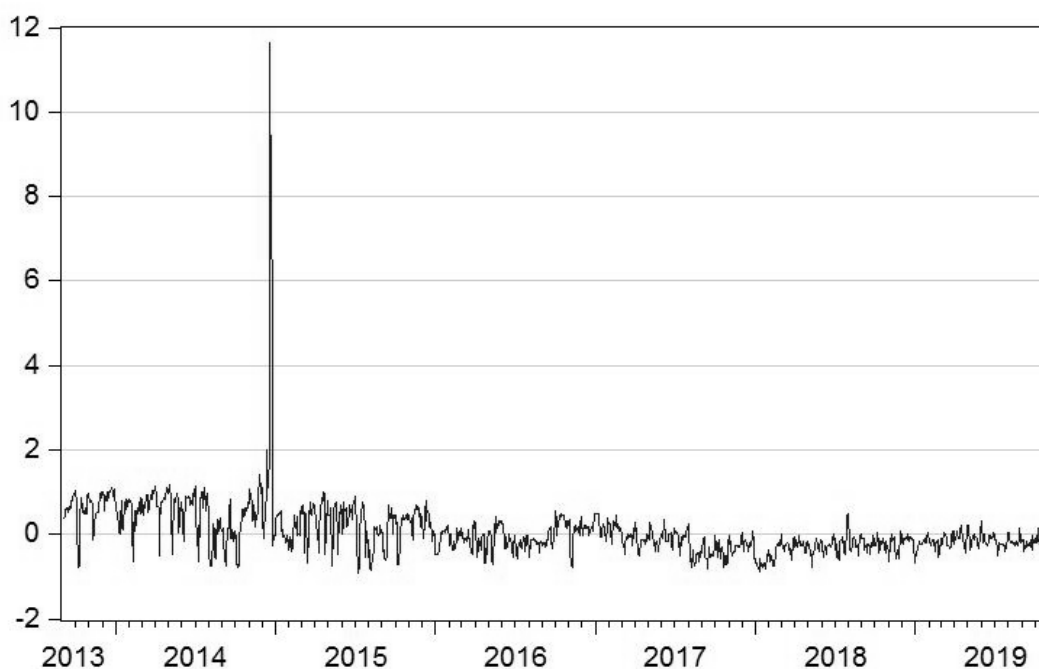


Рис. 2 / Fig. 2. Спред между ставкой RUONIA и КС (сентябрь 2013 – ноябрь 2019 г.) / Spread between RUONIA and Key rate (September 2013 – November 2019)

Источник / Source: построено авторами / compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

#### Разные временные диапазоны / Different time ranges

Название периода / Period name	Начало – окончание / Begin – end	Изменение ключевой ставки / Key rate change
Рост / Growing	Сентябрь 2013 – ноябрь 2014 г.	С 5,5 до 9,5%
Напряжение / Tension	Декабрь 2014 – июнь 2016 г.	С 9,5 до 17% и убывание до 10%
Разрешение / Resolution	Июль 2016 – март 2018 г.	С 10 до 7,25%
Затухание / Attenuation	Апрель 2018 – ноябрь 2019 г.	С 7,25 до 6,5%
Полный период / Full period	Сентябрь 2013 – ноябрь 2019 г.	С 5,5 до 6,5%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Для исследования влияния изменения КС на ставки денежного рынка использовались два подхода: первый — с применением корреляции КС и рыночных ставок, второй — с использованием модели линейной регрессии, коинтеграционного соотношения между переменными модели и модели коррекции ошибок.

Первый подход наиболее простой: оценка передачи импульса КС на ставки денежного рынка оценивалась с помощью корреляции КС со ставками RUONIA, ставками MOSPRIME<sup>7</sup> — 1-недельной,

2-недельной, 1-месячной, 2-месячной, 3-месячной и 6-месячной.

Расчеты проводились для разных временных диапазонов, которые представлены в табл. 2.

За весь период наблюдения корреляция КС со ставками денежного рынка выглядит обоснованной с экономической точки зрения, т.е. чем выше коэффициент корреляции, тем сильнее корреляционная связь КС и ставок денежного рынка, чем больше «срок» ставки — тем меньше корреляция.

<sup>7</sup> MOSPRIME RATE (MOSCOW PRIME OFFERED RATE) — один из ведущих индикаторов денежного рынка России. Пред-

ставляет собой усредненную ставку предоставления рублевых кредитов (депозитов) на московском денежном рынке.



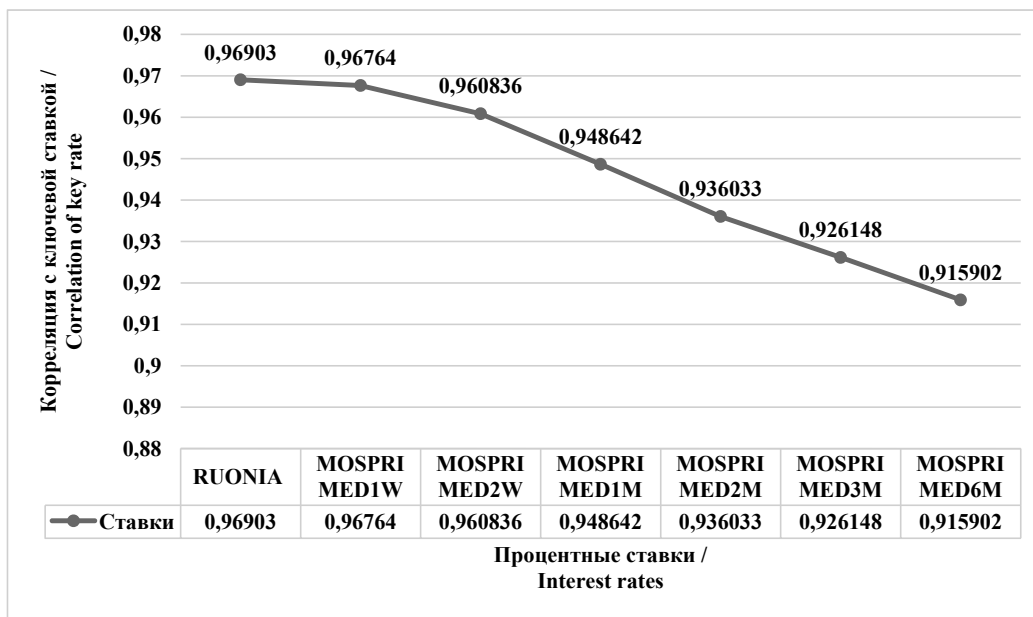


Рис. 3 / Fig. 3. Корреляция КС и ставок денежного рынка (сентябрь 2013 — ноябрь 2019 г.) / Correlation of Key rate and money market rates (September 2013 — November 2019)

Источник / Source: построено авторами / compiled by the authors.

Коэффициент корреляции превышает 90%, что подтверждает существенное влияние и передачу импульса изменения КС на все остальные ставки денежного рынка.

В периоде, который называется периодом «роста», внешние политические причины вызвали соответствующую реакцию Банка России — КС повышалась. На графике 2-месячные и 6-месячные ставки наиболее «чутко» реагировали на изменение КС (рис. 4).

Корреляция с «близкими» по срокам ставками меньше, чем с более «дальними». Можно предположить, что рынок «предугадывал» таким образом возможные изменения КС и наиболее чувствительные игроки находились на дальнем конце кривой процентных ставок.

В периоде, который называется периодом «напряжения», КС достигала максимального значения (17%), а потом начинала снижаться. На графике коэффициент корреляции меньше, чем для периода роста (рис. 5).

Рынок пребывает в состоянии некоторой неуверенности и растерянности: 6-месячные ставки больше всего «отстают» в реакции на изменение КС, банки постоянно оценивают и переоценивают возможные риски.

В период «разрешения» с июля 2016 по март 2018 г. КС последовательно снижалась от 10 до 7,25%. На графике ставка *RUONIA* немного менее коррелирована с КС, чем другие ставки денежного рынка (рис. 6).

В последнем рассматриваемом периоде «затухания» недельные, 2-недельные и месячные ставки достаточно хорошо коррелируют с КС. Ставка *RUONIA* рассчитывается по результатам сделок и, вероятно, поэтому отражает рыночные риски и волатильность.

В течение года проводятся восемь заседаний Совета директоров Банка России по КС, поэтому возможны восемь изменений КС в год. Предполагаемое изменение, прогнозы и оценки КС учитываются в двух-, трех- и шестимесячных ставках.

В рамках второго подхода, как уже отмечалось выше, для оценки влияния КС на ставки денежного рынка применялась модель линейной регрессии. Для оценки регрессионной модели использовались дневные данные, полученные с сайта *C-bonds* и сайта Банка России в период с сентября 2013 по ноябрь 2019 г. Все переменные модели были прологарифмированы для того, чтобы оценить силу влияния (эластичность) КС. В качестве объясняемой переменной использовались ставки денежного рынка: *RUONIA*, *MOSPRIMED 1W*, *MOSPRIMED 2W*, *MOSPRIMED 1M*, *MOSPRIMED 2M*, *MOSPRIMED 3M*, *MOSPRIMED 6M*.

В качестве объясняющих переменных (регрессоров) применялись КС и *RUONIA*, объем остатков на корреспондентских счетах коммерческих банков, ежедневный объем торгов на МБК по однодневным кредитам, на основе которых рассчитывается ставка *RUONIA*.

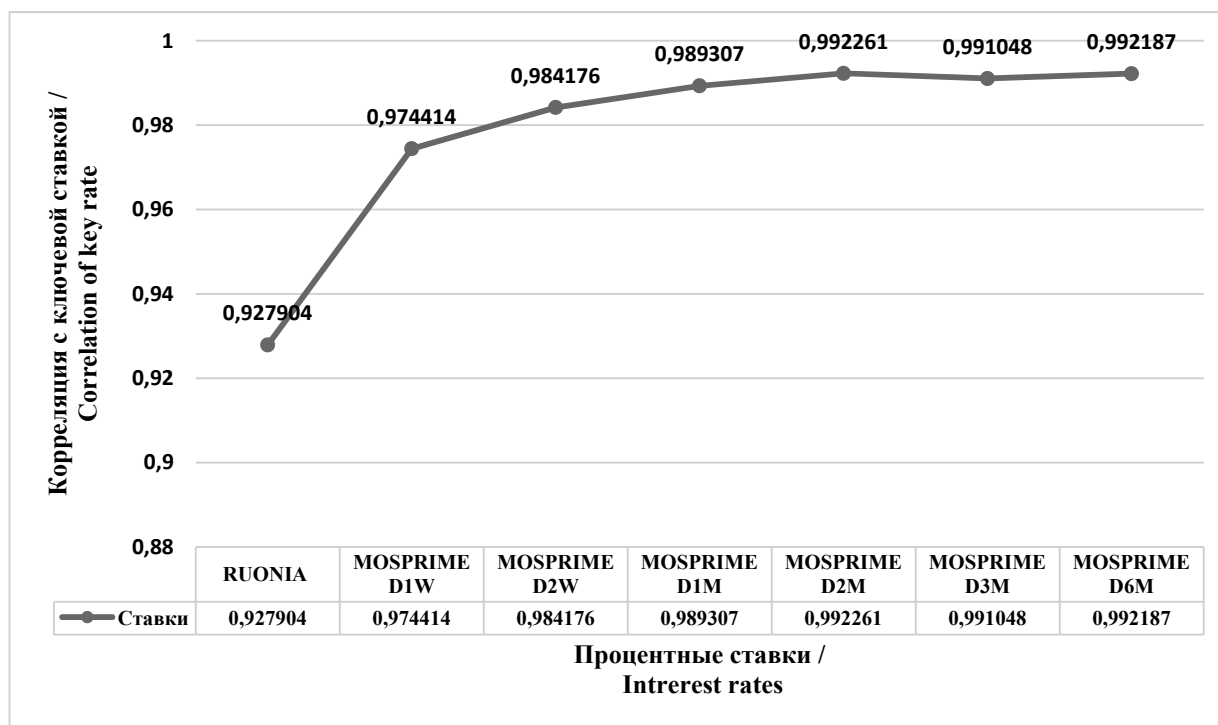


Рис. 4 / Fig. 4. Корреляция КС и ставок денежного рынка (сентябрь 2013 – ноябрь 2014 г.) / Correlation of Key rate and money market rates (September 2013 – November 2014)

Источник / Source: построено авторами / compiled by the authors.

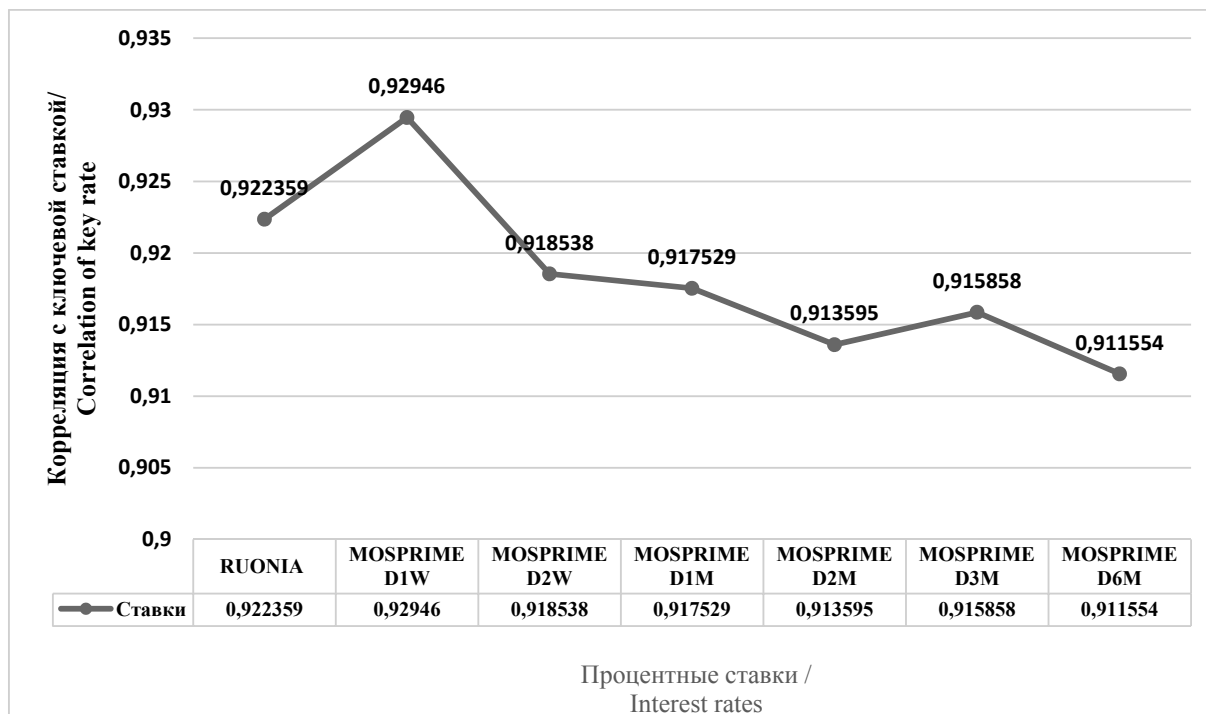


Рис. 5 / Fig. 5. Корреляция КС и ставок денежного рынка (ноябрь 2013 – июнь 2016 г.) / Correlation of Key rate and money market rates (November 2013 – June 2016)

Источник / Source: построено авторами / compiled by the authors.

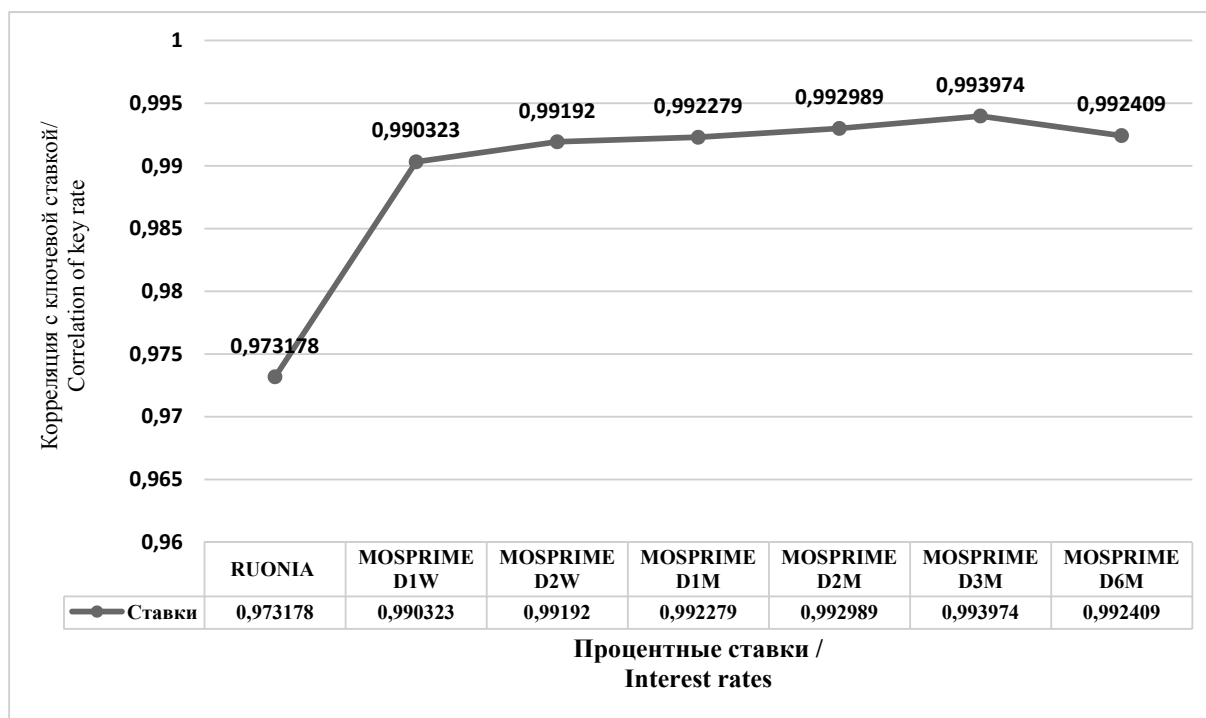


Рис. 6 / Fig. 6. Корреляция КС и ставок денежного рынка (июль 2016 – март 2018 г.) / Correlation of Key rate and money market rates (July 2016- March 2016)

Источник / Source: построено авторами / compiled by the authors.

Таким образом, базовая спецификация модели имеет следующий вид:

$$y_t = c + \beta^T X_t + \varepsilon_t, \quad (3)$$

где  $y_t$  — объясняемая переменная;  $X_t$  — вектор объясняющих переменных,  $\beta$  — вектор коэффициентов регрессии;  $\varepsilon_t$  — случайные шоки.

Для ставки RUONIA в качестве объясняющей переменной использовалась КС.

Для рыночных ставок MOSPRIMED 1W, MOSPRIMED 2W, MOSPRIMED 1M, MOSPRIMED 2M, MOSPRIMED 3M, MOSPRIMED 6M объясняющей переменной была выбрана ставка RUONIA как наиболее адекватно отражающая динамику ставок.

Векторная модель коррекции ошибок (vector error correction model, VECM) (более подробно рассматривалась для случая регрессии RUONIA на КС) имеет следующий вид:

$$\Delta X_t = \mu + \Psi X_{t-1} + \Phi_1 \Delta X_{t-1} + \eta_t, \quad (4)$$

где  $\Delta X_t$  — вектор первой разности переменных, входящих в коинтеграционное соотношение;  $X_t$  — вектор переменных модели;  $\Psi$  — матрица коэффици-

ентов коинтеграционного соотношения;  $\Phi_1$  — матрица коэффициентов при первых лагах векторов разности<sup>8</sup>;  $\eta_t$  — случайные шоки.

Из экономических предпосылок следует, что КС и ставки денежного рынка являются интегрированными процессами первого порядка (рис. 8).

Для них выполняется коинтеграционное соотношение, которое рассчитывается согласно первому шагу процедуры Энгла-Грэйнджера регрессией ставок на объясняющие переменные.

Коинтеграционное соотношение является проявлением идеи экономического равновесия, при котором экономические переменные возвращаются к своему равновесному (стационарному) значению или незначительно отклоняются от него [12, 13].

Это предположение подтвердилось для первых разностей временных рядов процентных ставок. На основании тестов Дики-Фулера и Филлипса-Перрона установлено, что временные ряды являются стационарными, т.е. процентные ставки служат процессами интегрированности первого порядка I (1). Для теста на коинтеграцию процентных ставок применялись

<sup>8</sup> Ввиду достаточно хорошего фиттинга при рассмотрении ограничились только первой разностью.

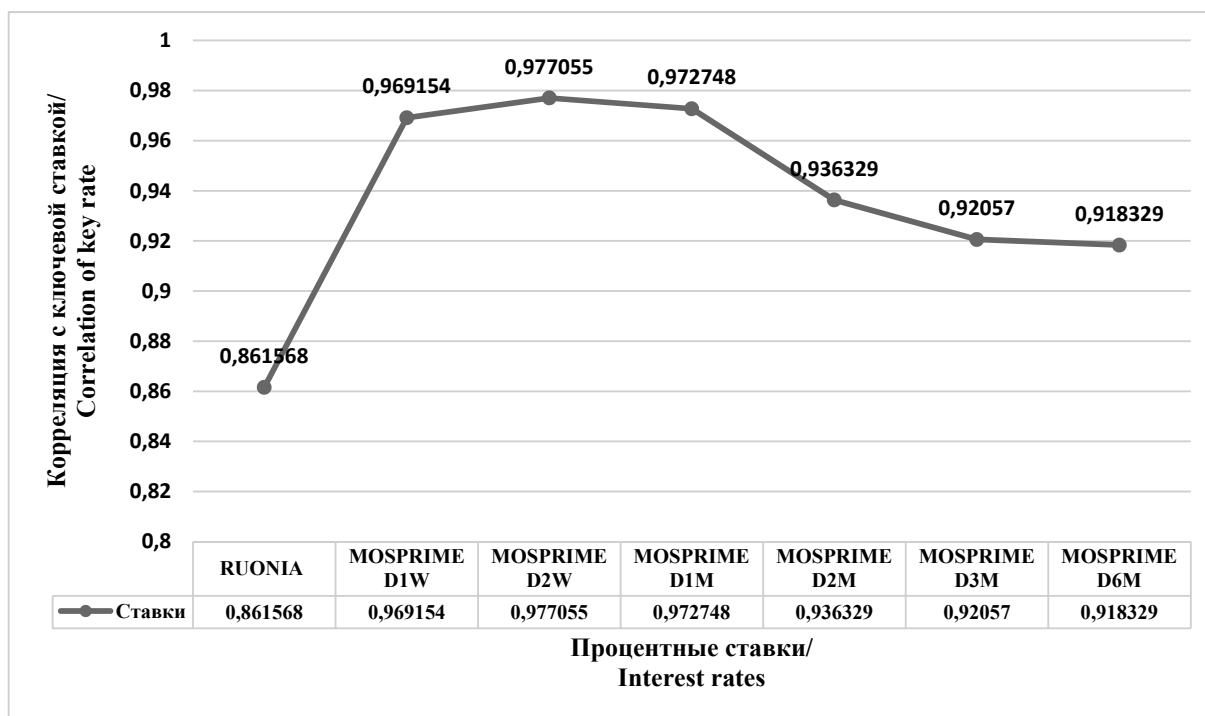


Рис. 7 / Fig. 7. Корреляция КС и ставок денежного рынка (апрель 2018 – ноябрь 2019 г.) / Correlation of Key rate and money market rates (April 2018 – November 2016)

Источник / Source: построено авторами / compiled by the authors.

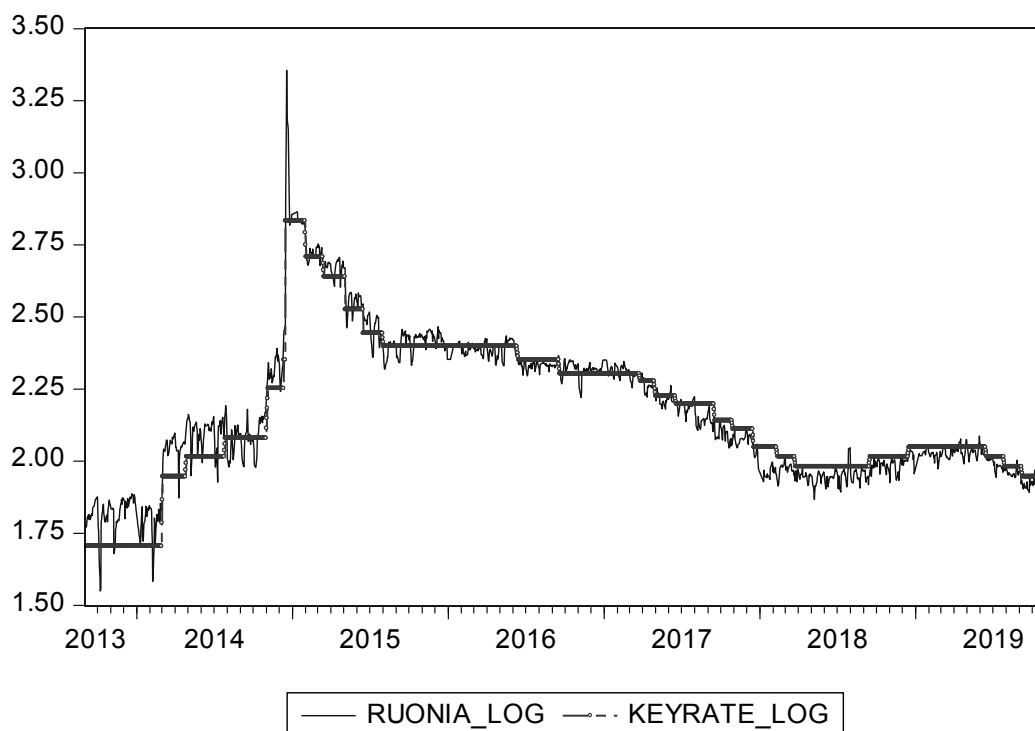


Рис. 8 / Fig. 8. Динамика изменения логарифмов процентных ставок (сентябрь 2013 – ноябрь 2019 г.) / Dynamics of changes in the logarithms of interest rates (September 2013 – November 2019)

Источник / Source: построено авторами / compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

Результат оценок силы влияния КС на рыночную процентную ставку RUONIA<sup>1</sup> / The result of calculations of the strength of influence KS on market interest rate RUONIA

Сила воздействия / Impact	Весь диапазон / Full range		Рост / Growing		Напряжение / Tension		Разрешение / Resolution		Затухание / Attenuation	
RUONIA / RUONIA										
Эласт (КС) / Strength of influence (KR)	0,9720	***	0,8617	***	1,095843	***	1,194181	***	1,09892	***
	(0,005494)		(0,02301)		(0,018989)		(0,013521)		(0,031605)	
Эласт (остатки) / Elasticity (funds on CA)	-0,089482	***	0,102529	***	0,025747	*	0,013901		-0,018651	***
	(0,003764)		(0,02067)		(0,014492)		(0,008813)		(0,005841)	
Эласт (объем торгов) / Elasticity (Trading volume)	-0,010525	***	-0,028457	***	0,012665	**	-0,011085	**	-0,010154	***
	(0,002831)		(0,00837)		(0,005094)		(0,004454)		(0,002268)	

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

<sup>1</sup> В табл. 3, 4 в скобках указано СКО оцениваемой величины, звездочками указан уровень значимости по t-статистике:

\* – переменная значима на 10%-ном уровне значимости; \*\* – переменная значима на 5%-ном уровне значимости;

\*\*\* – переменная значима на 1%-ном уровне значимости.

тесты Йохансена, Энгла-Грэйнджера и Филлипса-Улиариса. Гипотеза об отсутствии коинтеграционного соотношения была отвергнута на основе р-значения меньше 1%.

Для временных рядов объема остатков на счетах коммерческих банков и объема торгов гипотеза о наличии единичного корня (тест на стационарность) на основе тестов Дики-Фулера и Филлипса-Перрона была отвергнута на основе р-значения меньше 1%, т.е. эти временные ряды являются стационарными в широком смысле.

Результаты, полученные по базовым моделям (5 и 6) для рыночных ставок RUONIA, MOSPRIMED 1W, приведены в табл. 3, 4.

$$ruonia\_log = c(1) + c(2) * keyrate\_log + c(3) * ostatki\_log + c(4) * vol\_ruonia\_log \quad (5)$$

$$mosprime_{log} = c(1) + c(2) * ruonia_{log} + c(3) * ostatki_{log} + c(4) * vol_{ruonia_{log}} \quad (6)$$

В табл. 3 коэффициент регрессии силы влияния КС на ставку RUONIA значим на 1%-ном уровне во всех периодах, эластичность ставки RUONIA по остаткам на корреспондентских счетах отрицательна для «полного периода» и периода «затухание», что имеет экономическое обоснование, состоящее в том, что при увеличении объема остатков на корреспондентских счетах банков ставка overnight уменьшается. Эластичность ставки RUONIA по объему торгов на рынке МБК тоже отрицательна, но уже для всех периодов, т.е. чем больше объем торгов, тем меньше ставка RUONIA.

В табл. 4 коэффициент регрессии силы влияния RUONIA на ставку MOSPRIMED 1W значим на 1%-ном уровне во всех периодах.

Оценки силы влияния КС на ставку RUONIA и влияния ставки RUONIA на рыночные ставки MOSPRIMED 1W, MOSPRIMED 2W, MOSPRIMED 1M, MOSPRIMED 2M, MOSPRIMED 3M, MOSPRIMED 6M по всем выделенным периодам приведена на рис. 9.

Сила влияния процентного канала различна для разных периодов, в то же время эластичности процентных ставок не выходят из диапазона 0,8–1,2

Таблица 4 / Table 4

Результат оценок силы влияния RUONIA на рыночную процентную ставку MosPrimed1W / The result of calculations of the strength of influence RUONIA on market interest rate MosPrimed1W

Сила воздействия / Impact	Весь диапазон / Full range		Рост / Growing		Напряжение / Tension		Разрешение / Resolution		Затухание / Attenuation	
MOSPRIMED 1W										
Эласт (RUONIA) / Strength of influence (RUONIA)	0,95857	***	0,902355	***	1,015307	***	0,908102	***	0,80481	***
	(0,003146)		(0,01475)		(0,011023)		(0,006764)		(0,019439)	
Эласт (остатки) / Elasticity (funds on CA)	-0,014745	***	0,031328	**	-0,015286		0,011540	**	0,021794	***
	(0,002181)		(0,01298)		(0,009662)		(0,005369)		(0,004524)	
Эласт (объем торгов) / Elasticity (Trading volume)	0,007841	***	0,027361	***	0,008189	**	0,006097	**	0,006916	***
	(0,001601)		(0,00477)		(0,003418)		(0,002726)		(0,001761)	

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

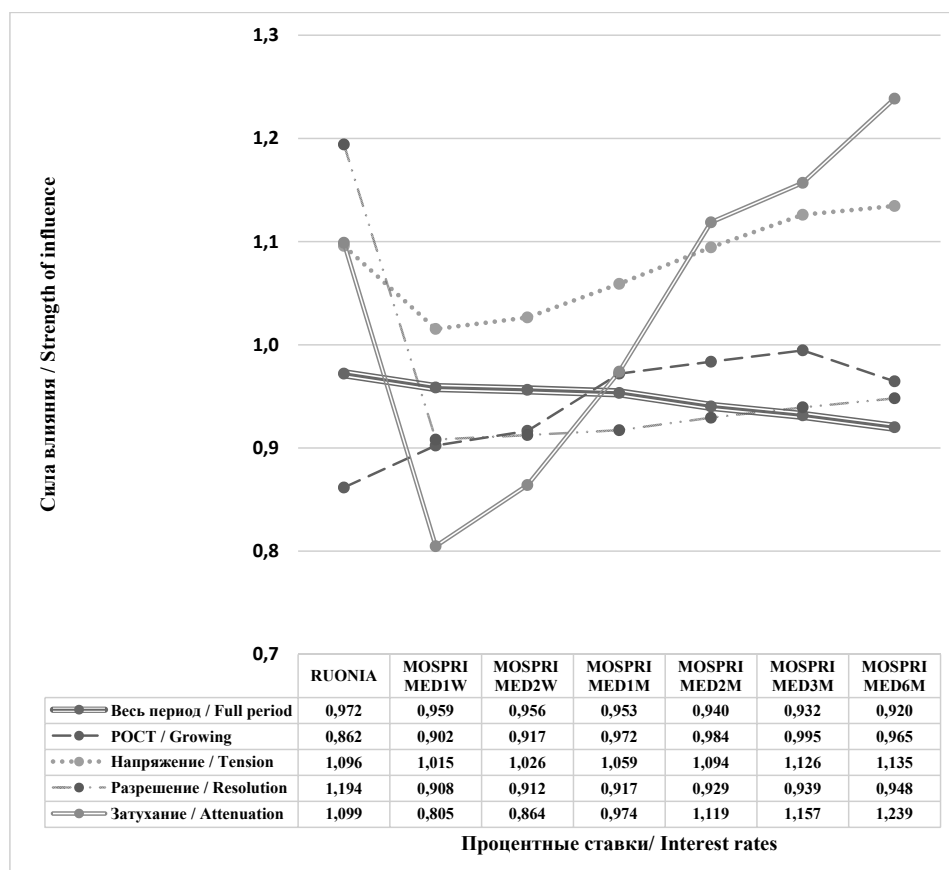


Рис. 9 / Fig. 9. Сила влияния процентного канала для различных периодов (сентябрь 2013 – ноябрь 2019 г.) / The strength of the influence of the interest channel for different periods (September 2013 – November 2019)

Источник / Source: построено авторами / compiled by the authors.

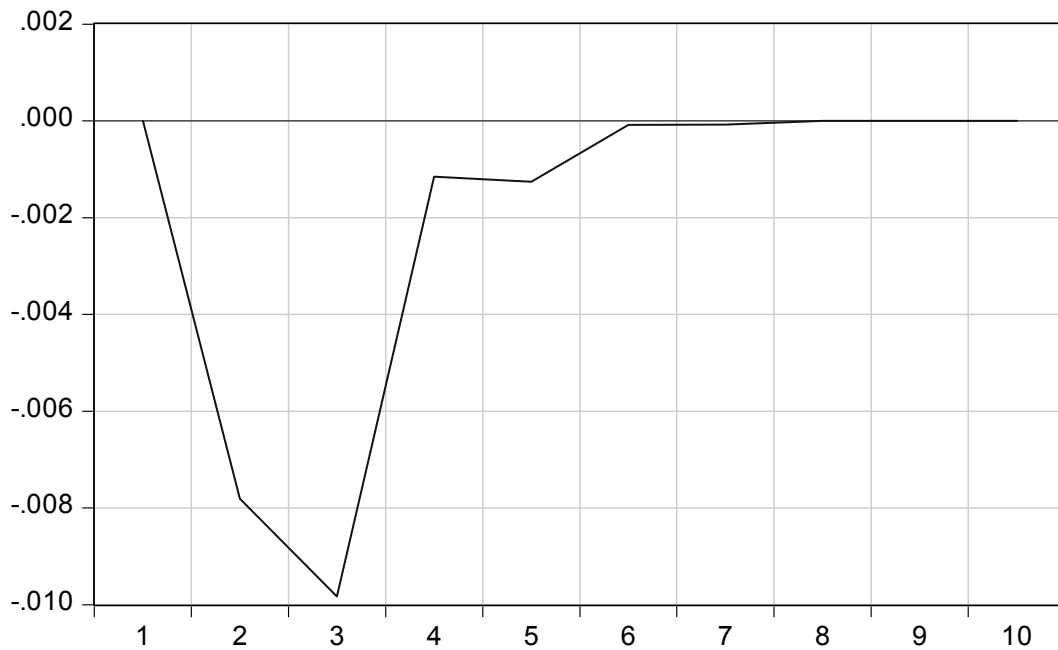


Рис. 10 / Fig. 10. Импульсный отклик на инновационный шок RUONIA\_LOG\_D (сентябрь 2013 – ноябрь 2019 г.) / Impulse response to innovative shock RUONIA\_LOG\_D (September 2013 – November 2019)

Источник / Source: построено авторами / compiled by the authors.

и близки к единице. Таким образом, увеличение КС на 1 п.п. вызывает изменение рыночных ставок тоже приблизительно на 1 п.п. Скорость влияния КС на однодневную ставку RUONIA происходит практически мгновенно в течение дня. Исследование скорости передачи импульса КС и ожидания этого изменения, прогноз и связанное с этим прогнозом движение краткосрочных ставок перед решением Банка России по КС требуют дальнейшей проработки и изучения.

## ВАЛЮТНЫЙ КАНАЛ

Для оценки валютного канала была построена векторная авторегрессия второго порядка VAR (2).

Базовая спецификация VAR (2)-модели представлена следующим образом:

$$\begin{aligned}
 & \begin{pmatrix} USDRUB\_LOG\_D_t \\ RUONIA\_LOG\_D_t \end{pmatrix} = \\
 & = B_1 \begin{pmatrix} USDRUB\_LOG\_D_{t-1} \\ RUONIA\_LOG\_D_{t-1} \end{pmatrix} + \\
 & + B_2 \begin{pmatrix} USDRUB\_LOG\_D_{t-2} \\ RUONIA\_LOG\_D_{t-2} \end{pmatrix} + \\
 & + C \begin{pmatrix} OSTATKI\_LOG\_D_{t-1} \\ VOL\_RUONIA\_LOG\_D_{t-1} \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 1_t \\ 2_t \end{pmatrix},
 \end{aligned} \tag{7}$$

где эндогенные переменные  $USDRUB\_LOG\_D$ ;  $RUONIA\_LOG\_D$  — первая разность логарифма валютного курса и ставки RUONIA соответственно; экзогенные переменные —  $OSTATKI\_LOG\_D$  и  $VOL\_RUONIA\_LOG\_D$  — первые разности логарифмов остатков на корреспондентских счетах банков и объема сделок на рынке МБК соответственно;  $\theta_{1t}, \theta_{2t}$  — инновационные шоки.

На рис. 10 представлена импульсная функция отклика  $USDRUB\_LOG\_D$  на единичный импульсный шок  $RUONIA\_LOG\_D$ .

В модели динамика импульсного отклика на изменение ставки отрицательна, что согласуется с оценками Банка России, в соответствии с которыми изменение ставок денежного рынка на 1 п.п. вызывает изменение валютного курса на 0,9%.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье исследован трансмиссионный механизм, через который ДКП воздействует на экономику и инфляцию. Осуществлена систематизация и классификация каналов ТМ ДКП с точки зрения различных теоретических подходов к макроэкономическим явлениям. Сделаны выводы об эффективности отдельных каналов ТМ ДКП в российской экономике. Проводимая ДКП Банком России обеспечивает выполнение

задач по стабилизации макроэкономических показателей, удержанию инфляции вблизи 4%, тем самым создавая условия для развития экономики России на 2020 г. и выполнения национальных проектов.

Особое внимание уделено процентному и валютному каналам. Проведена оценка силы влияния основных особенностей процентного канала ТМ

ДКП в российской практике с начала осуществления Банком России режима инфляционного таргетирования по настоящее время. Согласно полученным оценкам сила влияния процентного канала различна для разных периодов. В то же время эластичности процентных ставок не выходят из диапазона 0,8–1,2 и близки к единице.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Boivin J., Kiley M.T., Mishkin F.S. How has the monetary transmission mechanism evolved over time? *Handbook of Monetary Economics*. 2011;(3A).
2. Синельникова-Мурылева Е., Ульяновкин Ф. Эволюция взглядов на каналы денежно-кредитной трансмиссии // *Экономическое развитие России*. — 2016. — № 10. — 17–22. — ISSN 2306–5001.
3. Drechsler I., Savov A., Schnabl P. The deposits channel of monetary policy. *Quarterly Journal of Economics*. 2017;132(4):1819–1876.
4. Иванченко И., Маслов А. Методологический эклектизм трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики // *Вопросы экономики*. — 2010. — № 12. — С. 99–106. — ISSN 0042–8736.
5. Абрамова М.А., Дубова С.Е., Трофимов Д.В. К вопросу о немонетарных факторах инфляции в России: мнение экспертов Финансового университета по докладу Банка России «О немонетарных факторах инфляции и мерах по снижению ее волатильности» // *Банковские услуги*. — 2017. — № 10. — С. 2–9. — ISSN 2075–1915.
6. Абрамова М.А. Формирование современной концепции денег в контексте нового качества экономики // *Научные труды Вольного экономического общества России*. — 2019. — № 4. — С. 213–218. — ISSN 2072–2060.
7. Борзых О.А., Могилат А.Н. Монетарный анализ: альтернативный взгляд на трансмиссионный механизм в российской экономике // *Деньги и кредит*. — 2017. — № 9. — С. 48–54. — ISSN 0130–3090.
8. Трунин П.В., Божечкова А.В., Горюнов Е.Л., Киюцевская А.М., Синельникова-Мурылева Е.В. Выгоды и издержки инфляционного таргетирования в России. — Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 60 с. — ISBN 978–5–7749–1437–1.
9. Крепцев Д.А., Селезнев С.М. Влияние ставок денежного рынка на ставки по кредитам конечным заемщикам // *Банк России*, 2016. — Серия докладов об экономических исследованиях. — № 9.
10. Могилат А.Н. Обзор основных каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики и инструментов их анализа в Банке России // *Деньги и кредит*. — 2017. — № 9. — С. 3–9. — ISSN 0130–3090.
11. Шестаков Д.Е. Канал издержек денежно-кредитной трансмиссии в российской экономике // *Деньги и кредит*. — 2017. — № 9. — С. 38–47. — ISSN 0130–3090.
12. Станик Н.А., Крайнюков Н.И. Подходы к оценке краткосрочного равновесия валютного курса // *Финансовые рынки и банки*. — 2019. — № 1 — С. 34–37. URL: <http://finmarketbank.ru/upload/iblock/42e/ФРиБ%20N° 1%202019.pdf>. — ISSN 2658–3917.
13. Станик Н.А., Крайнюков Н.И. Экономическая динамика: оценка чувствительности экономических переменных в макроэкономических моделях // *Динамика систем, механизмов и машин*. — 2019. — Т. 7. — № 4. — С. 147–149. URL: <http://conf.ict.nsc.ru/files/conferences/Dynamics-2019/547566/Динамика%202019.%20Том%207%2C%20N° %204.pdf>. — ISSN 2310–9793.

### REFERENCES

1. Boivin J., Kiley M.T., Mishkin F.S. How has the monetary transmission mechanism evolved over time? *Handbook of Monetary Economics*. 2011;(3A).
2. Sinelnikova-Muryleva E., Ulyankin F. Evolution of views on the channels of monetary transmission. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Economic Development of Russia*. 2016;(10):17–22. (In Russ.).
3. Drechsler I., Savov A., Schnabl P. The deposits channel of monetary policy. 2017. *Quarterly Journal of Economics*. 2017;132(4):1819–1876.
4. Ivanchenko I., Maslov A. Methodological eclecticism of the transmission mechanism of monetary policy. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economics*. 2010;(12):99–106. (In Russ.).



5. Abramova M.A., Dubova S.E., Trofimov D.V. On the issue of non-monetary inflation factors in Russia: expert opinion of the financial university on the bank of russia report "On non-monetary inflation factors and measures to reduce its volatility". *Bankovskie uslugi = Banking services*. 2017;(10):2–9. (In Russ.).
6. Abramova M.A. The formation of the modern concept of money in the context of a new quality of the economy. *Scientific works of the Free economic society of Russia = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2019;(4):213–218. (In Russ.).
7. Borzykh O.A., Mogilat A.N. Monetary analysis: an alternative view of the transmission mechanism in the Russian economy. *Den'gi i kredit = Money and credit*. 2017;(9):48–54. (In Russ.).
8. Trunin P.V., Bozhechkova A.V., Goryunov E.L., Kiyutsevskaya A.M., Sinelnikova-Muryleva E.V. Benefits and costs of inflation targeting in Russia. Moscow: Delo RANEPА; 2019. 60 p. (In Russ.).
9. Kreptsev D.A., Seleznev S.M. Influence of money market rates on interest rates on loans to end borrowers. *Bank Rossii = Bank of Russia*, 2016;(9). Series of reports on economic studies. (In Russ.).
10. Mogilat A.N. Overview of the main channels of the transmission mechanism of monetary policy and their analysis tools in the Bank of Russia. *Money and credit*. 2017;(9):3–9. (In Russ.).
11. Shestakov D.E. The cost channel of monetary transmission in the Russian economy. *Den'gi i kredit = Money and credit*. 2017;(9):38–47. (In Russ.).
12. Stanick N.A., Krainyukov N.I. Approaches to the assessment of the short-term equilibrium of the exchange rate. *Finansovye rynki i banki = Financial Markets and Banks*. 2019;(1):34–37. URL: <http://finmarketbank.ru/upload/iblock/42e/ФРИБ%20№1%202019.pdf>. (In Russ.).
13. Stanick N.A., Krainyukov N.I. Economic dynamics: assessment of the sensitivity of economic variables in macroeconomic models. *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin = Dynamics of systems, mechanisms and machines*. 2019;7(4):147–149. URL: <http://conf.ict.nsc.ru/files/conferences/Dynamics-2019/547566/Dynamics%202019.%20Tom%207%2C%20№%204.pdf>. (In Russ.).

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Наталья Андреевна Станик** — кандидат экономических наук, доцент Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет, Москва, Россия  
nstanick@fa.ru

**Николай Иванович Крайнюков** — кандидат технических наук, независимый аналитик-консультант  
nik9kr@gmail.com

### ABOUT THE AUTHORS

**Nataliya A. Stanik** — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of Department of Financial Markets and Banks, Financial University, Moscow, Russia  
nstanick@fa.ru

**Nikolay I. Krainyukov** — Cand. Sci. (Tech.), independent analyst-consultant;  
nik9kr@gmail.com

*Статья поступила 14.11.2019; принята к публикации 15.01.2020.*

*Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.*

*The article was received 14.11.2019; accepted for publication 15.01.2020.*

*The authors read and approved the final version of the manuscript.*

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-34-41  
УДК 336.766(045)  
JEL E52, E58

## Проблемы экономического роста России в условиях современной единой государственной денежно-кредитной политики и использования ЦБ РФ ключевой ставки

Ю.А. Кропин

Финансовый университет, Москва, Россия  
<https://orcid.org/0000-0001-9478-9660>

### АННОТАЦИЯ

*Актуальность статьи* обусловлена устойчивым нигилизмом современной экономической науки по отношению к проблемам сущностного порядка, среди которых особое значение имеет вопрос о функциях и инструментах центрального банка в условиях современной денежной системы. *Предметом исследования* выступает один из важнейших инструментов регулирующей деятельности центрального банка – ключевая ставка (ставка рефинансирования). *Цель работы* состоит в том, чтобы аргументировать несостоятельность взглядов неолиберальной школы экономической мысли относительно наличия и использования данного инструмента в рамках современной денежной системы. Фактически этот инструмент сдерживает экономический рост экономики нашей страны. В работе *сделан вывод* о том, что с точки зрения российской школы экономической мысли позиционирование центрального банка как эмиссионного органа, устанавливающего размер процента на эмиссионные средства, не является обоснованным. Условием экономического роста является не снижение ключевой ставки до 6,5% и ниже, а ее упразднение как таковой, потому что центральный банк в условиях современной денежной системы не должен заниматься эмиссией наличных денежных средств. Фактической основой этой эмиссии вместо монетарного золота теперь выступает «безупречная репутация» центрального банка. Но эту основу невозможно осязать и чем-либо измерять. Существование таковой основы превращает центральный банк в орган, который растет собственно сам по себе, что делает его в своего рода сверхматериальное образование. В действительности деньги создаются не центральным банком, а рынком в целом. В рамках рыночной денежной системы центральный банк призван лишь производить дополнительное количество наличных денежных средств, а не эмитировать их. Соответственно он не должен вводить эти средства в оборот на кредитной основе под свою ставку; изменение величины этой ставки не может служить инструментом его регулирующей деятельности. Упразднение данного инструмента центрального банка позитивно отразится на количественном возрастании и качественном развитии экономики.

**Ключевые слова:** денежные средства; денежная система; центральный банк; ключевая ставка; ставка рефинансирования; денежно-кредитная политика

**Для цитирования:** Кропин Ю.А. Проблемы экономического роста России в условиях современной единой государственной денежно-кредитной политики и использования ЦБ РФ ключевой ставки. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(1):34-41. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-34-41

## ORIGINAL PAPER

# Problems of Economic Growth in Russia within the Framework of Contemporary Unified State Monetary Policy and the Bank of Russia Key Rate

Yu.A. Kropin

Financial University, Moscow, Russia  
<https://orcid.org/0000-0001-9478-9660>

## ABSTRACT

*The importance of the article* is determined by a stable nihilism of modern economic science in relation to essential problems, the issue of functions and instruments of Central Bank in the framework of contemporary monetary system being one of the major ones. *The subject of the research* is one of the most important instruments of regulatory Central Bank activity – the key rate (refinancing rate). *The purpose of the work* is to argue neoliberal economic point of view insolvency concerning utilization of this instrument within modern monetary system. In fact, this instrument restrains the economic growth of the country. *It is concluded* that, from the point of view of the Russian economic school, positioning of Central Bank as an issue organ that establishes interest rate on issued funds is not justified. Not decrease of the key rate to 6.5% and lower, but its abolition as such can condition economic growth as Central Bank in present-day monetary system should not be engaged in cash issue. Actually, the base for such issue instead of monetary gold is “impeccable reputation” of Central Bank. But this base is impossible to touch or measure. This turns Central Bank into an organ that grows in and of itself making it a kind of supernatural formation. In reality, money is created not by Central Bank, but by the market on the whole. Within a market monetary system Central Bank is intended to just make some additional quantity of real money, not to issue it. Consequently, it should not put the funds into circulation on the credit basis at its own rate; nor can change of the rate be an instrument of its regulatory activity. Abolition of this Central Bank instrument will positively affect quantitative and qualitative growth of the country economy.

**Keywords:** monetary funds; monetary standard; Central Bank; key rate; refinancing rate; monetary policy.

**For citation:** Kropin Yu.A. Problems of economic growth in Russia within the framework of contemporary unified state monetary policy and the Bank of Russia key rate. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2020;13(1):34-41. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-34-41

## ВВЕДЕНИЕ

Очевидным фактом является то, что российская экономика остро нуждается в количественном возрастании и качественном развитии. Реализация этих задач зависит от множества факторов, находящихся в органической взаимосвязи. Каждый из них играет свою роль в возрастании и развитии экономики нашей страны. Однако без преувеличения можно утверждать, что наиболее фундаментальным из них является фактор денежной политики, осуществляемой Центральным банком Российской Федерации (Банком России), который находится в центре системы коммерческих банков и контролирует денежный оборот всех участников экономических отношений. Кроме того, он сопровождает реализацию закона о государственном бюджете, что дает ему возможность контролиро-

вать денежный оборот государства. Наконец, он является посредником между российским рынком и мировым хозяйством, что позволяет ему осуществлять контроль за валютными расчетами в сфере внешних рыночных отношений. Таким образом, находясь в сердцевине российского рынка, Банк России играет ключевую роль в функционировании этого рынка. Поэтому проводимая им политика имеет важнейшее значение для количественного возрастания и качественного развития экономики нашей страны.

Логично было бы предположить, что одной из целей деятельности Банка России является внесение своей лепты в реализацию насущных задач российской экономики. Однако эта логика в отношении Банка России не совсем действует, точнее сказать, совсем, по нашему мнению, не действует. Среди целей его деятельности, обозначенных

в ст. 3 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее — Закон № 86-ФЗ), нет той установки, которая логически напрашивается. Отражением такого юридического казуса является тезис, содержащийся в «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов»<sup>1</sup>, где в главе 1 «Цели, принципы и инструменты денежно-кредитной политики» прямо указывается, что «денежно-кредитная политика... сама по себе не может быть источником устойчивого повышения экономического потенциала». Этот тезис является ключевым в политике Банка России на протяжении длительного времени.

### СОЗВУЧНОСТЬ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ И БАНКА РОССИИ

Следует отметить, что данный тезис Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики укладывается в русло экономической политики Правительства РФ, которое, с одной стороны, декларирует необходимость достижения высоких темпов экономического роста и провозглашает потребность проведения политики импортозамещения, диверсификации отраслевой структуры национальной экономики, а с другой стороны, его реальная деятельность имеет несколько иную направленность. Так, повышение с 1 января 2019 г. НДС до 20% является, по нашему мнению, явным фактором политики сдерживания экономического роста страны. Составление и исполнение государственного бюджета с активным сальдо способствуют усугублению этой политики<sup>2</sup>. Наличие больших сумм «неосвоенных» денежных средств на счетах в Федеральном казначействе есть дополнительная лепта в политику сдерживания экономического роста страны. Имея большой профицит финансовых средств, Правительство РФ активно реализует облигации федерального займа (далее — ОФЗ): в частности, 27 июня 2019 г. на Ирландской фондовой

бирже под 4,3%, а в IV квартале 2019 г. оно планировало разместить ОФЗ еще на 420 млрд руб. Таким образом, Правительство РФ вкладывает собственные свободные средства в развитие экономик других стран под относительно низкие проценты, приобретая, например, долговые обязательства правительства США и конвертируя национальные денежные средства в иностранные валютные средства. Логичного объяснения таких действий с точки зрения здравого смысла и с позиции национальных интересов трудно найти.

Согласно ст. 4 Закона № 86-ФЗ Правительство РФ и Банк России разрабатывают и проводят именно единую государственную денежно-кредитную политику. И если Правительство РФ реализует политику, фактически направленную на сдерживание экономического роста страны, то можно ли ожидать проведение иной политики от Банка России? Ответ на этот риторический вопрос содержится не только в Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 г. и период 2021 и 2022 гг., а также в ст. 3 Закона № 86-ФЗ, но и в научной парадигме, которая составляет теоретическую основу деятельности Банка России, следуя теории неолиберальной школы экономической мысли.

### НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Согласно взглядам неолиберальной школы экономической мысли на устройство банковской системы центральный банк выступает не просто органом, обособленным от государства, но и самовозрастающим органом, т.е. растущим из себя. Наглядным примером реализации такой парадигмы является устройство банковской системы в США, где Федеральная резервная система (далее — ФРС США) находится в частной собственности и как таковая обособлена от государства, хотя между ней и государством в виде Минфина США имеются самые тесные экономические взаимоотношения в части движения денежных средств. По примеру статуса ФРС США в ст. 1 Закона № 86-ФЗ отмечается, что Банк России осуществляет свою деятельность независимо от федеральных органов государственной власти, а в ст. 2 этого нормативного акта отмечается, что он не отвечает по обязательствам государства, которое призвано обес-

<sup>1</sup> Сайт Банка России. URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkp/op\\_2020\(2021-2022\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkp/op_2020(2021-2022).pdf).

<sup>2</sup> Профицит государственного бюджета с января по август 2019 г. составил 2,560 трлн руб. — «Российская газета» от 11.09.2019. При этом в 2020 г. он ожидается на уровне в 1,22 трлн руб., а в 2021 г. — 0,95 трлн руб.

печивать динамику экономического развития страны. Таким образом, согласно законодательству Банк России не отвечает по обязательствам государства и не считает целью своей деятельности обеспечение соответствующей экономической политики.

Кроме обособленности Банка России от государства и его самодостаточного характера в плане возрастания, согласно неолиберальной парадигме он должен проводить политику по антициклическому регулированию рыночной конъюнктуры [1, с. 44; 2, с. 94–95; 3, с. 308]. Одним из инструментов такой политики является изменение величины ставки рефинансирования (ключевой ставки). В период депрессии и кризиса размер этой ставки сокращается, а в период оживления и подъема — увеличивается [4–6]. Руководствуясь этим положением, Банк России устанавливает величину ключевой ставки. Поскольку ее размер уже довольно длительное время значительно выше, чем во всех экономически развитых странах, можно предположить, что Банк России проводит политику по предотвращению перегрева рыночной конъюнктуры в нашей стране, т.е. предположительно он полагает, что российская экономика продолжительное время находится в состоянии подъема. И потому этот подъем необходимо сдерживать, что он и делает, проводя вместе с Правительством РФ единую государственную денежно-кредитную политику.

В связи с тем что многим специалистам очевидна анекдотичность взгляда на российскую экономику как на систему, нуждающуюся не в росте, а в сдерживании, Банк России стал в последние годы декларировать несколько иную цель своей деятельности, вроде бы отражающую положение ст. 3 Закона № 86-ФЗ, в которой в качестве его цели деятельности провозглашается «защита и обеспечение устойчивости рубля». Эту политику он назвал «таргетированием инфляции». Важнейшим инструментом данной политики, так же как при сдерживании экономического роста страны, является относительно высокий уровень ключевой ставки. Таким образом, поддержание данного уровня ключевой ставки объясняется не стремлением сдерживать экономический рост, а якобы необходимостью побороть инфляцию в национальной экономике. Вряд ли следует доказывать, что посредством стремления к достижению внешне благовидной цели, состоящей

в сдерживании инфляции, на самом деле проводится политика активного препятствования экономическому росту страны. Сдерживание роста уровня цен посредством установления высокого уровня цены на услуги Банка России является, несомненно, уникальным положением неолиберальной парадигмы регулирующей деятельности данного монетарного органа.

---

***Для развития экономического потенциала страны компании различных отраслей национальной экономики должны иметь возможность привлекать денежные средства для инвестирования в основной капитал***

---

### **НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РОССИЙСКОЙ ПАРАДИГМЫ ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ**

С позиции российской школы экономической мысли аксиоматичным является тезис о том, что для развития экономического потенциала страны компании различных отраслей национальной экономики должны иметь возможность привлекать денежные средства для инвестирования в основной капитал [7, 8]. Без количественного возрастания этого капитала и его качественного развития не может обеспечиваться необходимая экономическая динамика страны. А для этого размер банковского процента должен быть относительно невысоким; при этом продолжительность кредитов, предоставляемых банками, должна быть достаточной для осуществления различных средне- и долгосрочных проектов, предполагающих соответствующий период окупаемости авансированных средств. Банковская система России во главе с Банком России не обеспечивает данного условия экономического роста страны. Научные дискуссии, ведущиеся относительно денежной политики Банка России, во многом сводятся к обоснованию того или иного приемлемого уровня ключевой ставки [9–11]. Такие дискуссии во многом оправдывают существующее положение дел, т.е.

политику Банка России, направленную, по сути, на сдерживание экономического роста страны. Российская же школа экономической мысли не только не разделяет этой практической политики, но свидетельствует об ее научной необоснованности. Ее аргументы сводятся к следующему.

Такой инструмент регулирующей деятельности Банка России, как ставка рефинансирования, появился в момент образования этого монетарного органа, когда была создана двухуровневая банковская система, в рамках которой Банк России, пополняя запасы монетарного золота, производил дополнительную эмиссию своих банкнот и пускал их в оборот на кредитной основе, т.е. под определенный размер процента. Банкноты Банка России были в таких условиях разновидностью ценных бумаг, а число денежных единиц, обозначенное на них, означало размер требований держателей этих бумаг к центральному банку об их конвертации на золото в соответствии с существовавшим масштабом денежной единицы; в свою очередь для центрального банка банкноты выступали его обязательством. В таких условиях наличие процента центрального банка было отчасти оправдано, а изменение его величины в некоторой степени могло оказывать влияние на изменение рыночной конъюнктуры. Предоставляя эмиссионные средства на кредитной основе коммерческим банкам или же государству, центральный банк пополнял тем самым размер своих активов. Однако число денежных единиц, обозначенное на эмитированных банкнотах, представляло собой не дебиторскую задолженность центрального банка, а именно монетарное золото. Масштаб денежной единицы строго фиксировал вес золота, которое было представлено одной денежной единицей.

По мере же опережающего роста числа денежных единиц по сравнению с ростом запасов монетарного золота данный масштаб постепенно сокращался (зачастую при декларативной неизменности его величины). И когда разрыв между фактической величиной масштаба денежной единицы и его декларативным размером стал критическим, центральные банки западных стран, собравшись в 1976 г. на валютно-денежной конференции в Кингстоне (на Ямайке), приняли единогласное решение об отказе от своих обязательств перед держателями эмитированных ими ценных бумаг (банкнот) на соответствующее

количество золота. С этого времени пополнение запасов монетарного золота перестало выступать основой для (дополнительной) эмиссии денежных средств. Однако на данной конференции не был установлен «эквивалент» золота. Вместо этого было заявлено представителями неолиберальной школы экономической мысли, что роль золота теперь играет доверие к «безупречному авторитету» центрального банка. На этом основании новая денежная система была наименована «доверительной (фидуциарной)» [12, 13].

Доверие же к авторитету центрального банка как «надежному» контрагенту рыночных отношений отличается от доверия к золоту тем, что его невозможно осязать, измерять в каких-либо известных единицах. Это есть нечто аморфное, нематериальное, не имеющее своего фиксированного бытия. Вследствие упразднения масштаба денежной единицы стало невозможным устанавливать, какой объем «безупречного авторитета» центрального банка представлен одной денежной единицей. Упразднение масштаба денежной единицы дало широкий простор центральному банку для проведения «эмиссионной» политики. Точнее сказать, новое положение дел превратило центральный банк в самовозрастающий денежный знак, сделало его своего рода сверхматериальным существом, так как ничто в материальном мире не может вырастать само из себя. Центральный же банк, производя все новые и новые партии эмиссионных средств, основываясь на своей «безупречной репутации», стал выступать именно в таком качестве. При этом читателям журнала следует обратить внимание на то, что выпущенные центральным банком банкноты уже не являются его обязательством по конвертации на какой-либо объем его репутации, а значит, они не выступают в качестве требований их держателей к центральному банку по такой конвертации.

В связи с положением неолиберальной школы о том, что банкноты являются лишь воплощением «безупречной репутации» центрального банка, они не являются достаточно убедительным основанием для оправдания выполнения им эмиссионной функции, данное положение было дополнено тезисом о том, что число денежных единиц, указываемое на банкнотах, представляет еще и активы центрального банка. Такое позиционирование банкнот стало не только более убедительным обоснованием эмиссионной

функции центрального банка, но и послужило оправданием введения эмиссионных средств в рыночный оборот на кредитной основе под ставку рефинансирования (ключевую ставку), которая стала позиционироваться как инструмент антициклического регулирования рыночной конъюнктуры для таргетирования инфляции.

Основная же часть эмиссионных средств центральных банков западных стран стала направляться на приобретение долговых обязательств своих государств. Это означало, что число денежных единиц, обозначенное на банкнотах, стало представлять государственный долг, который постоянно возрастает и практически уже никогда не сможет быть погашен правительством ни одной западной страны. Образно говоря, этот долг являет собой «черную дыру», которая неутомимо влечет государство к дефолту, что не может не отразиться на стране в целом. Таким образом, следуя логике неолиберальной школы экономической мысли, число денежных единиц, обозначенное на банкнотах, представляет собой постоянно возрастающий государственный долг, не сулящий ничего хорошего ни одной стране. Кстати, в США в настоящее время удельный вес расходной части государственного бюджета, направляемой на покрытие только одних процентов по кредиторской задолженности, составляет почти 20%. А в ближайшие пять–семь лет удельный вес расходной части бюджета, направляемой на погашение кредиторской задолженности, составит ее основную часть. Не на много лучше положение дел в государственных финансах других западных стран.

Для выхода из такой сложной ситуации центральный банк, видимо, должен предоставлять государству новые кредитные средства либо с нулевым процентом, либо даже с отрицательной величиной процента; причем такие кредиты должны направляться на погашение прежней кредиторской задолженности государства. Государство набрало такое количество займов, долг по которым оно уже не в состоянии погасить, а центральному банку достался объем токсичных активов, которые сейчас приносят ему убытки. Наличие такой критической ситуации в отношениях между монетарными органами на самом деле свидетельствует о том, что позиционирование центрального банка в рамках современной денежной системы как образования, растущего

самого из себя и вводящего эмиссионные средства в оборот на кредитной основе, не является обоснованным.

Соответственно не обоснованным с позиции российской школы экономической мысли является наличие ставки рефинансирования (ключевой ставки) [14]. Причем такое заключение верно в отношении центральных банков не только стран, у которых денежные средства имеют статус валютных средств, а сами эти банки находятся в частной собственности, но и в отношении центральных банков тех стран, чьи денежные средства не используются в расчетах в сфере внешних рыночных отношений, а сами банки принадлежат государству. Второй вариант статуса национальных денежных средств и центрального банка существует в нашей стране. Банк России может внести свою позитивную лепту в экономический рост нашей страны, в поддержку «деловой активности» [15], если не будет руководствоваться в своей политике неолиберальной парадигмой, не станет позиционировать себя как эмиссионный орган и упразднит ключевую ставку как инструмент своей деятельности.

Образно говоря, эта ставка является гирей на ногах национальной экономики. С такой «гирей» она не сможет достичь желаемой динамики. Со ставкой в 6,5% Банк России по-прежнему будет «жиреть» от финансовых средств, а национальная экономика «пухнуть» от голода на заемные средства, которые так необходимы для инвестирования в основной капитал компаний почти всех отраслей российской экономики.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятно, что одним только упразднением ключевой ставки невозможно обеспечить экономический рост страны. Эта мера должна быть применена в комплексе с другими мерами, среди которых одной из наиболее важных является корректировка ориентации политики Правительства РФ. Политика подспудного сдерживания экономического роста должна уступить место политике его активной поддержки. Содержание такой политики должно включать, в частности, равновесный характер государственного бюджета, существенное сокращение НДС, переориентацию государственных инвестиций с иностранных ценных бумаг на развитие рыночной инфраструктуры нашей страны,

на формирование самодостаточного характера национальной экономики, что весьма актуально в условиях перманентных санкций со стороны государств, имеющих неподъемный размер кредиторской задолженности, затягивающий их в финансовый коллапс.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фридмен М. Если бы деньги заговорили... Пер. с англ. — 2-е изд. — Москва: Дело, 2002. — 160 с. — ISBN 5-7749-0135-1.
2. Современные проблемы и перспективы развития финансовых рынков и банков: монография / коллектив авторов; под ред. Н. Э. Соколинской. — Москва: КНОРУС, 2018. — 242 с. — ISBN 978-5-406-06235-7.
3. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. — Т. 1. — Москва: Республика, 1995. — 400 с. — ISBN 5-250-01486-0.
4. Хорошев С. Ставка рефинансирования как антикризисная и антиинфляционная мера: мнения экспертов // Банковское дело. — 2009. — № 1. — С. 36–39. — ISSN 2071-4904.
5. Банников В. А. Анализ финансовой стратегии Банка России в части воздействия ставки рефинансирования (ключевой ставки) на российскую экономику // Экономика и управление. — 2016. — № 125. — С. 37–46. — ISSN 1998-1627.
6. Белоусова А. А. Ставка рефинансирования как инструмент регулирования экономической устойчивости // Актуальные проблемы экономики и права. — 2012. — Т. 21. — № 1. — С. 174–178. — ISSN 1993-047X.
7. Губанов С. С. Неоиндустриальный подъем России требует снятия системных ограничений // Экономист. — 2017. — № 4. — С. 3–10. — ISSN 0869-4672.
8. Щемелева А. С. Роль и значение ставки рефинансирования в регулировании системы коммерческих банков // Экономические науки. — 2011. — № 75. — С. 67–71. — ISSN 2072-0858.
9. Абрамова М. А., Дубова С. Е., Захарова О. В., Ершов М. В., Лаврушин О. И. Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов: мнение экспертов Финансового университета // Экономика, налоги, право. — 2019. — Т. 12. — № 1. — С. 6–19. — ISSN 1999-849X.
10. Малкина М. Ю., Барабашина Ю. С. Ставка рефинансирования как инструмент управления денежной массой и темпом инфляции в российской экономике // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2011. — Т. 76. — № 34. — С. 18–23. — ISSN 2073-4484.
11. Носова Ю. С., Бедрасова О. Д., Кочубей С. А. Ставка рефинансирования в России // Наука, техника, технологии (Политехнический вестник). — 2015. — № 1. — С. 107–109. — ISSN 2309-3250.
12. Суриков К. Ю. Фактор доверия в эволюции денег // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2015. — Т. 126. — № 4. — С. 6–14. — ISSN 1993-0453.
13. Усоский В. Механизм обеспечения фидуциарных кредитных денег в рыночной экономике и криптовалюты // Банковский вестник. — 2018. — № 1. — С. 51–61. — ISSN 2071-8896.
14. Кропин Ю. А. Банки и проблемы организации и функционирования национальной банковской системы. — Москва: Изд-во «Ваш полиграфический партнер», 2013. — 113 с. — ISBN 978-5-4465-0155-7.
15. Кропин Ю. А. Поддержка деловой активности и фундаментальная проблема реформирования национальной банковской системы // Экономика, налоги, право. — 2018. — Т. 11. — № 3. — С. 20–26. — ISSN 1999-849X.

### REFERENCES

1. Friedman M. If money started talking. Moscow: Delo; 2002. 160 p. (In Russ.).
2. Sokolinskaya N. E., red. Current problems and prospects for the development of financial markets and banks: a monograph. 2018; Moscow: KNRUS; 242 p. (In Russ.).
3. McConnell C., Brue S. Economics: principles, problems, and policies. 1995; Moscow: Respublika; 400 p. (In Russ.).



4. Khoroshev S. Refinancing rate as an anti-crisis and anti-inflation measure: expert opinions. *Bankovskoe delo = Banking*. 2009;(1):36–39. (In Russ.).
5. Bannikov V.A. Analysis of the bank of Russia financial strategy regarding the impact of the refinancing rate (key rate) on the Russian economy. *Ekonomika i Upravleniye = Economics and Management*. 2016;125(3):37–46. (In Russ.).
6. Belousova A.A. Refinancing rate as a tool for regulating economic sustainability. *Actual'nie problemy ekonomiki i prava = Actual problems of economics and law*. 2012;21(1):174–178. (In Russ.).
7. Gubanov S.S. The neo-industrial rise of Russia requires the removal of systemic restrictions. *Economist = Economist*. 2017;(4):310. (In Russ.).
8. Schemeleva A.S. The role and importance of the refinancing rate in the regulation of the system of commercial banks. *Ekonomicheskiye nauki = Economics*. 2011;(75):67–71. (In Russ.).
9. Abramova M.A., Dubova S.E., Zakharova O.V., Ershov M.V., Lavrushin O.I. On the main directions of the unified state monetary policy for 2019 and the period 2020 and 2021: the opinion of experts from the financial university. *Ekonomika, nalogi, pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(1): 6–19. (In Russ.).
10. Malkina M. Yu., Barabashina Yu.S. Refinancing rate as a tool for managing the money supply and inflation in the Russian economy. *Finisovaya analitika: problwmiye i resheniye = Financial analytics: problems and solutions*. 2011;76(34):18–23. (In Russ.).
11. Nosova Yu.S., Bedrosova O.D., Kochubey S.A. Refinancing rate in Russia. *Nauka, tekhnika, tekhnologiya (Politechnicheskiy vestnit) = Science, Engineering, Technology (Polytechnic Bulletin)*. 2015;(1):107–109. (In Russ.).
12. Surikov K. Yu. Confidence factor in the evolution of money. *Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Samara State University of Economics*. 2015;126(4):6–14. (In Russ.).
13. Usosky V. The mechanism for providing fiduciary credit money in a market economy and cryptocurrency. *Bankovskiy Vestnik = Bank Gazette*. 2018;(1):51–61. (In Russ.).
14. Kropin Yu.A. Banks and problems of organization and functioning of the national banking system. Moscow: Izd-vo «Vash poligraficheskiy partnyor»; 2013. 113 p. (In Russ.).
15. Kropin Yu.A. Support for business activity and the fundamental problem of reforming the national banking system. *Ekonomika, nalogi, pravo = Economics, taxes & law*. 2018;11(3):20–26. (In Russ.).

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Юрий Анатольевич Кропин** — доктор экономических наук, профессор Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет, Москва, Россия  
kropin.yury@yandex.ru

## ABOUT THE AUTHOR

**Yuriy A. Kropin** — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of Department of Financial Markets and Banks, Financial University, Moscow, Russia  
kropin.yury@yandex.ru

*Статья поступила 05.11.2019; принята к публикации 06.01.2020.*

*Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

*The article was received 05.11.2019; accepted for publication 06.01.2020.*

*The author read and approved the final version of the manuscript.*

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-42-48  
УДК 519.87:336.22(045)  
JEL C19, E31

## Взаимосвязь индексов, определяющих уровень инфляции

Н.Н. Карабутов

МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия  
<https://orcid.org/0000-0002-3706-7431>

### АННОТАЦИЯ

Индекс инфляции определяет уровень экономического роста страны. Поэтому в общем плане *предмет исследования* – взаимосвязь индексов, влияющих на уровень инфляции.

*Актуальность исследования* заключается в том, что до настоящего времени не обращалось должного внимания на взаимосвязь и взаимовлияние индексов потребительских цен в рамках существующего и прогнозируемого индекса инфляции. В работе утверждается, что наибольшее влияние на инфляцию оказывают индексы цен. В зависимости от экономического состояния страны влияние индексов цен может проявляться по-разному. Поэтому установление взаимосвязи и взаимовлияния индексов позволяет формализовать задачу прогнозирования уровня инфляции. Адекватными инструментами, позволяющими устанавливать существующие взаимосвязи, являются их идентификация и математическое моделирование.

*Цель работы* – создание модели, позволяющей прогнозировать тенденции развития уровня инфляции. Показано, что выбор структуры этой модели определяется требованиями к точности прогнозирования тенденции изменения уровня инфляции. Отмечено, что базовый уровень инфляции более реально отражает состояние экономического состояния. *Сделаны выводы* о работоспособности полученных зависимостей для различных периодов экономического развития страны. Показано, что модели, описывающие изменение базовой инфляции, могут использоваться для оценки тенденций изменения инфляции. Благодаря тесным взаимосвязям некоторых индексов цен и возможностей их формализации можно устанавливать тенденции их изменения. Предложен графический метод идентификации взаимосвязи индексов цен и уровня инфляции и приведен ее количественный показатель.

**Ключевые слова:** индекс; инфляция; математическая модель; прогнозирование; цена; потребительские цены; уровень инфляции

**Для цитирования:** Карабутов Н.Н. Взаимосвязь индексов, определяющих уровень инфляции. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(1):42-48. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-42-48

## Interrelation of Indices Determining Inflation Rate

N.N. Karabutov

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia  
<https://orcid.org/0000-0002-3706-7431>

### ABSTRACT

Inflation index determines the level of the country economic growth. Therefore, in general, *the subject of the research* is interrelations of indices influencing the inflation level. *The importance of the research* lays in the fact that until recently almost no attention has been paid to the interrelation and interface of consumer price indices within the existing and forecasted inflation rate. It is stated in the article that price indices influence inflation most of all. Depending on the economic condition of the country the price indices impact can become apparent in different ways. Therefore, ascertainment of the interrelation and interface of indices allows formalizing the problem of inflation rate forecasting. Identification and mathematical modeling are the appropriate instruments that give an opportunity to ascertain the existing interrelations.

*The purpose of the work is to create a model to forecast inflation level development trends. It is demonstrated that the choice of the model structure is determined by the accuracy requirements for forecasting of inflation level change trend. It is noted that the basic inflation level reflects the economic state more realistically. It is concluded that the interrelations obtained are relevant for different periods of the country development. It is demonstrated that the models describing the basic inflation change can be used to evaluate inflation change trends. Due to close interrelations of some price indices and to the possibility to formalize them, it is possible to identify their trends for change. A graphic method to identify interrelations between price indices and inflation level is suggested, its quantitative index is given.*

**Keywords:** index; inflation; mathematical model; forecasting; price; consumer price; inflation level

**For citation:** Karabutov N.N. Interrelation of indices determining inflation rate. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020; 13(1):42-48. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-42-48

## ВВЕДЕНИЕ

Основной целью денежно-кредитной политики является поддержание ценовой стабильности, т.е. обеспечение низкой инфляции. Ценовая стабильность — важный элемент обеспечения благоприятной среды для жизни людей и ведения бизнеса согласно Основным направлениям единой государственной денежно-кредитной политики на ближайшие три года<sup>1</sup>. Важным условием реализации денежно-кредитной политики является осуществление мер по поддержанию заданного уровня инфляции. Ввиду того, что инфляция является производной от общего роста цен, ее увеличение отрицательно влияет на экономический рост страны. Многочисленные исследования взаимосвязи инфляции и экономического роста показывают, что инфляция оказывает отрицательное влияние на средне- и долгосрочный рост экономики [1]. Так, в качестве целевого ориентира инфляции предлагается использовать научно обоснованный оптимально допустимый показатель, не наносящий ущерба экономическому росту и общественному воспроизводству, но в то же время позволяющий увеличивать доходы граждан, повышать в целом качество жизни в стране.

Взаимосвязь инфляции и экономического роста носит нелинейный характер, поэтому не всегда удается предложить такой показатель, который был бы действенным при изменяющихся экономических условиях. В [2] предлагается логарифмический показатель инфляции, который позволяет приближать вероятностное распределение инфляции

к нормальному закону. Трудности в использовании этого показателя заключаются в следующем:

- 1) как правило, для оценки инфляции применяются короткие выборки, которые не всегда позволяют добиться поставленной цели;
- 2) спад экономики;
- 3) отрицательная инфляция в некоторые периоды времени.

Особенности логарифмической инфляции (далее — ЛИ) отмечены в [1, 3]. Некоторые процедуры, основанные на применении и развитии ЛИ, изложены в [4]. Как правило, индекс ЛИ используется для долгосрочного прогнозирования экономического роста.

Из экономической теории известно, что в краткосрочном периоде увеличение денежной массы может приводить к росту инфляции. Одновременный рост денежной массы исследуется в рамках кривой Филлипса, предполагающей обратную зависимость между уровнем инфляции и уровнем безработицы, ввиду того, что цены, как правило, реагируют на изменение денежной массы с запаздыванием [5]. Цены определяют текущий уровень инфляции. Эмпирическими исследованиями доказывается, что высокие темпы инфляции отрицательно влияют на темпы роста экономики в долгосрочном периоде.

Статистические проблемы количественной оценки изменения цен при анализе инфляционных процессов рассмотрены в [6], где делается попытка установления параметров цен в условиях региона. Эти же цели преследуются в [7]. В отличие от работы [6] в статье [7] применяется индексный метод, позволяющий осуществлять экономическую интерпретацию полученных результатов, расширяется множество индексов путем включения агрегированного индекса ин-

<sup>1</sup> Сайт Банка России. «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов». URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on\\_2020\(2021-2022\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2020(2021-2022).pdf).

фляции для ее измерения в условиях нестабильной экономики.

Таким образом, в научной литературе основное внимание уделяется расчету индекса инфляции на основе доступной информации о потребительских ценах на услуги и товары. Предпринимается попытка получения некоторых универсальных индексов, позволяющих улучшать процесс оценки инфляции. Но при этом не рассматриваются взаимосвязь и взаимовлияние индексов потребительских цен в рамках существующего и прогнозируемого индекса инфляции.

### МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ИНДЕКСОВ ЦЕН

Построение модели взаимосвязей индексов цен осуществляется в этой работе на основе данных Банка России<sup>2</sup> за 2017–2019 гг. В качестве переменных используются сведения, отражающие динамику потребительских цен по группам товаров и услуг (с начала года нарастающим итогом в %):  $y_{1,k} = I_k$  — индекс инфляции за  $k$ -й год;  $y_{2,k} = BI_k$  — базовый индекс инфляции;  $x_{1,k} = \text{ПЦпрод}_k$  — прирост цен на продовольственные товары;  $x_{2,k} = \text{ПЦпрод\_по}_k$  — прирост цен на продовольственные товары без учета плодоовощной продукции;  $x_{3,k} = \text{ПЦповш}_k$  — прирост цен на плодоовощную продукцию;  $x_{4,k} = \text{ПЦнепрод}_k$  — прирост цен на непродовольственные товары;  $x_{5,k} = \text{ПЦнепрод\_Б}_k$  — прирост цен на непродовольственные товары без бензина;  $x_{6,k} = \text{ПЦПУ}_k$  — прирост цен на платные услуги.

**1. 2017 г.** Статистический анализ показал, что на индекс инфляции  $y_{1,17}$  оказывают наибольшее влияние индексы  $x_{2,17}$ ,  $x_{4,17}$ ,  $x_{8,17}$ . Корреляция между  $y_{1,17}$  и указанными индексами не превышала 85% для  $x_{2,17}$  и была ниже 78% для  $x_{4,17}$  и  $x_{8,17}$ . Несмотря на это, была получена математическая модель:

$$\hat{y}_{1,17} = 2,13x_{2,17} - 0,136x_{4,17} + 0,142x_{6,17}, \quad (1)$$

где  $\hat{y}_{1,17}$  — оценка индекса инфляции.

Коэффициент детерминации равняется  $R = 0,96$ , а стандартная ошибка — 0,36. Из (1)

следует, что прирост цен на непродовольственные товары оказывает отрицательное влияние на индекс инфляции.

Для уменьшения стандартной ошибки была изменена структура модели (1). В частности, на основе анализа изменения  $y_{1,17}$  был сделан вывод о том, что индекс инфляции может следовать динамическому закону изменения. Поэтому в структуру искомой модели была введена динамическая составляющая по  $y_{1,17}$ , и синтезированная модель получила следующий вид:

$$\hat{y}_{1,17,n}^d = 1,314\hat{y}_{1,17,n-1}^d - 0,511x_{2,17,n} + 0,788x_{4,17,n} - 0,435x_{6,17,n}, \quad (2)$$

где  $\hat{y}_{1,17,n}^d$  — оценка индекса инфляции на период времени  $n$ . Интервал изменения  $n$  равен месяцу.

Модель (2) имеет следующие статистические показатели: коэффициент детерминации — 0,99, стандартная ошибка — 0,21. Из сравнения моделей (1) и (2) следует, что учет динамической составляющей индекса инфляции позволяет существенно улучшать прогнозирующие свойства модели (2). Результаты, подтверждающие качество полученных моделей, представлены на рис. 1

в пространствах  $(y_{1,17}, \hat{y}_{1,17})$  и  $(y_{1,17}, \hat{y}_{1,17}^d)$ . Из рис. 1

следует, что модель (2) более адекватно описывает

индекс инфляции. Регрессионные модели для  $\hat{y}_{1,17}$

и  $\hat{y}_{1,17,n}^d$  имеют вид:

$$\hat{y}_{1,17} = 0,715y_{1,17} + 0,485, \quad \hat{y}_{1,17}^d = 0,908y_{1,17} + 0,156, \quad (3)$$

а коэффициенты детерминации соответственно равны 0,76 и 0,92. Об адекватности модели (2) свидетельствует также значение коэффициента детерминации  $R = 0,908$ .

Рассмотрим базовый индекс инфляции  $y_{2,17}$ . Как и в случае  $y_{1,17}$ , базовый индекс инфляции зависит от индексов  $x_{2,17}, x_{4,17}, x_{6,17}$ . Корреляционные связи между указанными индексами и  $y_{2,17}$  превышают уровень 0,9, т.е. индексы цен оказывают более существенное влияние на базовую инфляцию. Синтезированная регрессионная модель имеет следующий вид:

$$\hat{y}_{2,17} = 0,13x_{2,17} + 0,61x_{4,17} + 0,08x_{6,17}. \quad (4)$$

<sup>2</sup> Информационный бюллетень Банка России. — 2019. — Т. 195. — № 9. URL: [https://cbr.ru/DKP/surveys/macro\\_sub](https://cbr.ru/DKP/surveys/macro_sub).

В отличие от (1) на уровень базовой инфляции влияют все указанные индексы. Коэффициент детерминации равняется 0,99, а стандартная ошибка — 0,066. Результаты адекватности модели (4) показаны на рис. 2. Линией с квадратиком обозначен выход модели (4), а прерывистой линией — изменение индекса базовой инфляции. По границе диаграммы отложено изменение временного интервала.

*Замечание к модели:* лепестковая диаграмма (см. рис. 2) может использоваться в качестве наглядного отображения влияния индекса цены  $x_{i,17}$  на базовый индекс инфляции  $y_{2,17}$ . Такую роль может выполнять коэффициент взаимосвязи  $k^i(x_{i,17,n}) = x_{i,17,n} / y_{2,17,n}$ . Если  $k^i$  лежит в заданном интервале, то взаимосвязь  $x_{i,17}$  и  $y_{2,17}$  является тесной.

Вычисления показывают, что коэффициент взаимосвязи  $y_{2,17}$  и  $\hat{y}_{2,17}$  лежит в интервале (0,93; 1,11). Этот результат также подтверждает сделанное выше заключение об адекватности модели (4).

Заметим, что однофакторные линейные модели между  $y_{2,17}$  и  $x_{2,17}, x_{4,17}, x_{5,17}, x_{6,17}$  имеют высокую адекватность. Здесь не приводятся полученные модели, так как ниже отражаются аналогичные результаты (см. таблицу) для случая  $y_{2,18}$ . Модели из таблицы структурно совпадают с зависимостями, описывающими  $y_{2,17}$ .

**2. 2018 г.** В отличие от 2017 г. наблюдается более сильная взаимосвязь индекса инфляции  $y_{1,18}$  и факторов  $x_{2,18}, x_{4,18}, x_{5,18}, x_{6,18}$ . Коэффициент взаимной корреляции превышает 0,93. Существенное влияние на  $y_{1,18}$  оказывает индекс прироста цен на непродовольственные товары без бензина ( $x_{5,18}$ ). Сначала была получена модель, описывающая зависимость  $y_{1,18}$  от  $x_{2,18}, x_{4,18}, x_{6,18}$ :

$$\hat{y}_{1,18} = 0,276 + 0,181x_{2,18} + 0,666x_{4,18} + 0,011x_{6,18}. \quad (5)$$

Несмотря на высокий коэффициент детерминации  $R^2$ , равный 0,968, стандартная ошибка  $e = 0,254$  не позволяла точно прогнозировать изменение  $y_{1,18}$ . Исходя из анализа изменения  $y_{1,18}$  была получена авторегрессионная модель первого порядка:

$$\begin{aligned} \hat{y}_{1,18,n}^d &= 1,623\hat{y}_{1,18,n-1}^d + 0,036x_{2,18,n} + \\ &+ 0,12x_{4,18,n} - 0,505x_{6,18,n}, \end{aligned} \quad (5)$$

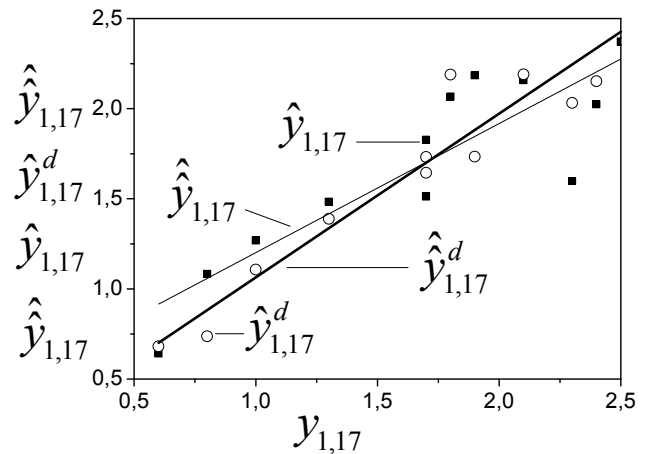


Рис. 1 / Fig. 1. Оценка адекватности моделей (1), (2) / Estimation of models (1), (2) adequacy

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

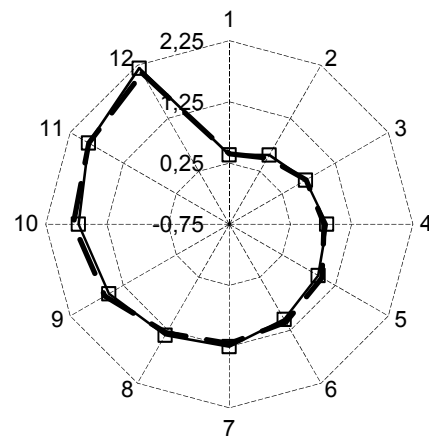


Рис. 2 / Fig. 2. Оценка адекватности модели (4) / Estimation of model (4) adequacy

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

которая имеет  $R^2 = 0,998$  и  $e = 0,136$ . Применение модели (5) позволяет почти вдвое повысить точность прогнозирования индекса инфляции.

На базовую инфляцию влияют те же индексы цен, что и на индекс инфляции. Аналогичным образом была получена модель, описывающая влияние индексов  $x_{2,18}, x_{5,18}, x_{6,18}$  на изменение базовой инфляции: которая имеет следующий вид:

$$\begin{aligned} \hat{y}_{2,18} &= 0,416x_{2,18} + 0,361x_{4,18} + 0,082x_{6,18}, \\ R^2 &= 1 \text{ и } e = 0,086. \end{aligned} \quad (6)$$

Анализ моделей, применяемых для оценки базовой инфляции /  
Analysis of models used to estimate core inflation

Модель / Model	$R^2$	$e$	$r_{2,i}$
$M_6: \hat{y}_{2,18} = f(x_{4,18})$	0,989	0,252	0,980
$M_7: \hat{y}_{2,18} = f(x_{5,18})$	0,986	0,289	0,975
$M_4: \hat{y}_{2,18} = f(x_{2,18})$	0,89	0,80	0,936
$M_{468}: \hat{y}_{2,18} = f(x_{2,18}, x_{4,18}, x_{6,18})$	0,990	0,272	0,995

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Следует заметить, что наибольшее влияние на базовую инфляцию оказывает индекс прироста цен на непродовольственные товары ( $x_{4,18}$ ). Другие результаты представлены в таблице, где  $r_{2,i}$  — коэффициент взаимной корреляции.

Графическая интерпретация полученных результатов показана на рис. 3.

Из таблицы и рис. 3 следует, что наилучшими прогнозирующими свойствами обладает модель  $M_6$ . Заметим, что такой анализ справедлив и для индекса  $y_{1,18}$ . Учитывая высокую корреляцию между  $y_{1,18}$  и  $y_{2,18}$  ( $R^2 = 0,971$ ), можно утверждать, что результаты, приведенные в таблице, являются справедливыми и для  $y_{1,18}$ .

Существует высокая статистическая взаимосвязь индексов прироста цен на платные услуги ( $x_{6,18}$ ) и прироста цен на непродовольственные товары без бензина ( $x_{5,18}$ ). Соответствующие модели имеют следующий вид:

$$\hat{x}_{6,18} = 1,43x_{5,18} - 0,84, R^2 = 0,95, \quad (7)$$

$$\hat{x}_{6,18} = 0,345x_{5,18}^2 + 0,18x_{5,18} - 0,056, R^2 = 0,993. \quad (8)$$

Результаты моделирования показывают, что модель (8) адекватно прогнозирует тенденцию изменения индекса  $x_{6,18}$ . Модель (7) такой точностью прогнозирования не обладает.

**3. 2019.** В отличие от 2018 г. индекс инфляции  $y_{1,19}$  имеет менее тесные связи с индексами  $x_{i,19}$ . Как и в предшествующие годы,  $y_{1,19}$  зависит от индексов  $x_{i,19}$ ,  $i = 2, 4, 5, 6$ . Наибольшее влияние оказывает индекс прироста цен на непродоволь-

$R^2, e, r_{2,i}$

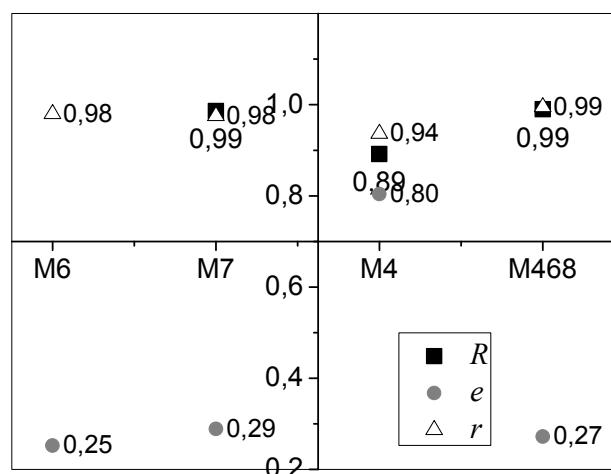


Рис. 3 / Fig. 3. Интерпретация зависимости между переменными для  $y_{2,18}$  / Interpreting the dependence between variables for  $y_{2,18}$

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ственные товары без бензина ( $x_{5,19}$ ), коэффициент взаимной корреляции которого равен 0,9. Для остальных индексов статистическая связь не превышает 87% (рис. 4). Наблюдается такая же статистическая картина, как и в 2017 г.

Несмотря на имеющиеся взаимосвязи, были получены математические модели следующего вида:

$$\hat{y}_{1,19} = 0,791 - 2,161x_{2,19} + 3,065x_{5,19}, \quad (9)$$

$$R^2 = 0,85, e = 0,243,$$

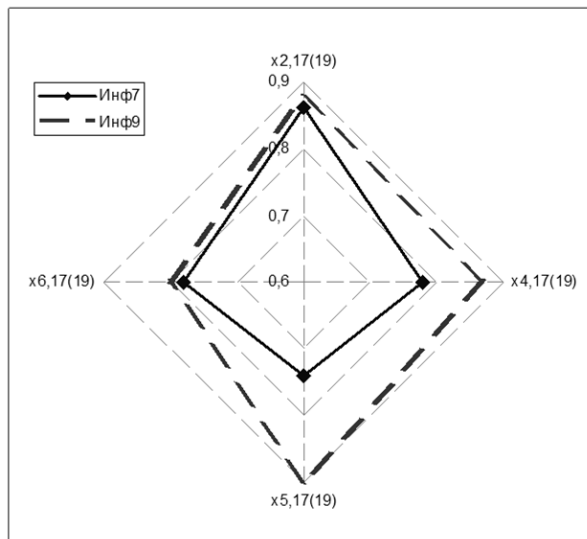


Рис. 4 / Fig. 4. Сравнение корреляционных связей индексов для  $y_{1,17}$  и  $y_{1,19}$  / Comparison of index correlations for  $y_{1,17}$  and  $y_{1,19}$

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

$$\hat{y}_{1,19,n}^d = 0,88\hat{y}_{1,19,n-1}^d - 2,03x_{2,19} + 1,9x_{5,19} + 0,71, \quad R^2 = 0,94, e = 0,17. \quad (10)$$

Учет динамических свойств индекса инфляции позволяет улучшить прогноз  $y_{1,19}$ . Прирост цен на продовольственные товары оказывает отрицательное влияние на инфляцию.

Регрессионная модель для оценки индекса базовой инфляции имеет следующий вид:

$$\hat{y}_{2,19} = 0,826x_{2,19} + 1,677x_{5,19} + 0,207x_{6,19}, \quad R^2 = 0,99, e = 0,039. \quad (11)$$

Для проверки качества полученных моделей сравним коэффициенты взаимной корреляции между  $y_{1,19}$ ,  $y_{2,19}$  и  $\hat{y}_{1,19}$ ,  $\hat{y}_{2,19}$ :  $R_{y_{1,19};y_{2,19}} = 0,93$ ,  $R_{\hat{y}_{1,19};\hat{y}_{2,19}} = 0,91$ . Полученные результаты показывают приемлемые свойства полученных моделей. Подтверждением результатов, представленных на рис. 4, является близость коэффициентов детерминации между  $\hat{y}_{1,17}$ ,  $\hat{y}_{1,19}$ . Они равны:  $R_{y_{1,17};\hat{y}_{1,19}} = 0,85$ ,  $R_{y_{1,17};y_{1,19}} = 0,88$ .

Для рассматриваемого случая можно получить модели, аналогичные моделям (7), (8).

Итак, результаты моделирования показывают, что существует взаимосвязь между индексами цен и индексом инфляции.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье выполнено математическое моделирование, которое позволило оценивать взаимосвязи индексов и устанавливать их влияние на уровень инфляции. Получены математические модели, описывающие изменение уровня инфляции. Оценено влияние индексов цен на итоговый индекс инфляции. Выполнено прогнозирование индекса инфляции и базовой инфляции. Предложенные модели описают базовую инфляцию в сравнении с установлением инфляции обычными средствами. Благодаря тесным взаимосвязям некоторых индексов и возможности их формализации можно более точно устанавливать тенденцию их изменения.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Греков И. Е., Садков В. Г. Об оптимальном уровне инфляции с позиции результатов общественного развития // Финансы и кредиты. — 2007. — Т. 246. — № 6. — С. 2–11. — ISSN 2071–4688.
2. Sarel M. Nonlinear effects of inflation on economic growth. Staff papers. *International monetary fund*. 1996;43(March):199–215.
3. Fischer S. The role of macroeconomic factors in growth. *Journal of monetary economics*. 1993;32 (December):485–512.
4. Khan M. S., Senhadji A. S. Threshold effects in the relationship between inflation and growth. IMF Staff papers. *International monetary fund*. 2001;48(1).
5. Перевышина Е. А. Влияние инфляции на темпы экономического роста. *Финансы и кредит*. — 2016. — № 9. — С. 16–26. — ISSN 2311–8709.
6. Федин Д. А. Оценка инфляционных процессов на основе статистических методов. *Известия тульского государственного университета, экономические и юридические науки*. — 2011. — № 1. — С. 93–101. — ISSN 2071–6184.
7. Чистик О. Ф. Статистические методы оценки инфляционных процессов в экономике России. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. — 2009. — Т. 57. — 7. — С. 112–115. — ISSN 1993–0453.

## REFERENCES

1. Grekov I. E., Sadkov V. G. On optimal level of inflation from the viewpoint of social development results. *Finance and credit*. 2007;246(6):2–11. (In Russ.).
2. Sarel M. Nonlinear effects of inflation on economic growth. Staff papers. *International monetary fund*. 1996;43(March):199–215.
3. Fischer S. The role of macroeconomic factors in growth. *Journal of monetary economics*. 1993;32 (Dec.):485–512.
4. Khan M. S., Senhadji A. S. Threshold effects in the relationship between inflation and growth. IMF staff papers. *International monetary fund*. 2001;48(1).
5. Perevyshina E. A. the impact of Inflation on economic growth rates. *Finance and credit*. 2016;9:16–29. (In Russ.).
6. Fedin D. A. Estimation of inflation processes based on statistical methods. *Proceedings of Tula State University, economic and legal sciences*. 2011;1:93–101. (In Russ.).
7. Chistik O. F. Statistical methods for estimating inflation processes in the Russian economy. *Bulletin of the Samara State University of Economics*. 2009;57(7):112–115. (In Russ.).

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Николай Николаевич Карабутов** — доктор технических наук, профессор кафедр проблем управления РТУ МИРЭА, лауреат Государственной премии Российской Федерации, Москва, Россия  
kn22@yandex.ru

## ABOUT THE AUTHOR

**Nikolay N. Karabutov** — Dr. Sci. (Tech.), Prof., Department of Management Issues, MIREA — Russian Technological University, laureate of State Prize of the RF, Moscow, Russia  
kn22@yandex.ru

*Статья поступила 20.10.2019; принята к публикации 25.12.2019.*

*Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

*The article was received 20.10.2019; accepted for publication 25.12.2019.*

*The author read and approved the final version of the manuscript.*



## ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ



DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-49-59  
УДК 330.16(045)  
JEL D10, G40

## Особенности финансового поведения российских домохозяйств

Е. В. Богомолов

Финансовый университет, Москва, Россия  
<https://orcid.org/0000-0002-9669-1410>

### АННОТАЦИЯ

*Предмет исследования* – финансовое поведение российских домохозяйств в части сбережений, заимствований, формирования структуры активов и страхования.

*Цель работы* – установление особенностей финансового поведения российских домохозяйств как реакции на проведение государством денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики. На основании анализа работ отечественных и зарубежных экономистов, данных официальной статистики и социологических опросов доказывается, что в условиях мировой экономической нестабильности теория постоянного дохода не позволяет точно предвидеть потребление и сбережение домохозяйств в долгосрочной перспективе.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды зарубежных и отечественных экономистов и социологов, а эмпирическую базу – данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), Банка России, Фонда общественного мнения.

Величина сбережений в структуре денежных доходов домохозяйств не постоянна и имеет тенденцию к сокращению. В России кредитование направлено преимущественно на покрытие текущих расходов низкодоходных домохозяйств, что, несмотря на относительно невысокий уровень их долга, становится причиной роста долговой нагрузки, снижения будущего потребления и отсутствия устойчивого экономического роста. Основным активом российских домохозяйств остаются банковские депозиты, однако они пользуются гораздо меньшим спросом по сравнению с домохозяйствами других стран с развивающимися потребительскими рынками. Хотя в последние годы прослеживается положительная динамика на рынке добровольных видов страхования, они пока слабо используются российскими домохозяйствами в качестве особого вида сбережений.

*Сделаны выводы* о необходимости стимулирования сбережений и коррекции кредитного поведения российских домохозяйств посредством политики перераспределения доходов и снижения налогового бремени на низкодоходные слои населения, повышения эффективности работы банков по кредитованию населения.

**Ключевые слова:** домохозяйство; теория постоянного дохода; сбережения; сберегательная стратегия; кредитование; долговая нагрузка; активы домохозяйств; страхование; инвестиционное страхование жизни

**Для цитирования:** Богомолов Е. В. Особенности финансового поведения российских домохозяйств. *Экономика. На-логи. Право.* 2020;13(1):49-59. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-49-59

## ORIGINAL PAPER

## Russian Household Financial Behavior Characteristics

E. V. Bogomolov

Financial University, Moscow, Russia  
<https://orcid.org/0000-0002-9669-1410>

### ABSTRACT

*The subject of the research* is Russian households' behavior concerning savings, borrowing asset structure forming and insurance.

*The purpose of the work* is to identify Russian households' behavior characteristics as a response to the state monetary and budget and tax policy. Based on analysis of home and foreign economists' works, as well as on the official statistics and sociological research data it is demonstrated that in the framework of the world economic instability the Permanent

Income Hypothesis does not allow to foresee exactly the consumption and savings of households in the long-term outlook.

Theoretical and methodological background of the research is formed from works of foreign and home economists, sociologists, while the empirical part comprises data from Federal State Statistics Service, the Bank of Russia, Public Opinion Foundation.

The amount of savings in the structure of cash income of a household is inconstant and tends to decrease. In Russia, crediting is aimed predominantly at covering current expenditures of low-income households, which despite relatively low level of debt results in debt burden growth, future consumption decrease and lack of stable economic growth. Bank deposits remain the main asset of Russian households; however, they are much less demanded in comparison with other countries' households within emerging consumer markets. Although there have been a positive dynamics in the market of optional insurance classes recently, it is not widely used as a means of saving by Russian households so far.

*It is concluded that* it is necessary to encourage savings and to amend crediting behavior of Russian households through the policy of redistribution of income and tax burden reduction for low-income segments of the people and to increase bank work efficiency in crediting people.

**Keywords:** household; Permanent Income Hypothesis; savings; savings strategy; crediting; debt burden; household assets; insurance; investment life insurance

**For citation:** Bogomolov E.V. Russian household financial behavior characteristics. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2020;13(1):49-59. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-49-59

## ВВЕДЕНИЕ

Финансовое поведение как совокупность реакции индивидов или групп населения на предоставление на рынке финансовых продуктов и услуг, предполагающее мобилизацию, перераспределение и инвестирование имеющихся в их распоряжении денежных ресурсов, активно изучается экономистами, стремящимися определить межвременные особенности распределения финансовых ресурсов, влияние национальных, психологических, социальных и прочих факторов на финансовое поведение групп населения, а также использование этих особенностей правительством с целью обеспечения устойчивого экономического роста.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется резким увеличением использования информационных технологий, в том числе в финансовой сфере. Однако расширение информационных возможностей сопровождается не уменьшением, а нарастанием экономической неопределенности, что не может не влиять на финансовое поведение домохозяйства (*household*), под которым понимается субъект экономики, состоящий из одного ведущего самостоятельное хозяйство индивида или группы людей, живущих совместно и ведущих общее хозяйство.

Структурно финансовое поведение домохозяйства можно подразделить на:

1) потребление и сбережение денежных средств;

2) заимствования (отрицательные сбережения) денежных средств;

3) формирование структуры активов;

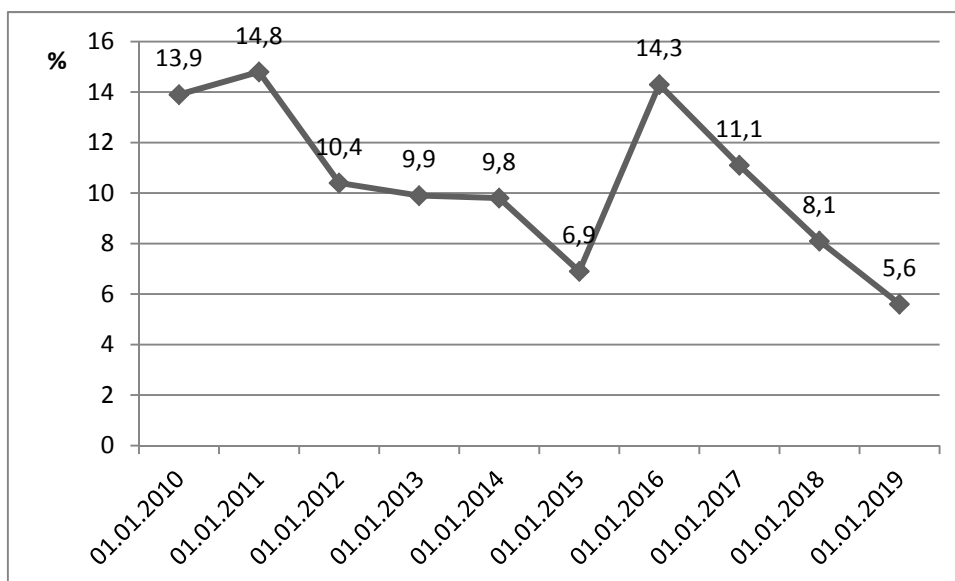
4) страхование.

В Российской Федерации ужесточение денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики на фоне замедления мировой экономики и санкционного давления не могло не сказаться на финансовом поведении домохозяйств. Задачи по достижению хотя бы небольшого, но устойчивого экономического роста невозможно решать только посредством реализации крупных национальных проектов. Необходимы изменения величины и структуры сбережений домохозяйств как основы инвестиций, что требует принятия государством соответствующих мер.

## ПОТРЕБЛЕНИЕ И СБЕРЕЖЕНИЕ

Краткосрочный кейнсианский подход предусматривает зависимость потребления от текущего дохода индивида и его склонности к потреблению, тогда как неоклассический подход к потреблению и сбережению денежных средств исходит из зависимости потребления от постоянного долгосрочного дохода (дохода жизненного цикла индивида) и сглаживания его краткосрочных колебаний за счет сбережений (*Permanent Income Hypothesis – Life Cycle Hypothesis, PIH-LCH*).

Проведенные исследования как подтверждают, так и опровергают гипотезу постоянного дохода. Например, в работах [1, 2] установлена связь меж-



**Рис. 1 / Fig. 1. Сбережения в структуре денежных доходов населения Российской Федерации в 2009–2018 гг. / Savings in the structure of monetary incomes of the population of the Russian Federation in 2009–2018.**

Источник / Source: Росстат / Rosstat. URL: [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/population/urov/urov\\_14g.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_14g.xls).

ду потреблением и неожиданными изменениями дохода, что указывает на несостоятельность данной гипотезы. Но в работе [3] эта гипотеза в целом подтверждается и показывается реакция российских домохозяйств на резкое падение доходов в конце 2014 г. и сглаживание их потребления, хотя и в меньшей степени по сравнению с другими периодами и странами. Домохозяйства были способны сгладить около 50% шока падения доходов. При этом в данном исследовании утверждается, что особенностью российских домохозяйств является сглаживание потребления не за счет использования сбережений и кредитов, т.е. финансовых инструментов, как предполагает теория постоянного дохода, когда средняя склонность к потреблению зависит от отношения постоянного дохода к текущему доходу, а благодаря сокращению повседневных расходов, поиску дополнительного дохода, компенсации потребления собственным производством внутри домохозяйства.

Согласно данным Росстата наблюдается тренд на сокращение сбережений российских домохозяйств за последние десять лет (рис. 1). Восстановление более высокого уровня сбережений в 2015 г. было временным.

За период рыночных преобразований наименьшая доля сбережений у домохозяйств отмечалась в 1997 г. — 2,4%, что было обусловлено не увели-

чением потребления, а накоплением иностранной валюты: 21% денежных доходов. Наибольшего значения в 14,8% сбережения достигали в 2010 г.<sup>1</sup>

Доля сбережений домохозяйств в развитых экономиках Европейского союза больше. Так, в Германии доля сбережений в валовом располагаемом доходе домохозяйств в 2009–2018 гг. находилась в диапазоне 16,25–17,3%, во Франции — 13,57–15,78%<sup>2</sup>, в сравнении с Евросоюзом в целом — 9,62–12,8%. Показатели сбережений российских домохозяйств за десятилетие в среднем схожи, но имеют большую амплитуду колебаний.

По сберегательным стратегиям домохозяйства можно подразделить на домохозяйства с *активной сберегательной стратегией* (обязательное сбережение части дохода), *пассивной сберегательной стратегией* (сбережение при возможности) и *стратегией текущего потребления* (все доходы идут на текущее потребление). Доля российских домохозяйств, которые придерживаются сберегательной стратегии, колеблется в зависимости от ситуации в экономике: 6–8% — в кризисные годы, 11–14% — в годы

<sup>1</sup> Структура использования денежных доходов (динамика). Росстат. 2019. URL: [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/population/urov/urov\\_14g.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_14g.xls) (дата обращения: 10.05.2019).

<sup>2</sup> Household saving rate. Eurostat. 2019. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&pcode=tec00131&language=en> (дата обращения: 10.05.2019).

стабильности<sup>3</sup>. Пассивное сбережение характерно в среднем для 29% населения. Большинство домохозяйств тратит весь доход на потребление (65–75% в годы экономического кризиса, 49–53% в периоды восстановления экономики). Иными словами, более половины россиян «выпадают» из сберегательно-инвестиционного процесса.

### ЗАИМСТВОВАНИЯ

В научной литературе существуют противоположные подходы к оценке последствий долгов домохозяйств. С одной стороны, кредитование способствует росту совокупного спроса и стимулирует экономический рост в краткосрочном периоде. Кроме того, согласно теории постоянного дохода заимствования помогают сглаживать колебания дохода, а если заимствованные средства идут на вложения в ценные бумаги, улучшение жилищных условий и образование, наблюдается долгосрочный положительный эффект долга на экономический рост [4].

С другой стороны, в долгосрочном периоде долг ведет к сокращению потребления и производства, росту безработицы и еще большему снижению потребления, а также к большой вероятности кризиса банковской системы [5, 6].

Негативные последствия долга особо проявляются на фоне постоянной нестабильности, поскольку она обуславливает еще большее сокращение потребления домохозяйством при наличии долга, чем без него [7]. Иными словами, в этих условиях опровергается теория постоянного дохода.

Очевидно, что баланс положительного и отрицательного влияния долгов домохозяйств на экономический рост обеспечивается при достижении некоторого порога долга, после прохождения которого повышаются риски финансовой нестабильности и неэффективного использования ресурсов [8].

На начало 2019 г. объем выданных кредитов физическим лицам в России составил 14,22% ВВП<sup>4</sup>, а десять лет назад — 9,12% от ВВП. Иными словами, за этот период обращение населения за кредитами

увеличилось более, чем в полтора раза (на 55,9%). Но это несравненно меньше, чем объем долга домохозяйств США (около 80% ВВП), среднего долга в развитых экономиках (71–76% ВВП) и в развивающихся рыночных экономиках (28–39% ВВП) [9]. При этом на ипотечное кредитование в России приходится 43,26% от общего объема долга домохозяйств, тогда как в США — 67,7%<sup>5</sup>.

Согласно данным опросов 2017 г. только 23% домохозяйств пользовались кредитом. Наименьший показатель пользования кредитом за десятилетие был в 2009 г. после кризиса 2008 г. — 19%, а наибольший в год кризиса 2008 г. — 33% [9]. Однако при этом совокупный уровень долговой нагрузки населения (отношение плановых платежей к располагаемым доходам всех домохозяйств) остается достаточно высоким — около 10% (рис. 2), что приблизительно равно среднему показателю развитых экономик — 9% [10], в которых уровень доходов населения гораздо выше. Исторический максимум долговой нагрузки за годы рыночного развития в России пришелся на 2014 г. — 10,4%.

Только 15% жителей России считают неприемлемым использование кредита, а 74% сторонников кредита пользуются им только в случае острой необходимости по причине необходимости уплаты за него высоких процентов<sup>6</sup>.

Замедление роста предоставления населению кредитов при сохранении высоких процентных ставок привело к тому, что в 2014 г., несмотря на положительные темпы прироста кредитной задолженности, вклад банковского кредитования в располагаемые ресурсы домохозяйств стал отрицательным [11].

В разрезе социально-демографических характеристик большая закредитованность наблюдается у домохозяйств с низким уровнем дохода (33% имеют просроченную задолженность по сравнению с 21% по всем доходным группам) и проживающих в небольших поселениях с населением до 10 тыс. чел. (25% заемщиков имеют просроченную задолженность) [9]. В России преобладает потребительское кредитование на короткий срок и под высокие ставки процента. Из-за этого, несмотря на

<sup>3</sup> Ситуация со сбережениями. ФОМ. 2015. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/12236> (дата обращения: 20.05.2019).

<sup>4</sup> Сайт Банка России. Объем кредитов, депозитов и прочих размещенных средств, предоставленных организациям, физическим лицам и кредитным организациям. 2019. URL: [https://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank\\_system/4-3-1\\_19.htm&pid=pdko\\_sub&sid=dopk](https://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/4-3-1_19.htm&pid=pdko_sub&sid=dopk) (дата обращения: 15.05.2019).

<sup>5</sup> Household Debt and Credit. Federal Reserve Bank of New York. 2019. URL: [https://www.newyorkfed.org/medialibrary/interactives/householdcredit/data/pdf/hhdc\\_2018q4.pdf](https://www.newyorkfed.org/medialibrary/interactives/householdcredit/data/pdf/hhdc_2018q4.pdf) (дата обращения: 07.05.2019).

<sup>6</sup> Кредиты. ФОМ. 2018. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14110> (дата обращения: 14.05.2019).

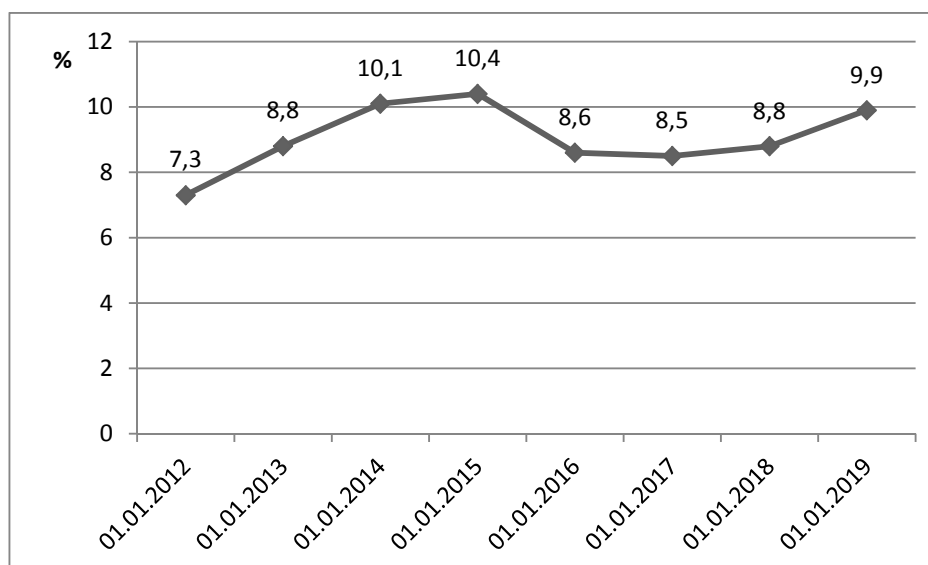


Рис. 2 / Fig. 2. Долговая нагрузка физических лиц в России в 2012–2019 гг. / Debt load of individuals in Russia in 2012–2019

Источник / Source: Центральный банк Российской Федерации / The Central Bank of the Russian Federation. URL: [http://www.cbr.ru/collection/collection/file/19790/ofs\\_19-01.pdf](http://www.cbr.ru/collection/collection/file/19790/ofs_19-01.pdf).

относительно низкое соотношение кредитов к ВВП и располагаемому доходу, чем в Европе и США, их обслуживание создает достаточно существенную нагрузку на семейный бюджет [9].

Процессы, протекающие в сфере кредитования населения при слабо контролируемой или отсутствующей проверке доходов домохозяйств и высоких процентных ставках, обуславливают рост бедности и неравенства в обществе, а публикуемые данные о бедности, игнорирующие выплаты процентов по кредитам для физических лиц, не соответствуют реальности, занижая уровень бедности [12].

Отдельного рассмотрения заслуживает заимствование денежных средств посредством кредитных карт. Особенность такого кредитования — более высокие проценты, но и одновременная возможность беспроцентного использования денежных средств в течение установленного банком периода времени. Однако такой краткосрочный финансовый инструмент пока не пользуется спросом у российских домохозяйств.

На начало 2019 г. в стране насчитывалось 35,083 млн кредитных карт<sup>7</sup>, или 0,23 карты на каж-

дого жителя. Для сравнения: в США — 469,64 млн кредитных карт, или 1,9 карты на каждого жителя<sup>8</sup>.

Даже среди более информированных россиян в возрасте 18–54 лет, проживающих в городах-миллионниках, лишь 38% интернет-пользователей оформляют кредитные карты. Основная причина их оформления — необходимость наличия денежного резерва на случай непредвиденных ситуаций, как отметили 80% респондентов, имеющих кредитные карты<sup>9</sup>. Иными словами, преимущественно кредитными картами пользуются для создания «финансовой подушки», а не как инструментом текущих транзакций. Для исправления данной ситуации необходимо принятие соответствующих мер. Так, 60% владельцев карт выступают за уменьшение процентных ставок, 46% респондентов — за увеличение беспроцентного периода, 41% опрошенных — за повышение кредитного лимита, 38% респондентов — за создание лучших условий кэшбэка и понижение стоимости годового обслуживания. Иными словами, большая часть имеющих кредитных карт склонна к использованию кредитной карты именно как формы кредита при условии снижения процентных ставок.

<sup>7</sup> Количество платежных карт, эмитированных кредитными организациями, по типам карт. Банк России. 2019. URL: [http://www.cbr.ru/statistics/p\\_sys/print.aspx?file=sheet013.htm](http://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet013.htm) (дата обращения: 15.05.2019).

<sup>8</sup> Credit card statistics. 2019. URL: <https://www.finder.com/credit-card-statistics> (дата обращения: 15.05.2019).

<sup>9</sup> Россияне и кредитные карты. Исследование Google. 2018. URL: <https://rusvest.ru/news/business/issledovanie-google-rossiyane-i-kreditnye-karty> (дата обращения: 15.05.2019).

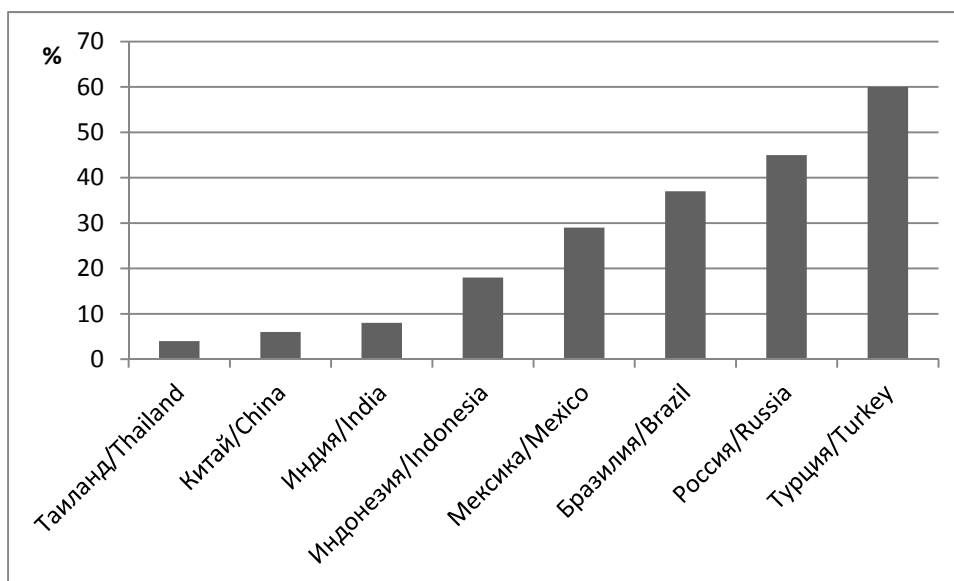


Рис. 3 / Fig. 3. Доля населения стран с развивающимися потребительскими рынками, не имеющего денежных сбережений в 2018 г. / The share of the population without money savings in the countries with emerging consumer markets in 2018

Источник / Source: Emerging Consumer Survey 2019. Credit Suisse Research Institute URL: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/csri-emerging-consumer-survey-2019.pdf> (дата обращения: 20.05.2019).

Необходимо обратить внимание еще на одно последствие заимствований российских домохозяйств — наличие задолженности за жилищно-коммунальные услуги (далее — ЖКУ). Так, почти 40% всех претензий, поступивших в суды общей юрисдикции в 2018 г., составили иски о взыскании платы за ЖКУ и электроэнергию<sup>10</sup>. Сумма взыскания — 134,5 млрд руб., и за 10 лет (с 2008 г.) она выросла в пять раз. При этом около 85% удовлетворенных судами исков составляли требования к погашению суммы долга до 50 тыс. руб., 5,4% — от 50 до 100 тыс. руб., 2,3% — на суммы от 100 до 300 тыс. руб., остальные — на суммы от 300 тыс. руб. и выше. Такие размеры долга по ЖКУ сопоставимы с размерами потребительских кредитов.

### СТРУКТУРА АКТИВОВ

Около половины россиян не имеют сбережений, а те, кто ими обладает, распределяют их преимущественно между депозитами в банках и наличными, небольшую часть вкладывают в недвижимость, фонды взаимных инвестиций, ценные

<sup>10</sup> Почти 7 млн россиян обязали через суд заплатить за жилье более 130 млрд рублей. ТАСС. 2019.03.05. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6398958> (дата обращения: 15.05.2019).

бумаги и накопительное страхование жизни<sup>11</sup>. Примечательно, что в менее богатых странах с развивающимися потребительскими рынками (Индия, Бразилия, Китай, Таиланд), характеризующихся более высокими темпами экономического роста, имеется большая доля граждан, предпочитающих сбережения (рис. 3), а из них — банковские депозиты (рис. 4).

В среднем в период 2009–2019 гг. депозиты в банках имели лишь 30% россиян, из них 23–26% — в Сбербанке<sup>12</sup>.

Более 30% российских граждан используют наиболее ликвидную форму сбережений — наличные деньги. При этом 90% граждан предпочитают хранить денежные средства в национальной валюте<sup>13</sup>.

На 3-м месте по предпочтительности активов находится недвижимость. Российским домохозяйствам принадлежит 82,7% (2014 г.) жилой не-

<sup>11</sup> Emerging Consumer Survey 2019. Credit Suisse Research Institute URL: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/csri-emerging-consumer-survey-2019.pdf> (дата обращения: 15.05.2019).

<sup>12</sup> Доверие банкам среди населения и вкладчиков. ФОМ. 2017. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/13732> (дата обращения: 15.05.2019).

<sup>13</sup> Ситуация со сбережениями. ФОМ. 2015. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/12236> (дата обращения: 20.05.2019).

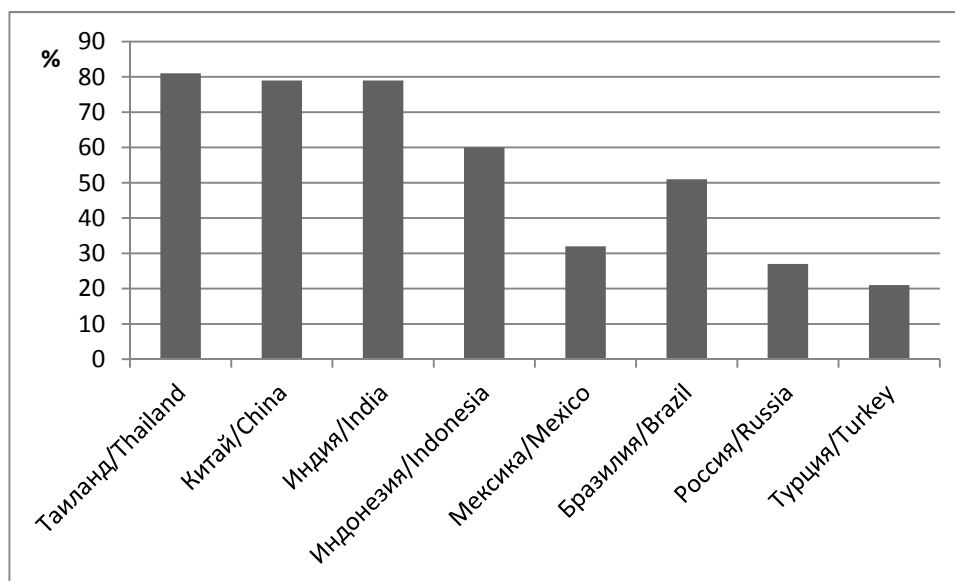


Рис. 4 / Fig. 4. Доля населения стран с развивающимися потребительскими рынками, имеющего сбережения в форме банковских депозитов в 2018 г. / The share of the population with savings in the form of bank deposits in the countries with emerging consumer markets in 2018

Источник / Source: Emerging Consumer Survey 2019. Credit Suisse Research Institute. URL: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/csri-emerging-consumer-survey-2019.pdf> (дата обращения: 20.05.2019).

движимости<sup>14</sup>. Характерно, что высокий процент владения таким активом (свыше 80% домохозяйств, владеющих жильем) свойственен всем постсоциалистическим странам, где была проведена приватизация жилья, тогда как в развитых экономиках наблюдается гораздо меньшая величина этого менее ликвидного актива, к тому же в большей степени приобретенного за счет заимствованных средств. Так, в США 62,9% домохозяйств владеют жильем, причем 40% — жильем, приобретенным с помощью ипотеки, а в Германии — 45 и 19% соответственно<sup>15</sup>.

Жилая недвижимость как источник дохода практически не учитывается официальной российской статистикой в структуре доходов: доход от продажи недвижимости равен нулевому значению, а доход от сдачи в аренду вообще отсутствует, так как, по сути, — это сфера теневой экономической деятельности и процесс ее легитимации только начался. По данным мониторинга *RLMS-HSE* доход от сдачи личной собственности в аренду составляет 0,3% в структуре доходов домохозяйств, при этом в разрезе доходных групп этот доход колеблется от 0,1% у низкодоходной группы, до 1,1% — у самой

высокодоходной группы. Такой доход получают не более 2% всех российских домохозяйств<sup>16</sup>. Однако с точки зрения альтернативного дохода при учете упущенной выгоды при использовании жилой недвижимости самими владельцем данный актив имеет существенное значение.

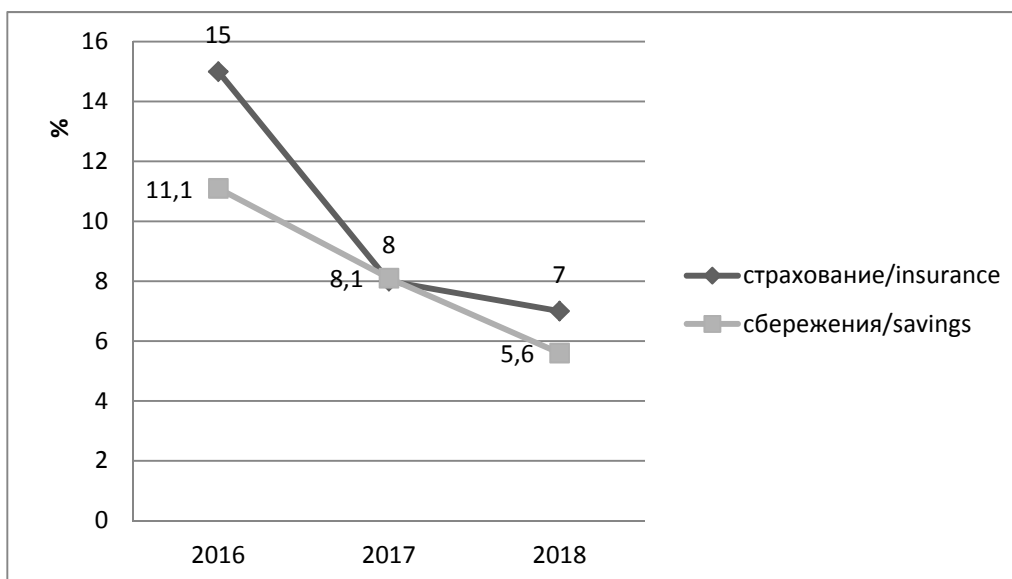
Совсем незначительную роль в структуре активов российских домохозяйств играют ценные бумаги и другие финансовые инструменты. За прошедшее десятилетие доля домохозяйств, получающих доход от ценных бумаг, не превышала 2,4%<sup>17</sup>. Однако малая доля активов в форме ценных бумаг характерна не только для России и упомянутых выше стран с развивающимися рынками. Так, в США только половина домохозяйств являются участниками фондового рынка, а в Австрии, Италии, Испании и Греции уровень участия — ниже 10%. Исследователями выявлен ряд причин этого явления: риски обесценивания и обмана, величина постоянных издержек за брокерское обслуживание, отсутствие необходимых знаний [13].

<sup>16</sup> Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 8: сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. — Москва: НИУ «Высшая школа экономики». 2018. URL: [http://www.hse.ru/rlms/vestnik/Vestnik\\_RLMS-HSE\\_2018.pdf](http://www.hse.ru/rlms/vestnik/Vestnik_RLMS-HSE_2018.pdf) (дата обращения: 01.06.2019).

<sup>17</sup> Там же.

<sup>14</sup> Жилищное хозяйство в России. Росстат. 2016.

<sup>15</sup> Housing tenure distribution. URL: <https://www.oecd.org/social/affordable-housing-database.htm> (дата обращения: 15.05.2019).



**Рис. 5 / Fig. 5. Сопоставление доли сбережений в структуре денежных доходов населения и темпов роста страховых премий, 2016–2018 гг. / Comparison of the share of savings in the structure of money incomes of the population and the growth rate of insurance premiums, 2016–2018.**

Источник / Source: Обзор рынка страхования в России. KPMG. 2018 / Overview of the insurance market in Russia. KPMG. 2018. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2018/07/ru-ru-insurance-survey-2018.pdf> (дата обращения: 05.06.2019).

## СТРАХОВАНИЕ

Страхование представляет собой особый вид сбережений, призванный сглаживать потребление при наступлении страховых случаев.

Страхование жизни и риска утраты трудоспособности является наиболее существенным видом страхования, так как для большинства домохозяйств именно человеческий капитал и доход на него в виде заработной платы служат основными источниками обеспечения потребления.

Вторым по значимости является страхование имущества. Как показывает ряд зарубежных исследований [13, 14], люди недооценивают риски будущих потерь имущества (особенно связанные с природными катаклизмами) и переоценивают текущие платежи за страховой полис, поэтому не используют данный вид страхования.

В России существует широкий спектр обязательных видов страхования: социальное, пенсионное, медицинское, гражданской ответственности собственников транспортных средств и др. Платежи по ним обязательны и не могут рассматриваться как вид сбережений, решение по которым принимает домохозяйство.

Опросы общественного мнения показывают, что большинство граждан России положительно

относятся к страхованию как к услуге, но при этом добровольно страхуются лишь 12,4–17% граждан [15]. Причинами низкой страховой активности российских домохозяйств являются недостаточный доход, недооценка рисков и неуверенность в надежности страховых компаний.

Объемы прироста страхования в целом следуют динамике доли сбережений в структуре денежных доходов населения (рис. 5). Таким образом, страхование как вид сбережений частично компенсирует снижение сбережений в форме депозитов, ценных бумаг и недвижимости.

Страхование жизни является на данный момент драйвером российского страхового рынка. Динамика его роста опережает другие виды добровольного страхования в 2016–2018 гг. (см. таблицу). В 2018 г. наблюдался положительный прирост по всем видам добровольного страхования, но темп роста по страхованию жизни его опережал.

Следует отметить, что большую часть страхования жизни составляет инвестиционное страхование жизни — около 70%<sup>18</sup>. Банки совместно со страхо-

<sup>18</sup> Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков по итогам 2018 года. Центральный банк России. URL: [https://www.cbr.ru/Content/Document/File/71180/review\\_insure\\_18Q4.pdf](https://www.cbr.ru/Content/Document/File/71180/review_insure_18Q4.pdf) (дата обращения: 18.05.2019).



Таблица / Table

**Темпы роста по добровольным видам страхования, 2016–2018 гг., % / Growth rates of voluntary insurance types, 2016–2018, %**

Год / Year	КАСКО / CASCO	Имущество / Property	ДМС / VMIL	Жизнь / Life
2016	-8,6	9,1	7	66,2
2017	-5,3	-6,4	1,5	53,7
2018	3,1	4,7	2,9	30,1

Источник / Source: Обзор рынка страхования в России. KPMG. 2018 / Overview of the insurance market in Russia. KPMG. 2018. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2018/07/ru-ru-insurance-survey-2018.pdf> (дата обращения: 05.06.2019).

Примечание / Note: КАСКО – страхование средств транспорта (автомобилей, судов, самолетов, вагонов) от ущерба, хищения или угона / CASCO – insurance of means of transport (cars, ships, planes, cars) against damage, theft or theft.

ДМС – добровольное медицинское страхование / VMI – Voluntary medical insurance.

выми компаниями предлагают этот финансовый продукт как альтернативу депозитам с возможностью получения более высокого дохода. Однако приблизительно 13% страхований жизни являются, по своей сути, недобровольными, так как приходится на страхование жизни заемщика при ипотечном кредите и осуществляются по требованию банка, хотя и называются формально добровольными.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предыдущее десятилетие характеризуется волатильностью потребления и сбережений российских домохозяйств, причинами которой являются нестабильность внешних и внутренних рынков и ужесточение мер денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики. Поэтому теория постоянного дохода не способна предугадать поведение российских домохозяйств в отношении потребления/сбережения в долгосрочном периоде. Доля сбережений в структуре денежных доходов российских домохозяйств характеризуется значительными колебаниями и имеет тенденцию к сокращению. Более половины российских граждан исключены из сберегательно-инвестиционного процесса. Тенденция на сокращение сбережений не позволяет прогнозировать долгосрочный устойчивый экономический рост в стране.

В России пока не сложилась модель расширенного потребления домохозяйств за счет кредитных средств, которая свойственна развитым экономикам. Компенсация текущего потребления за счет заимствований характерна преимущественно для низкодходных граждан. Большая часть домохо-

зяйств не использует кредитные возможности. Снижение процентных ставок, которое возможно за счет уменьшения рисков при более качественном отборе заемщиков банками, способно побудить большее число домохозяйств использовать заимствования для приобретения товаров длительного пользования, получения образования, улучшения жилищных условий. Для этого требуется проведение Банком России соответствующей политики по надзору за кредитной деятельностью коммерческих банков.

Основным активом российских домохозяйств остаются банковские депозиты, однако они используются гораздо в меньшей степени по сравнению с другими странами с развивающимися потребительскими рынками. Население по-прежнему предпочитает хранить сбережения в наличной форме, что сокращает возможности кредитной системы, инвестирования и является сдерживающим фактором экономического развития. Повышение уровня доверия населения к банковской системе также остается важной задачей российских монетарных властей.

Для изменения финансовой ситуации российских домохозяйств, стимулирования экономического роста требуется рост располагаемых доходов прежде всего низкодходных слоев населения. Этого невозможно добиться только лишь повышением общего уровня доходов в экономике. Необходимо также перераспределение доходов посредством бюджетно-налоговой политики: введение прогрессивного налога на доходы физических лиц, снижение налогового бремени низкодходных слоев (в частности, уменьшение НДС на товары широкого потребления).

### БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету по теме «Семейные домохозяйства как экономический субъект».

### ACKNOWLEDGEMENT

The paper was prepared following the research results within the framework of the government research task for Financial University; the topic of the research is “Family households as Economic Subject”.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Parker J., Souleles N. S., Johnson D., McClelland R. Consumer spending and the economic stimulus payments of 2008. *American Economic Review*. 2013;103(6):2530–2553.
2. Kueng L. Excess sensitivity of high-income consumers. *The Quarterly Journal of Economics*. 2018;133(4):1693–1751. DOI: 10.1093/qje/qjy014
3. Мамедли М. О., Синяков А. А. Финансы домохозяйств в России: шоки дохода и сглаживание потребления // Вопросы экономики. — 2018. — № 5. — С. 69–91. — ISSN 0042–8736.
4. Beck Th., Levine R. Stock markets, banks, and growth: panel evidence. NBER Working Paper. 2002;9082. URL: <https://www.nber.org/papers/w9082.pdf>.
5. Mian A., Sufi A., Verner E. Household debt and business cycles worldwide. *The Quarterly Journal of Economics*. 2017;132(4):1755–1817.
6. Ниворожкина Л. И., Торопова Т. В., Баташев Р. В. Доходы российских домохозяйств: почему расходуют больше, чем получают? // Учет и статистика. — 2015. — Т. 40. — № 4. — С. 75–84. — ISSN 1994–0874.
7. Eggertsson G. B., Krugman P. Debt, Deleveraging, and the liquidity trap: a fisher-minsky-koos approach. *The Quarterly Journal of Economics*. 2012;127(3):1469–1513. DOI:10.1093/qje/qjs023
8. Arcand J., Berkes E., Panizza U. Too much finance? *Journal of Economic Growth*. 2015;20(2):105–148.
9. Кузина О. Е., Крупенский Н. А. Перекредитованность россиян: миф или реальность? // Вопросы экономики. — 2018. — № 11. — С. 85–104. — ISSN 0042–8736.
10. Куликов Д. М. Анализ влияния закредитованности населения на потенциальный рост потребительского кредитования в России в 2016–2017 годах // Деньги и кредит. — 2016. — № 10. — С. 65–68. — ISSN 0130–3090.
11. Хромов М. Кредитование физических лиц: вычет из спроса // Экономическое развитие России. — 2015. — Т. 22. — № 11. — С. 62–65. — ISSN 2306–5001.
12. Ниворожкина Л. И. Воздействие потребительского кредитования на уровень неравенства и бедности домохозяйств // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2014. — № 4. — С. 76–83. — ISSN 0321–3056.
13. Beshears J., Choi J. J., Laibson D., Madrian B. C. Behavioral household finance. NBER Working Paper. 2018;24854.
14. Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty. Heuristics and biases. *Science*. 1974;185(4157):1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124
15. Сплетунов Ю. А. Отношение граждан России к страховым услугам: аналитический обзор // Финансовый журнал. — 2019. — № 1. — С. 66–75. — ISSN 2075–1990. DOI: 10.31107/2075–1990–2019–1–66–75

### REFERENCES

1. Parker J., Souleles N. S., Johnson D., McClelland R. Consumer spending and the economic stimulus payments of 2008. *American Economic Review*. 2013;103(6):2530–2553.
2. Kueng L. Excess sensitivity of high-income consumers. *The quarterly journal of economics*. 2018;133(4):1693–1751. DOI: 10.1093/qje/qjy014
3. Mamedli M. O., Sinyakov A. A. Consumer finance in Russia: income shocks and consumption smoothing. *Voprosy ekonomiki*. 2018;(5):69–91. (In Russ.).
4. Beck Th., Levine R. Stock markets, banks, and growth: panel evidence. NBER Working Paper. 2002;9082. URL: <https://www.nber.org/papers/w9082.pdf>.

5. Mian A., Sufi A., Verner E. Household debt and business cycles worldwide. *The Quarterly Journal of Economics*. 2017;132(4):1755–1817.
6. Nivorozhkina L.I., Toropova T.V., Batashev R.V. Russian households income: why they spend more than they get? *Uchet i statistika = Accounting and Statistics*. 2015;40(4):75–84. (In Russ.).
7. Eggertsson G.B., Krugman P. Debt, deleveraging, and the liquidity trap: a fisher-minsky-koo approach. *The Quarterly Journal of Economics*. 2012;127(3):1469–1513. DOI: 10.1093/qje/qjs023
8. Arcand J., Berkes E., Panizza U. Too much finance? *Journal of Economic Growth*. 2015;20(2):105–148.
9. Kuzina O.E., Krupenskij N.A. Over-indebtedness of russians: myth or reality? *Voprosy ekonomiki*. 2018;11:85–104. (In Russ.).
10. Kulikov D.M. Analysis of influence of household debt on potential consumer lending growth in Russia in 2016–2017. *Den'gi i kredit = Money and Finance*. 2016;(10):65–68. (In Russ.).
11. Hromov M. Retail Lending: Deduction from demand. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Developments*. 2015;22(11):62–65. (In Russ.).
12. Nivorozhkina L.I. Impact of consumer credit on the level of household inequality and poverty. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki = University news. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*. 2014;(4):76–83. (In Russ.).
13. Beshears J., Choi J.J., Laibson D., Madrian B.C. Behavioral household finance. NBER Working Paper. 2018;24854.
14. Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: heuristics and biases. *Science*. 1974;185(4157):1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124
15. Spletuhov YU. A. Attitude of russian citizens to insurance services: analytical review. *Finansovyj zhurnal = Financial Journal*. 2019;1:66–75. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075–1990–2019–1–66–75

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Евгений Викторович Богомолов** — кандидат экономических наук, доцент Департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия  
evbogomolov@fa.ru

### ABOUT THE AUTHOR

**Evgeniy V. Bogomolov** — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of Department of Economic Theory, Financial University, Moscow, Russia  
evbogomolov@fa.ru

*Статья поступила 25.10.2019; принята к публикации 28.12.2019.*

*Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

*The article was received 25.10.2019; accepted for publication 28.12.2019.*

*The author read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ



DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-60-71  
УДК 336.64(045)  
JEL G30, G38, H80, H81

## Меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в приоритетных отраслях российской экономики в 2020 году

С.В. Щурина

Финансовый университет, Москва, Россия  
<https://orcid.org/0000-0001-6864-4281>

### АННОТАЦИЯ

*Предмет исследования* – обеспечение финансовой и нефинансовой поддержки малого и среднего бизнеса в приоритетных отраслях экономики. *Актуальность* этой задачи обусловлена необходимостью ускоренного развития малого и среднего предпринимательства с целью его структурной перестройки по инновационному типу и достижения качественного роста экономики. Для этого должен быть увеличен вклад отечественных предприятий в ВВП страны в два раза к 2030 г. Требуется также определить на государственном уровне приоритетные отрасли экономики, в которых необходимо осуществлять в первую очередь меры финансовой и нефинансовой поддержки. *Цель работы* – разработка рекомендаций по совершенствованию оказываемой малым и средним предприятиям государственной поддержки в приоритетных отраслях экономики. В статье *делаются выводы* о необходимости совершенствования правового регулирования деятельности малого и среднего предпринимательства, поддержки инновационной деятельности посредством формирования налоговой среды, способствующей развитию малого и среднего предпринимательства, упрощения требований к порядку ведения бухгалтерского и налогового учета, внедрения дифференцированного налогообложения. Нуждается в трансформации существующая система критериев отнесения хозяйствующих субъектов к малому и среднему предпринимательству.

**Ключевые слова:** малое предпринимательство; среднее предпринимательство; малое и среднее предпринимательство; приоритетные отрасли экономики; финансирование; финансовая поддержка

**Для цитирования:** Щурина С.В. Меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в приоритетных отраслях российской экономики в 2020 году. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(1):60-71. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-60-71

ORIGINAL PAPER

## Supporting Measures for Subjects of Small and Medium Entrepreneurship in Priority Sectors of Russian Economy in 2020

S.V. Shurina

Financial University, Moscow, Russia  
<https://orcid.org/0000-0001-6864-4281>

### ABSTRACT

*The subject of the research* is to ensure financial and non-financial support for small and medium businesses in priority sectors of economy. *The importance* of this task is determined by the necessity of rapid development of small and medium entrepreneurship in order to structurally redesign it innovatively and to achieve qualitative

© Щурина С.В., 2020

economic growth. It is necessary to overcome domestic enterprises lagging and to ensure their twofold GDP contribution growth by 2030. For this purpose at the state level priority sectors of economy are determined in which it is suggested to put into practice measures of financial and non-financial support. *The purpose of the work* is to elaborate recommendations for perfection of support for small and medium businesses in priority sectors of economy. *It is concluded* that it is necessary to perfect the regulatory environment, to introduce the notification system for entrepreneurial and professional activity, to develop infrastructure for small and medium businesses including creating special implementation and innovative zones, to support innovations and innovative activity through forming tax environment favorable for small and medium businesses development, to simplify bookkeeping and tax accounting requirements, to implement graded taxation. The existing system of criteria for attribution to small and medium business needs transformation as well.

**Keywords:** small entrepreneurship; medium entrepreneurship; small and medium business; priority sectors of economy; financing; financial support

**For citation:** Shurina S.V. Supporting measures for subjects of small and medium entrepreneurship in priority sectors of Russian economy in 2020. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(1):60-71. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-60-71

## ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в России проводится политика поддержки малого и среднего предпринимательства (далее — МСП) для обеспечения качественного роста экономики, изменения ее структурной диверсификации по инновационному типу, что предполагает создание благоприятных условий для ведения бизнеса. Распоряжением Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р была принята Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г. с целью обеспечения роста его вклада в ВВП страны в два раза (с 20 до 40%) и преодоления отставания от предприятий развитых стран.

До настоящего времени не сложилось общепринятого определения МСП в мировой практике, хотя и началась унификация этого понятия [1, 2], и не достигнуто единства мнений ученых и практиков в части установления критериев дифференциации малых и средних предприятий [4–7], зависящих чаще всего от политики поддержки МСП, проводимой на государственном уровне и изменяющей бизнес-среду. Иными словами, применяется комбинированный подход к МСП, учитывающий не только количественные признаки (такие как численность персонала), но и качественные характеристики финансово-экономической деятельности бизнеса.

В частности, в США, как и во многих других странах, для получения финансовой поддержки от государства в виде федеральных контрактов предприятие должно относиться к малому бизнесу. При этом понятие «средний бизнес» в США не

установлено<sup>1</sup>. В Китае, так же как в США, определение малых предприятий зависит от отрасли экономики, а критериями отнесения к малому бизнесу выступают численность работников и выручка. В Японии нет малого предприятия как такового, отличающегося от других организаций малого бизнеса, а функционируют только микропредприятия, а также малые и средние предприятия как единое целое без разделения<sup>2</sup>. В ЕС принят единый критерий отнесения предприятий к малому бизнесу на основе численности персонала и оборота или общего баланса<sup>3</sup>, что дает им право на получение государственной поддержки [8].

Постановлением Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 установлены предельные значения дохода, получаемого от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории МСП. Вместо критерия «выручка от реализации» для определения статуса хозяйствующего субъекта стало использоваться более широкое понятие — «доход от предпринимательской деятельности», т.е. стали приниматься во внимание все доходы по данным

<sup>1</sup> *Caŭm SBA*. Small Business Compliance Guide. Size and Affiliation. SBA, March 2014. URL: [https://www.sba.gov/sites/default/files/articles/affiliation\\_ver\\_03.pdf](https://www.sba.gov/sites/default/files/articles/affiliation_ver_03.pdf).

<sup>2</sup> *Caŭm METI Ministry of Economy Trade and Industry Research Office*, Small and Medium Enterprise Agency. 2016 White Paper on Small and Medium Enterprises in Japan (outline). Research Office; Small and Medium Enterprise Agency, 2016. URL: [https://www.meti.go.jp/english/press/2016/0422\\_04.html](https://www.meti.go.jp/english/press/2016/0422_04.html).

<sup>3</sup> *Caŭm Official Journal of the European Union*. Commission Recommendation of 6 May 2003 concerning the definition of micro, small and medium-sized enterprises. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003H0361&from=EN>.

Таблица 1 / Table 1

Критерии отнесения организаций к малому и среднему предпринимательству по основным группам /  
Criteria for classifying enterprises by major groups

Критерий / Criterion	Среднее предприятие / Medium company	Малое предприятие / Small company	Микропредприятие / Micro company
Доходы / Income	2 млрд руб.	800 млн руб.	120 млн руб.
Численность сотрудников / Number of employees	101–250 чел.	100 чел.	15 чел.
Доля участия других лиц в капитале / The share of other persons in the capital	1. Государственные, общественные и религиозные организации и фонды при условии, что их доля в сумме составляет не более 25%. 2. Обычные юридические лица (в том числе иностранные) с долей участия в сумме не более 49%. 3. Юридические лица, являющиеся субъектами МСП, их доля участия не ограничена		

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

налогового учета. Хозяйствующий субъект считается относящимся к МСП, если он соответствует установленному лимиту по размеру доходов, численности работников и доле участия в уставном капитале других юридических лиц.

Относиться к малому бизнесу могут организации и предприниматели независимо от избранного ими налогового режима при условии, что они соответствуют установленным нормам, в частности применяют или упрощенную систему налогообложения (далее — УСН), или систему налогообложения в виде единого налога на вмененный доход (далее — ЕНВД)<sup>4</sup>, или общую систему налогообложения.

К настоящему моменту в расчет максимально размера доходов организации за прошедший год включается не только вся выручка по кассе, но и входят все доходы согласно налоговой декларации.

Юридические лица ежегодно предоставляют в налоговые органы сведения о среднесписочной численности персонала, позволяющие определять количество работников в организации.

Доли в уставном капитале устанавливаются согласно Федеральному закону от 24.07.2007

<sup>4</sup> Предстоит постепенная отмена ЕНВД, которая для отдельных групп товаров начнется с 1 января 2020 г.

№ 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства» (табл. 1) и предусматривают ряд исключений. В частности, лимиты не распространяются:

- на участников проекта инновационного центра «Сколково»;
- компании, на практике использующие высокие технологии, которые разработаны их учредителями — бюджетными или научными учреждениями;
- организации, учредители которых входят в перечень юридических лиц, предоставляющих государственную поддержку инновационной деятельности, и т.д.

Налоговые декларации служат основой для оценки доходов за прошедший налоговый период.

Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства по состоянию на 10 ноября 2019 г. насчитывает 5 893 148 организаций малого и среднего бизнеса в России<sup>5</sup>.

## ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Минэкономразвитие России спрогнозировало долгосрочное социально-экономическое разви-

<sup>5</sup> Сайт Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru>.

Таблица 2 / Table 2

## Развитие МСП в России / The development of small and medium enterprises in Russia

Вид / Type of characteristics	Характеристика / Characteristic
Малый бизнес / Small business	Создает конкуренцию на рынке; стимулирует появление новых более эффективных и производительных рабочих мест
Малые и средние предприятия (МСП) / Small and medium enterprises	Выступают необходимыми звеньями хозяйственной системы страны; занятость в секторе без учета внешних совместителей – 16,8 млн человек, составляя 25% от экономически активного населения; в России каждый четвертый работник принадлежит к сектору МСП; в длительной перспективе необходима поддержка государством инновационного бизнеса и соответствующих инфраструктурных объектов – кластеров, бизнес-инкубаторов, технопарков в форме инвестиционных программ и проектов

Источник / Source: составлено автором на основе прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. / compiled by the author based on the Forecast of the Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period until 2030. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=144190&fld=134&dst=102823,0&rnd=0.2926198965871636#02424693194456946>.

тие Российской Федерации на период до 2030 г., систематизировав научно обоснованные представления о направлениях социально-экономического развития страны и определив приоритетные отрасли экономики: инновационный, нефтегазовый, сырьевой секторы, транспорт, оптовая и розничная торговля.

Посредством государственной поддержки предполагается обеспечить структурные сдвиги и модернизацию ключевых секторов экономики.

Однако следует отметить, что отраслевой критерий, используемый в прогнозе Минэкономразвития, установлен только для отдельных подотраслей легкой промышленности и расширяет порог численности занятых на малых предприятиях [9].

В вышеприведенном прогнозе отдельной строкой обозначены перспективы развития МСП (табл. 2).

Задача увеличения занятости в МСП имеет важное государственное значение. Например, в странах ЕС к малому и среднему бизнесу относятся 99%<sup>6</sup> всех предприятий и организаций, которые обеспечивают 85%<sup>7</sup> рабочих мест в экономике.

<sup>6</sup> Сайт European Commission. What is an SME? URL: [http://ec.europa.eu/growth/smes/business-friendly-environment/sme-definition\\_en](http://ec.europa.eu/growth/smes/business-friendly-environment/sme-definition_en) (дата обращения: 20.10.2019).

<sup>7</sup> Сайт European Commission. COSME. Europe's programme for small and medium sized enterprises. URL: [https://ec.europa.eu/growth/smes/cosme\\_en](https://ec.europa.eu/growth/smes/cosme_en) (дата обращения: 20.10.2019).

В течение 2020 г., объявленного годом предпринимательства, будет осуществляться «системная работа» по популяризации предпринимательской деятельности у широких слоев населения. Основой проведения такой политики на государственном уровне является принятый в 2019 г. национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», в том числе предусматривающий вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность, проведение разъяснительной работы с подрастающим поколением, повышение интереса к индивидуальным видам деятельности и малому бизнесу. Год предпринимательства должен стать основой для постоянной долгосрочной работы государственных и общественных организаций с широкими слоями российского общества по продвижению в общество предпринимательской инициативы и предпринимательского духа. Важно обеспечить пропаганду идей предпринимательства во всех регионах страны и у граждан разных возрастных групп. Планируется сформировать в России единую информационную среду для предпринимателей, что позволит создать предпосылки для продвижения отечественного бизнеса за рубежом. Будут также проводиться социологические опросы и исследования по выявлению интереса граждан к занятию

предпринимательской деятельностью. На основе полученных данных посредством проведения разъяснительной работы в средствах массовой информации будет создаваться положительный и привлекательный образ предпринимателя, стимулируя тем самым подрастающее поколение к осуществлению предпринимательской деятельности и привлекая в сферу предпринимательства самозанятых граждан для их выхода из «тени».

Широкие меры государственной поддержки должны привести к структурным сдвигам в экономике. Ставится задача «принуждения к инновациям» крупных компаний с государственным участием с целью стимулирования научных исследований в стране и формирования новых технологических платформ, т.е. объединений представителей государства, бизнеса, науки и образования вокруг общего видения и понимания научно-технического развития и общих подходов к разработке современных технологий. По отдельным направлениям в результате деятельности технологических платформ в 2020 г. предусматривается увеличение в два-три раза доли отечественных товаров на мировых рынках.

Важно применять на практике современные подходы к разработке инновационных технологий со стороны государства, бизнеса, научного сообщества. За счет этого планируется значительное увеличение доли отечественной продукции в экспортной составляющей в 2020 г.

Год предпринимательства предусматривает разработку плана мероприятий организационным комитетом, сформированным для его проведения. Важным аспектом этой работы станет выявление в процессе социологических исследований и глубинных интервью реальных проблем и запросов со стороны малого бизнеса, что позволит работать на государственном уровне пути решения выявленных проблем.

Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» рассчитан на период 2019–2024 гг., на осуществление которого государство планирует потратить порядка 481,5 млрд руб.,<sup>8</sup> ставит своей целью увеличение доли МСП в ВВП России с нынешних 22,3 до 32,5%, а также числа занятых в этом секторе экономи-

ки — на 5,8 млн человек до 25 млн человек в 2024 г. Но таких результатов невозможно достигнуть без пробуждения интереса граждан к предпринимательской деятельности. Именно поэтому запущена большая кампания в средствах массовой информации по популяризации в обществе идеи открытия собственного дела.

Основные меры поддержки МСП в отдельных отраслях экономики в 2020 г. со стороны государства представлены в *табл. 3*.

Институциональные преобразования в отечественной экономике должны обеспечить преодоление барьеров, мешающих развитию МСП (*табл. 4*).

При решении проблем финансовой поддержки МСП должен применяться комплексный подход [10–11], в том числе к реализации мер государственной поддержки в приоритетных отраслях экономики [12–14] (*табл. 5*).

Реализация комплекса мер государственной поддержки МСП должна обеспечить к 2030 г. достижение положительных результатов в развитии российской экономики [15] (*табл. 6*).

Меры поддержки МСП в приоритетных отраслях экономики отражены в *табл. 7*.

Стратегическое планирование малого бизнеса в России предполагает на период до 2030 г. увеличение оборота капитала в 2,5 раза, производительности труда — в 2 раза. Для этого предусмотрены федеральные программы (*табл. 8*).

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация политики поддержки МСП в целях обеспечения ускоренного темпа экономического роста на основе создания условий для благоприятного ведения бизнеса предполагает осуществление финансовых и нефинансовых мер поддержки в приоритетных отраслях российской экономики по следующим направлениям:

- 1) стимулирование государством расширения занятости в секторе МСП, поскольку этот фактор имеет важное общенациональное значение; в связи с этим 2020 г. объявлен «Годом предпринимательства» в России, проводимого в рамках национального проекта, цель которого — «системная работа» по пропаганде предпринимательской деятельности у различных групп населения, в том числе у молодежи;

- 2) принятие мер государственной поддержки для структурных сдвигов в российской экономике, поэтому в 2020 г. будет осуществлено стиму-

<sup>8</sup> Сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/msp/6406362> (дата обращения: 19.11.2019).



Таблица 3 / Table 3

**Основные меры поддержки МСП в 2020 г. /  
Key measures to support small and medium-sized enterprises in 2020**

Меры прямой и косвенной поддержки / Direct and indirect support measures	Характеристика / Characteristic
Прямая финансовая помощь / Direct financial assistance	Предоставление средств предпринимателям безвозмездно или льготных кредитов и займов на длительный срок по сниженной процентной ставке и с целевым назначением
Гранты / Grants	Финансирование научных разработок в объеме 30% от общей суммы средств. Объем финансирования зависит от бюджета региона (в Москве, Самаре или Перми предприниматель может получить 500 000 руб., в остальных областях размер гранта составит 300 000 руб. Средства гранта будут покрывать 30–50% общей сметы проекта
Льготное кредитование / Soft loans	Кредит в виде однократной выплаты в сумме от 50 млн до 1 млрд руб. Срок договора – любой, но программа льготного кредитования действует не более трех лет. Для участия в программе предпринимателю необходимо инвестировать в проект собственные средства в размере 20% для получения кредитов на сумму от 500 млн руб. или 20% для получения кредитов, которые будут погашаться из прибыли, полученной от реализации финансируемого проекта. Для остальных инвестиционных проектов срок договоров – без ограничений. Для малого бизнеса банковский процент будет равняться 11–11,8% годовых, для средних предприятий – от 10% годовых
Микрозаймы / Microloans	Заем предоставляется на срок от трех месяцев до трех лет, ставка – 10% годовых, предполагается возможность обеспечения залога по кредиту
Косвенная финансовая помощь / Indirect financial assistance	Специальные налоговые льготы для индивидуальных предпринимателей (далее – ИП), использующих УСН, – снижение налоговой ставки с 6 до 1%; для ИП, избравших патентную систему налогообложения (далее – ПСН), – уменьшение размера потенциального дохода с 1 млн руб. до 500 000 руб. в год; для ИП, перешедших на ЕНВД, – снижение налоговой ставки с 15 до 7,5%. Начинающим предпринимателям льготы предоставляются в 2020 г. без ограничений, так как срок действия этой формы косвенной финансовой помощи действует по 2020 г. включительно. Могут предоставляться налоговые каникулы, уменьшаться ставки налога для впервые зарегистрированных предприятий. Функционирующие ИП подобной льготой воспользоваться не могут. Для применения специальной ставки налогообложения хозяйствующим субъектам необходимо перейти на УСН, ЕНВД или ПСН не позже, чем через два года после их регистрации; льготой можно воспользоваться на срок не более двух лет; налоговые каникулы в 2020 г. могут получить предприниматели, занятые в социальной, производственной и научной сферах. Удельный вес дохода предприятия от установленных видов деятельности должен быть больше 70% общей суммы прибыли
Компенсация ставок по кредитам / Compensation of loan rates	За счет государства предоставляется частичная компенсация процентной ставки по банковскому кредиту. Помощь оказывается в 2020 г. в размере 1/3 от ставки рефинансирования (7,75%) для договоров, действующих менее двух лет; в размере 1/2 от ставки рефинансирования для кредитов, предоставляемых на срок от двух до трех лет; в размере 2/3 от ставки рефинансирования в отношении кредитов, предоставляемых на срок более трех лет

Окончание табл. 3 / Table 3 (continued)

Меры прямой и косвенной поддержки / Direct and indirect support measures	Характеристика / Characteristic
Поручительство по кредитам / Loan guarantee	Фонды содействия развитию предпринимательства в 2020 г. будут заниматься реализацией программы поддержки малых предприятий на государственном уровне. Эти фонды будут финансироваться из федерального и регионального бюджетов. Занятым в приоритетных отраслях предпринимателям предоставляется максимальная гарантия, по которой можно получить до 70% необходимого обеспечения. Остальные средства ищутся самостоятельно. В неприоритетных отраслях гарантии составляют не более 50%. Данная услуга является платной: фонд взимает 0,75–1,25% от суммы поручительства. Кредит предоставляется через банк, участвующий в этой государственной программе, поэтому клиенты должны полностью соответствовать его требованиям. Условия предоставления кредитов гарантийными фондами проще: до обращения к ним предприятие должно функционировать не менее полугодия; у него должны отсутствовать долги по налогам и платежам в ПФР; им необходимо предоставить залог в размере 30–50% от суммы кредита
Компенсация лизинговых платежей / Lease payment compensation	Субсидирование лизинговых платежей на частичной основе предполагает частичную компенсацию первого взноса в размере до 50%. Возмещаемая сумма не должна быть более 500 000 руб. Предполагаемая компенсация регулярных лизинговых платежей – в объеме до 2/3 от ставки рефинансирования. При этом совокупный объем субсидии не должен превышать 5 млн руб.
Помощь фермерам / Help to farmers	Планируется предоставление компенсации начинающим фермерам до 90% от общей, подтвержденной документами суммы расходов. Фермерское хозяйство может получить субсидию однократно в первые полгода деятельности. Предельный объем средств составляет 1,5 млн руб. Важным условием оказания помощи является освоение финансовой поддержки в течение 18 месяцев. Для семейных животноводческих ферм сумма гранта составит до 3 млн руб. Для этого фермер должен доказать наличие собственных средств в размере не менее 40% суммарной стоимости проекта. Израсходовать выделенные средства необходимо в течение 24 месяцев на заранее установленные цели. Важным изменением для фермеров в 2020 г. станет механизм получения грантов: деньги будут перечисляться поэтапно по мере освоения предыдущих частей гранта, а не одновременно
Другие виды помощи: аренда муниципальной собственности / Other types of assistance: Rental of municipal property	Льготы по аренде при передаче муниципальных объектов и сроке аренды – более пяти лет. Тарифы должны определяться на основе мнения независимых оценщиков и применяться для расчета льготной ставки. Льготная ставка действует первые три года аренды: в первый год тариф составляет 40% арендной платы; во второй год – 60%; в третий год – 80%; за четвертый и другие годы уплачивается полная ставка
Компенсация участия в выставках / Compensation for participation in exhibitions	Компенсация до 150 тыс. руб. в год расходов по выставочной деятельности, что может составить до половины всех расходов. Затраты могут быть связаны с арендой помещений, монтажом стендов, перемещением экспонатов, расходами на переговоры и презентации, полиграфическими услугами рекламных материалов, услугами переводчиков
Компенсация расходов на обучение / Training cost compensation	Расходы на тренинги сотрудников, семинары и курсы. Для этого требуются подтверждающие документы на обучение персонала в виде счетов оплаты, дипломов, сертификатов или договоров с учебными центрами. Компенсируют 50% затрат на сумму не более 40 тыс. руб. в год

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 4 / Table 4

**Нефинансовые меры поддержки МСП в России / Non-financial measures to support small and medium-sized businesses in Russia**

Приоритетные отрасли экономики / Priority Industries	Меры поддержки / Support measures
<p>Инновационный, нефтегазовый и сырьевой секторы, транспорт, оптовая и розничная торговля / Innovation sector oil and gas sector raw materials sector transport, wholesale and retail trade</p>	<p>Обеспечение эффективной коммерциализации продуктов интеллектуальной деятельности на основе снижения административных барьеров; выделение субсидий на повышение инновационной активности МСП; развитие инновационно-технологического потенциала МСП; контроль за предпринимательской деятельностью посредством создания института оценки регулирующего воздействия и координационно-совещательных органов различного уровня; обеспечение большей доступности государственного имущества, предоставляемого в аренду МСП; дальнейшее развитие уведомительного порядка предпринимательской деятельности, стимулирование ее саморегулирования; помощь экспортно-ориентированным компаниям; непрерывное совершенствование нормативного, правового, трудового законодательства в области МСП; обеспечение доступности имущества для деятельности субъектов МСП; доступность объектов коммунальной инфраструктуры; инфраструктурная развитость, включая особые внедренческие и инновационные зоны для МСП</p>

*Источник / Source:* составлено автором на основе прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. / compiled by the author based on the Forecast of the Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period until 2030. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=144190&fld=134&dst=102823,0&rnd=0.2926198965871636#02424693194456946>.

лирование научных исследований и разработок в крупных компаниях с государственным участием; запланирована разработка программы инновационного развития таких компаний через формирование технологических платформ на основе консолидации государства, бизнеса и науки;

3) выделение государственных финансовых средств на НИОКР университетам, которые работают в сфере инновационных технологий, стимулирование инноваций и инновационной деятельности в форме субвенций, грантов и льготных кредитов;

4) интенсификация применения уведомительного порядка осуществления предпринимательской и профессиональной деятельности, совершенствование инфраструктуры МСП, в том числе особых инновационных и внедренческих

зон, совершенствование правового регулирования деятельности МСП;

5) оптимизация системы налогообложения МСП, применение цифровых технологий для ведения бухгалтерского и налогового учета с целью их упрощения, внедрение дифференцированного налогообложения;

6) развитие инфраструктуры поддержки субъектов МСП;

7) реализация федеральных программ поддержки бизнеса.

Требуется совершенствования существующая система критериев отнесения субъектов к МСП. В частности, отраслевой критерий в России является наименее проработанным и установлен для отдельных подотраслей легкой промышленности. Должны быть разработаны критерии для других отраслей экономики, в том числе приоритетных.

Таблица 5 / Table 5

**Финансовые меры поддержки МСП в России / Financial measures to support small and medium enterprises in Russia**

Приоритетные отрасли экономики / Priority Industries	Меры поддержки / Support measures
Инновационный, нефтегазовый, сырьевой секторы, транспорт, оптовая и розничная торговля / Innovation sector, oil and gas sector, raw materials sector, transport, wholesale and retail trade	Создание позитивной налоговой среды, предоставление возможностей переходного периода для МСП, превысивших показатели для использования упрощенного режима налогообложения; оптимизация бухгалтерского и налогового учета; интенсификация реализации региональных (муниципальных) программ при их четкой региональной деятельности для МСП с использованием финансовой поддержки федерального центра; стимулирование финансовой поддержки малых инновационных предприятий по созданию и внедрению инновационного продукта; сокращение административных барьеров и уменьшение финансовой нагрузки от их влияния на бизнес

*Источник / Source:* составлено автором на основе Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / compiled by the author based on the Forecast of the Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period until 2030. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=144190&fld=134&dst=102823,0&rnd=0.2926198965871636#02424693194456946>.

Таблица 6 / Table 6

**Предполагаемые результаты финансовой и нефинансовой поддержки МСП в России / Estimated results of financial and non-financial support for small and medium enterprises in Russia**

Номер / Number	Результаты / Results
1	Долевой рост среднесписочной численности персонала (без внешних совместителей), занятого в МСП, в общей численности занятого населения – до 32,2%
2	Количество МСП в расчете на 1 тыс. человек населения России (без учета индивидуальных предпринимателей) – 15,7
3	Количество зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в расчете на 1 тыс. человек населения России – 38,2
4	Увеличение показателя по количеству субъектов МСП к 2030 г. – в 1,3 раза до 7,7 млн субъектов, в том числе 5,4 млн индивидуальных предпринимателей

*Источник / Source:* составлено автором / compiled by the author.

Таблица 7 / Table 7

**Виды поддержки МСП в приоритетных секторах экономики России / Types of support for small and medium-sized enterprises in priority sectors of the Russian economy**

Сектор / Sector	Виды поддержки / Types of support
Инновационный сектор / Innovation sector	Персональное выделение средств на НИОКР научным университетам, связанным с инновационной деятельностью; организация федеральных фондов; стимулирование и интенсификация деятельности по генерированию инноваций и инновационной деятельности, созданию инновационной инфраструктуры; материальная поддержка инновационных проектов, связанных с коммерциализацией результатов НИОКР
Нефтегазовый сектор / Innovation sector	Дифференцированное налогообложение для ВИНК* и малых предприятий (далее – МП); кредиты нефтяным МП на выгодных условиях; проведение аукционов только для нефтяных МП; отсрочка разового платежа за пользование недрами по факту открытия месторождения; расширение сбыта нефти МП на внутреннем рынке и за рубеж
Сырьевой сектор / Raw materials sector	Обеспечение льготами предпринимателей лесного комплекса на закупку оборудования для глубокой переработки древесины (частичная компенсация стоимости покупки для сокращения стоимости расходов предпринимателя); стимулирование глубокой переработки древесного сырья на основе мер таможенного регулирования экспорта лесопродукции благодаря увеличению вывозных таможенных ставок на необработанные лесоматериалы и уменьшению ставок на пиломатериалы, товаров глубокой переработки древесины; субсидирование процентной ставки по кредитам и лизинговым платежам и возмещение части расходов на продвижение товаров на российский и международный рынки, компенсация затрат на разработку бизнес-планов
Транспорт / Transport	Предоставление льгот по кредитам; обновление транспортных средств и техники посредством поддержки доступности лизинга и субсидирование; стимулирование развития рыночных отношений на транспорте; интенсификация развития МП на внутреннем водном транспорте с развитием аренды судов и обслуживающей инфраструктуры (ремонт, пункты отстоя, информационное обеспечение); поддержка предпринимательства на воздушном транспорте через создание условий для обновления парка воздушных судов с целью развития местных и региональных перевозок, активизации сегмента рынка малой авиации и авиатехнических услуг
Оптовая и розничная торговля / Wholesale and retail trade	Льготное кредитование при недостатке оборотных средств; стимулирование развития дистанционной торговли; финансовая поддержка совершенствования традиционных форматов торговли

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

\* ВИНК – вертикально интегрированные нефтяные компании.

Таблица 8 / Table 8

## Федеральные программы поддержки малого бизнеса / Federal Business Support Programs

Учреждение / Institution	Содержание программы / Program content
Минэкономразвития России / Ministry of Economic Development of Russia	Субсидии из федерального бюджета для МСП в регионах на конкурсной основе. Софинансирование расходов регионами
Корпорации МСП / Small and medium enterprise corporations	Финансовая, имущественная, юридическая, инфраструктурная, методологическая поддержка; сопровождение инвестиционных проектов
АО «МСПБанк» / JOINT STOCK "MSP Bank"	Предоставление прямых гарантий при отсутствии залога для получения банковского кредита. Выступает в роли гаранта исполнения кредитных обязательств
Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере / Foundation for the Promotion of Small Business Development	Поддержка МП в научно-технической сфере, финансовая помощь целевым проектам. Программа «Умник» – поддержка молодых инноваторов. Программа для стартапов «Старт». Поддержка предприятий «Развитие», «Интернационализация», «Коммерциализация»
Минсельхоз России / Ministry of Agriculture of Russia	Краткосрочные или инвестиционные кредиты по ставке не более 5% через уполномоченные банки; субсидии производителям сельскохозяйственной техники; субсидии на повышение продуктивности в молочном скотоводстве

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малый и средний бизнес как фактор экономического роста России. Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара. — Москва: Изд-во Института Гайдара, 2019. — 308 с. — ISBN 978-5-93255-548-4.
2. Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы. Вып. 40. Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара. — Москва: Изд-во Института Гайдара, 2019. — 656 с. — ISBN 978-5-93255-554-5.
3. Мороз С. О развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства в Казахстане. Сайт информационной системы «Параграф». URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=38173021#pos=1;-117](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38173021#pos=1;-117).
4. Iversen E. Norwegian small and medium-sized enterprises and the intellectual property rights system: exploration and analysis. STEP Center for Innovation Policy. Oslo, 2003.
5. Timm S. Brazilian tax regime helps SMEs double survival rate. Small Business Insight, 2017.
6. Mirzeyev S. Small and medium entrepreneurship in Azerbaijan; country assessment. CESD, Baku, 2012.
7. Gibson T., van der Vaart H. J. Defining SMEs: A less imperfect way of defining small and medium enterprises in developing countries. Brookings global economy and development, 2008.
8. Плетнев Д. А., Николаева Е. В., Кампа А. Сравнительный анализ критериев отнесения предприятий к малому и среднему бизнесу в разных странах // Стратегии бизнеса. — 2015. — Т. 5. — № 9. — ISSN 2311-7184. — DOI: 10.17747/2311-7184-2015-9-5
9. Барина В. А., Земцов С. П. Международный сравнительный анализ роли малых и средних предприятий в национальной экономике: статистическое исследование // Вопросы статистики. — 2019. — Т. 26. — № 6. — С. 10–21. — ISSN 2658-5499. — DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-6-00-00
10. Барина В. и др. Выполнение стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России // Экономическое развитие России. — 2018. — Т. 26. — № 11. — С. 36–45. — ISSN 2306-5001.
11. Быковская Ю. В., Иванова Л. Н., Сафохина Е. А. Малое и среднее предпринимательство в современной России: состояние, проблемы и направления развития // Вестник евразийской науки. — 2018. — Т. 10. — № 5. — С. 1–16. — ISSN 2588-0101.
12. Бобошко В. И. Финансовая поддержка как основа обеспечения экономической безопасности субъектов малого и среднего предпринимательства // Инновационное развитие экономики. — 2017. — Т. 41. — № 5. — С. 186–190. — ISSN 2223-7984.
13. Бобошко В. И. Роль институциональной поддержки малого бизнеса в условиях экономического кризиса // Мировая экономика: проблемы безопасности. — 2016. — № 1. — С. 85–88. — ISSN 2449-2310.
14. Шадченко Н. Ю. К вопросу о проблемах развития малого и среднего бизнеса в России на современном этапе // Базис. — 2018. — Т. 1. — № 3. — С. 5–8. — ISSN 2587-8042.

15. Пономарева О. Роль государственной поддержки развития малого и среднего предпринимательства: опыт экономик АТЭС // Вестник АТЭС. Издание Российского центра исследований АТЭС. — 2017. — № 5. — С. 16–21. — ISSN 2500–3054.

## REFERENCES

1. Small and medium-sized businesses as a factor in Russia's economic growth. Institute of economic policy E.T. Gaidar. Moscow: publishing house of the Gaidar Institute; 2019. 308 p. (In Russ.).
2. The Russian economy in 2018. Trends and prospects. Issue 40. Institute for Economic Policy. E.T. Gaidar. Moscow: publishing house of the Gaidar Institute; 2019. 656 p. (In Russ.).
3. Moroz S. About the development and support of small and medium enterprises in Kazakhstan. URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=38173021#pos=1;-117](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38173021#pos=1;-117).
4. Iversen E. Norwegian small and medium-sized enterprises and the intellectual property rights system: exploration and analysis. STEP Center for Innovation Policy. Oslo, 2003.
5. Timm S. Brazilian tax regime helps SMEs double survival rate. Small Business Insight, 2017.
6. Mirzeyev S. Small and medium entrepreneurship in Azerbaijan; country assessment. CESD, Baku, 2012.
7. Gibson T., van der Vaart H.J. Defining SMEs: A less imperfect way of defining small and medium enterprises in developing countries. Brookings Global Economy and Development, 2008.
8. Pletnev D.A., Nikolaeva E.V., Kampa A. A comparative analysis of the criteria for classifying enterprises as small and medium-sized businesses in different countries. *Strategii biznesa = Business strategies*. 2015;9(5). (In Russ.). DOI: 10.17747/2311-7184-2015-9-5
9. Barinova V.A., Zemtsov S.P. International comparative analysis of the role of small and medium enterprises in the national economy: a statistical study. *Voprosy statistiki=A Statistical Study*. 2019;26(6):10–21. (In Russ.). DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-6-00-00
10. Barinova V. et al. Implementation of the strategy for development of the small and mid-sized businesses in Russia. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii = Russian Economic Developments*. 2018;25(11):36–45. (In Russ.).
11. Bykovskaya Yu.V., Ivanova L.N., Safokhina E.A. Small and medium enterprises in modern Russia: state, problems and development directions. *Vestnik Yevraziyskoy nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2018;5(10):1–16. (In Russ.).
12. Boboshko V.I. Financial support as the basis for ensuring the economic security of small and medium-sized enterprises. *Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki = Innovative development of the economy*. 2017;41(5):186–190. (In Russ.).
13. Boboshko V.I. The role of institutional support for small businesses in an economic crisis. *Mirovaya ekonomika: problemy bezopasnosti = World economy: security issues*. 2016;(1):85–88. (In Russ.).
14. Shadchenko N. Yu. On the issue of the development of small and medium-sized businesses in Russia at the present stage. *Bazis = Basis*. 2018;1(3):5–8. (In Russ.).
15. Ponomareva O. The role of state support for the development of small and medium enterprises: the experience of APEC economies. *Vestnik ATEC. Izdaniye Rossiyskogo tsentra issledovaniy ATEC = APEC Herald. Edition of the Russian APEC Research Center*. 2017;(5):16–21. (In Russ.).

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Светлана Валентиновна Щурина** — кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия  
sv-valentinovna@mail.ru

## ABOUT THE AUTHOR

**Svetlana V. Shurina** — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Corporate Finance and Corporate Management, Financial University, Moscow, Russia  
sv-valentinovna@mail.ru

Статья поступила 20.11.2019; принята к публикации 15.01.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.11.2019; accepted for publication 15.01.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-72-85  
УДК 311.312,311.214(045)  
JEL E01, H24, I31, O17

## Совершенствование системы социального управления и прогнозирования посредством устранения ряда статистических коллизий

В.А. Капитанов<sup>а</sup>, А.Ю. Максимова<sup>б</sup>, О.С. Осипова<sup>с</sup>

<sup>а</sup> АО «НИИ «Полюс» им. М.Ф. Стельмаха», Москва, Россия;

<sup>б</sup> Государственное учреждение «Институт прикладной математики и механики», Донецк, Украина;

<sup>с</sup> Финансовый университет, Москва, Россия

<sup>а</sup> <https://orcid.org/0000-0002-2153-3848>; <sup>б</sup> <https://orcid.org/0000-0001-9496-4385>;

<sup>с</sup> <https://orcid.org/0000-0002-4111-0391>

### АННОТАЦИЯ

*Предмет исследования* – социально-экономическая структура российского общества, выражаемая в распределении населения по уровню доходов. *Цель работы* – уточнение социальной структуры российского населения для повышения качества принимаемых управленческих решений и увеличения точности социально-экономических прогнозов. *Новизна исследования* заключается в выявлении статистических коллизий в области оценки объема теневых доходов россиян; установлении влияния статистических коллизий на оценку социального неравенства; определении необходимости переоценки уровня теневых доходов россиян и коррекции оценки благосостояния низших слоев российского общества; выявлении ключевых проблем и направлений совершенствования методологии обследования домохозяйств в Российской Федерации. *Сделаны выводы* о том, что размер оценки теневых доходов в Российской Федерации должен быть снижен. Доходы, ошибочно определенные как теневые, приписываются не высокообеспеченным, а средне- и малообеспеченным слоям общества, что приводит к недооценке социально-экономического уровня неравенства в обществе. Поэтому возникает необходимость коррекции оценки благосостояния низших слоев общества в сторону уменьшения, а высших – в сторону увеличения. Несмотря на отсутствие прямых данных о теневых доходах высших слоев общества, представленные в исследовании результаты могут способствовать увеличению точности социально-экономических прогнозов благодаря повышению статистической корректности анализа социальной дифференциации российского общества, совершенствованию системы социального управления, в том числе уточнению мер государственной политики по поддержке доходов граждан в рамках Основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на период до 2022 года, успешному выполнению майских указов Президента Российской Федерации.

**Ключевые слова:** социальное управление; социально-экономическое неравенство; теневые доходы; социальная структура; теневая экономика; коэффициент Джини; социально-экономическое прогнозирование; структура российского общества

**Для цитирования:** Капитанов В.А., Максимова А.Ю., Осипова О.С. Совершенствование системы социального управления и прогнозирования посредством устранения ряда статистических коллизий. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(1):72-85. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-72-85



## ORIGINAL PAPER

# Social Administration System and Forecasting Perfection by Means of a Number of Statistical Collisions Elimination

V.A. Kapitanov<sup>a</sup>, A.Y. Maksimova<sup>b</sup>, O.S. Osipova<sup>c</sup><sup>a</sup> JSC Research Institute "Polyus" named after M.F. Stelmakh, Moscow, Russia;<sup>b</sup> Institute for Applied Mathematics and Mechanics, Donetsk; Ukraine<sup>c</sup> Financial University, Moscow, Russia<sup>a</sup> <https://orcid.org/0000-0002-2153-3848>; <sup>b</sup> <https://orcid.org/0000-0001-9496-4385>;<sup>c</sup> <https://orcid.org/0000-0002-4111-0391>

## ABSTRACT

*The subject of the research* is the socio-economic structure of Russian society evaluated through distribution of the people according to their income level. *The purpose of the work* is to specify social structure of Russian population in order to raise the quality of administrative decisions and to increase socio-economic forecast precision. The research novelty lies in revealing statistical collisions in the sphere of evaluating shadow income of Russian people; in ascertainment of statistical collisions' influence on social inequality estimate; in defining the necessity for reevaluating the shadow income level of the Russians and for wealth evaluating amendment of the lower class in Russian society; in defining the key problems and the ways to perfect the methodology of households investigation in the Russian Federation. *It is concluded* that the estimate level for shadow income in the Russian Federation should be decreased. The income mistakenly defined as shadow are attributed not to very wealthy people, but to people on medium- and low income, which results in underestimation of socio-economic inequality in the society. Therefore, there appears a need for wellbeing valuation correction – in case with lower class of society downwards, while for the upper class upwards. Despite the fact that there are no direct data about the shadow income of upper class, the results provided in the research can facilitate the accuracy of socio-economic forecasts due to greater statistical correctness of the Russian society social differentiation analysis, due to the system of social administration perfection including specification for measures of government policy of supporting citizens' income in the framework of the Main directions of the budget, tax and customs tariff policy for the period up to 2022 as well as successful implementation of the May decrees of the President of the Russian Federation.

**Keywords:** social administration; socio-economic inequality; shadow income; social structure; shadow economy; Gini coefficient; socio-economic forecasting; Russian society structure

**For citation:** Kapitanov V.A., Maksimova A.Y., Osipova O.S. Social administration system and forecasting perfection by means of a number of statistical collisions elimination. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(1):72-85. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-72-85

## ВВЕДЕНИЕ

Первые количественные описания имущественно-го неравенства датируются VI в. до н.э. (времена социальных реформ римского рекса Сервия Туллия<sup>1</sup> [1]), но эта тема весьма актуальна и в современной экономической науке. Посвященные вопросам неравенства труды Джозефа Стиглица [2] и Томаса Пикетти [3] опубликованы огромными тиражами и переведены на многие языки. На XVIII Всемир-

ном социологическом конгрессе [4] неравенство названо основным вызовом современности.

К настоящему времени разработано множество методик как графического, так и численного описания социально-экономического неравенства, достоинства и недостатки которых широко представлены в специализированной литературе. Для ознакомления с ними можно обратиться к монографии О.А. Кислицыной [5] и отчету А. Coudouel, J. Hentschel, Q. Wodon<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Римская традиция называла семь первых римских царей — рексов. Это Ромул (753–716 до н.э.), Нума Помпилий (715–674 до н.э.), Тулл Гостию (673–642 до н.э.), Анк Марций (642–617 до н.э.), Луций Тарквиний Приск, или Тарквиний Древний (616–579 до н.э.), Сервий Туллий (578–535 до н.э.), Луций Тарквиний Гордый (534–509 до н.э.).

<sup>2</sup> Coudouel A., Hentschel J., Wodon Q. (2002). Poverty Measurement and Analysis. World Bank, April 2002, Приложение А — Измерение и анализ бедности. Технические примечания. URL: <http://mpr.ub.uni-muenchen.de/10492/> (дата обращения 07.11.2019).

Однако достоинства того или иного метода представления неравенства сводятся к неточности исходных данных о неравенстве. Распределения населения по уровню дохода, публикуемые официальными статистическими ведомствами разных стран, неполны. Как правило, дифференциация доходов прослеживается на очень невысоком уровне, не давая информации о доходах богатейшего меньшинства. Например, данные Росстата<sup>3</sup> заканчиваются на уровне душевого дохода 70 тыс. руб./мес. Информация о доходах сверх этого уровня не дифференцирована и представлена только когортой россиян с доходом от 70 000,1 руб./мес. и выше. Построенное К. О. Бутаевой [6] на основе данных мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) за 2014 г. распределение населения заканчивается на планке дохода, лишь несколько превышающего 200 тыс. руб./мес., а в 2016 г. по данным мониторинга<sup>4</sup> — на уровне 420 тыс. руб./мес. (при этом следует отметить, что последняя цифра показывает зарплату, а не душевой доход).

Приведенные выше цифры максимального дохода представляются ничтожными и ни в коей мере не способными характеризовать социальное расслоение населения, поскольку доходы богатейших членов российского общества измеряются миллиардами рублей в месяц. Проблема неполноты данных о социально-экономическом распределении населения именно в силу существования ненаблюдаемого Росстатом спектра дифференциации богатых и очень богатых домохозяйств не нова и отмечалась в отчете С. А. Айвазяна и С. О. Коленикова в 2000 г.<sup>5</sup>

С аналогичными проблемами при социальном прогнозировании встречаются ученые и госу-

дарственные служащие других стран. Например, данные официального статистического ведомства США (*Bureau of the Census*) в области высоких доходов касаются 5% богатейших американцев<sup>6</sup>, т. е. примерно 16 млн человек. Для получения истинной картины неравенства это слишком большая цифра, так как задача построения полного распределения населения по доходам требует информации не о миллионах, а об единицах богатейших граждан страны.

Неполнота данных о доходах населения обусловлена очевидным фактором — «деньги любят тишину». Независимо от социального статуса респонденты больше всего уклоняются от вопросов об их личных финансах. Они не любят делиться информацией о своих доходах хотя бы из соображений безопасности, и чем больше доход, тем больше оснований (и возможностей) его скрывать.

Проблема недостаточности статистических данных приводит к необходимости косвенных оценок распределения доходов по расходам (в частности, по распределению цен на автомобили и недвижимость [7]). Однако метод оценки доходов богатейших слоев общества по их расходам не является совершенным хотя бы потому, что расходы на личное потребление в богатейших слоях общества, несмотря на их значительную величину в абсолютных цифрах, непропорционально малы по отношению к их доходам и поэтому не позволяют показать объективную картину социального расслоения.

Корректнее, безусловно, строить распределение населения по доходам на основе прямых данных о доходах, нежели оперировать косвенными показателями. В последние годы ситуация с доступностью в России исходных данных о богатых и очень богатых слоях общества существенно улучшилась — ФНС России начала публиковать отчеты после обработки налоговых деклараций<sup>7</sup>, касающихся в том числе весьма обеспеченных людей с доходами выше 10 млрд руб./год. Поэтому появилась возможность рассчитывать более точно, чем позволяют данные Росстата, распределение

<sup>3</sup> Сайт Росстата. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов. 2016. URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#)

<sup>4</sup> Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE). URL: <https://www.hse.ru/rlms/reg>. Имя файла данных — r26i\_os26b.sav. Коудбук. URL: [https://www.hse.ru/data/2018/09/09/1155096870/R\\_26\\_ind\\_codebook.pdf](https://www.hse.ru/data/2018/09/09/1155096870/R_26_ind_codebook.pdf) Переменная vj10.

<sup>5</sup> Айвазян С. А., Колеников С. О. Российская программа экономических исследований. Уровень бедности и дифференциация по расходам населения России. Итоговый отчет. Май 2000. URL: <https://www.komkon.org/~tacik/science/Aivazian-Kolenikov-FinalRus-1.pdf> (дата обращения 07.11.2019).

<sup>6</sup> Income and Poverty in the United States: 2016. Current Population Reports. Issued September 2017. URL: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2017/demo/P60-259.pdf>.

<sup>7</sup> Сайт ФНС России. Отчет о декларировании доходов физическими лицами. (2016). URL: [https://www.nalog.ru/rn77/related\\_activities/statistics\\_and\\_analytics/forms/#t1](https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/#t1) (дата обращения: 25.04.2019).

Таблица 1 / Table 1

**Социально-экономическая структура населения Российской Федерации, 2016 г. / Socio-economic structure of the population of the Russian Federation. 2016**

№ когорты*	Левая граница когорты, руб./мес.	Правая граница когорты, руб./мес.	Доля населения, %
Cohort No.	Left border of the cohort, rubles / month	Right border of the cohort, rubles / month	Share of population, %
1	0,0	7000,0	6,0
2	7000,1	9000,0	5,0
3	9000,1	12 000,0	8,8
4	12 000,1	15 000,0	9,1
5	15 000,1	20 000,0	14,0
6	20 000,1	25 000,0	11,6
7	25 000,1	30 000,0	9,2
8	30 000,1	35 000,0	7,3
9	35 000,1	40 000,0	5,7
10	40 000,1	50 000,0	7,9
11	50 000,1	60 000,0	5,0
12	60 000,1	70 000	3,2
13	70 000,1	–	7,2

*Источник / Source:* составлено авторами по данным Росстата / Compiled by the authors according to Rosstat. URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#).

\* Когорта (от лат. *Cohors* – отряд) – совокупность людей, у которых в один и тот же период времени произошло определенное событие и др.

граждан России по уровню доходов и в результате представлять более корректную картину социального расслоения общества для повышения качества разрабатываемых управленческих решений и увеличения точности социально-экономических прогнозов. Для анализа выбран 2016 г., так как именно по нему опубликованы последние данные ФНС России об обработке налоговых деклараций. Для обеспечения корректности научного анализа наряду с данными Росстата, ФНС России использовались сведения, взятые из журнала «Форбс», о рейтинге наиболее богатых россиян.

Ниже приводятся статистические ограничения каждой из анализируемых баз данных, характеризуется их взаимная дополняемость, показываются статистические коллизии, осуществляется коррекция распределения населения по доходам с учетом выявленных статистических коллизий.

## ДАННЫЕ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ НЕРАВЕНСТВЕ В РОССИИ

**1. По сведениям Росстата, приведенным в табл. 1.**

Поскольку в данных Росстата не приведена правая граница последней 13-й когорты (доход более 70 000,1 руб./мес.), она должна быть дополнена информацией о доходах более богатых членов общества.

**2. По сведениям ФНС России, приведенным в табл. 2.**

В значительной мере задачу получения статистически значимых данных о доходах богатейшей когорты позволяют решать данные ФНС России (табл. 2).

Как следует из табл. 2, в поле зрения ФНС России, в отличие от Росстата, попадают весьма обес-

Таблица 2 / Table 2

Распределение высокообеспеченных граждан Российской Федерации по уровню доходов, 2016 г. /  
Distribution of high-income citizens of the Russian Federation by income, 2016

№ когорты	Левая граница когорты, млн руб./год	Правая граница когорты, млн руб./год	Кол-во чел. в когорте
Cohort No.	Left border of the cohort, mln. rub./year	Right border of the cohort, mln. rub./year	People in the cohort
1	1	10	757536
2	10	100	33 373
3	100	500	4626
4	500	1000	653
5	1000	10 000	525
6	10 000	—	40

Источник / Source: составлено авторами по данным ФНС России / Compiled by the authors according to the Federal Tax Service.

печенные граждане с доходом более 10 млрд руб./год (833 млн руб./мес.). Однако положение правой границы последней, самой богатой когорты также неизвестно.

### 3. По сведениям журнала «Форбс» о доходах самых богатых бизнесменов России.

Отсутствие недостающих статистически значимых данных, указывающих на правую границу последней 13-й когорты Росстат (на правую границу последней 6-й когорты ФНС России) восполняется сведениями журнала «Форбс»<sup>8</sup>, опубликовавшего в 2016 г. рейтинг топ-20 богатейших бизнесменов Российской Федерации с указанием не только размера капитала, но и его изменения в текущем году.

Методика подсчетов, используемая журналом «Форбс»<sup>9</sup>, не делает различий между приростом рыночной стоимости уже имеющихся активов и покупкой новых активов — и то и другое считаются приростом капитала. В первом случае прирост капитала можно интерпретировать как доход, связанный с благоприятным изменением рыночной конъюнктуры и/или ростом эффективности ведения бизнеса (рыночная капитализация), во втором же случае прирост капитала можно интерпретировать

как инвестиции от дохода предыдущего периода, но и в том, и в другом случае по приросту капитала можно оценить доход бизнесмена. Разумеется, оценка журнала не носит официального характера, о чем редакция этого издания предупреждает своих читателей. Данная оценка является сугубо приближенной, но пренебрегать ею нельзя — это единственная наиболее достоверная информация о доходах наиболее богатых членов российского общества, которая имеется в открытом доступе.

Итак, по итогам 2016 г. из топ-20 богатейших бизнесменов России лишь трое имели положительный прирост капитала:

- Михаил Гуцериев — 3,5 млрд долл. США (18,14 млрд руб./мес.);
- Леонид Михельсон — 2,7 млрд долл. США (14,00 млрд руб./мес.);
- Геннадий Тимченко — 0,7 млрд долл. США (3,62 млрд руб./мес.).

### 4. Сведение всех данных в единый массив.

Из вышеуказанных сведений следует, что Росстат предоставляет информацию о российских гражданах, имеющих доход от 0 до 70 тыс. руб./мес., ФНС России — от 83 тыс. до 833 млн руб./мес., а журнал «Форбс» — от 3,62 до 18,14 млрд руб./мес. Несмотря на разную методологию расчетов, оба источника (ФНС России и журнал «Форбс») с точностью до порядка указывают одинаковую правую границу шкалы доходов (диапазон от  $10^9$  до  $10^{10}$  руб./мес.).

При этом все данные ФНС России относятся к последней (богатейшей) когорте населения Рос-

<sup>8</sup> Журнал «Форбс». 20 богатейших бизнесменов России (2016). URL: <http://www.forbes.ru/rating-photogallery/317127-20-bogateishikh-biznesmenov-rossii-2016> (дата обращения: 25.04.2019).

<sup>9</sup> «Форбс» Методология рейтинга богатейших (2016). URL: <http://www.forbes.ru/rating/316591-metodologiya-reitinga-bogateishikh-2016> (дата обращения: 25.04.2019).

сии в распределении Росстата, а все данные журнала «Форбс» — к последней когорте в распределении ФНС России. Это дает возможность свести все данные воедино, внося соответствующие изменения в численность последних когорт Росстата и ФНС России: из численности последней когорты Росстата необходимо вычесть суммарную численность россиян, указанных в *табл. 2*, а из численности последней когорты ФНС России — трех человек, учтенных журналом «Форбс» (*табл. 3*).

## СТАТИСТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ И ВАРИАНТЫ ИХ ОБЪЯСНЕНИЯ

**Коллизия 1.** Сведение данных о доходах из трех источников в единую базу данных (см. *табл. 3*) привело к значительным погрешностям, проявившимся при вычислении суммарного дохода когорт. Суммирование доходов по всем когортам дало общий годовой доход всех граждан Российской Федерации, равный 62,03 трлн руб., тогда как по данным Росстата он составил 54,1 трлн руб.,<sup>10</sup> а по сведениям ФНС России — 28,43 трлн руб.<sup>11</sup> (причем указанная величина характеризует доходы всех граждан России, а не только 796 753 чел., доходы которых представлены в *табл. 2*). Погрешность при определении суммарного дохода российских граждан при сведении данных в *табл. 3* составила 7,93 трлн руб. ( $62,03 - 54,10 = 7,93$  трлн руб.), или 14,5% от суммы 54,1 трлн руб. согласно данным Росстата. Можно предположить, что эта погрешность возникла вследствие некорректного введения в распределение данных журнала «Форбс». Однако суммарные доходы трех богатейших бизнесменов из списка журнала «Форбс» составляют всего 0,43 трлн руб. и не могут привести к такой погрешности.

Столь большое расхождение в оценке одного и того же показателя в двух разных федеральных ведомствах возможно объясняется следующим: ФНС России учитывает только «белые», т.е. закон-

ные и монетарные доходы. Росстат, кроме этого, учитывает и так называемые теневые доходы, получаемые от деятельности, которая не наблюдается прямыми статистическими методами. Иными словами, Росстат учитывает всю совокупность доходов, в том числе ненаблюдаемые прямыми статистическими методами как незаконные, так и вполне законные, но проблемные для учета в силу своей немонетарной природы (например, доходы от ведения натурального хозяйства)<sup>12</sup>.

Учет теневых доходов, безусловно, объясняет, почему суммарный доход по данным Росстата больше суммарного дохода по данным ФНС России. Однако непонятно, почему сведение воедино данных ФНС России и Росстата дало суммарный доход больше, чем тот доход, который приведен в данных Росстата — 62,03 трлн руб., ведь в сумме должно было получиться 54,1 трлн руб., поскольку данные *табл. 2* отражают лишь часть последней 13-й когорты *табл. 1*.

Обнаружение «лишних» 7,93 трлн руб. годовых доходов в российском обществе нельзя объяснить недоучетом теневых доходов, ведь к данным Росстата были добавлены только совершенно официальные «белые» доходы, с которых были даже уплачены налоги — в противном случае они не попали бы в поле зрения ФНС России.

Наиболее вероятно (особенно с учетом того обстоятельства, что Росстат проводит большую работу по учету теневых доходов и едва ли может столь значительно ошибаться), что «лишние» 7,93 трлн руб. были просто учтены при составлении *табл. 3* два раза — один раз в данных Росстата, а второй раз — в данных ФНС России. Ниже будет доказано, что в условиях значительного социально-экономического неравенства такая ошибка не просто возможна, а неизбежна.

**Коллизия 2.** Противоречия между данными ФНС России и Росстата этим не исчерпываются. На основании двух официальных оценок суммарных доходов когорт (см. *табл. 3*, столбец 7) несложно вычислить, что с точки зрения ФНС России когорты ниже 13-й получили суммарно 16,24 трлн руб. ( $28,43 - 12,19$  трлн руб.). Однако согласно Росстату эти люди получили доход втрое больше — 49,84 трлн руб.

<sup>10</sup> Россия в цифрах-2017 г. Федеральная служба государственной статистики. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов (в процентах к итогу) 2016. URL: [http://www.gks.ru/bgd/regl/b17\\_11/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm) (дата обращения: 25.04.2019).

<sup>11</sup> Раздел XVI. Налоговая база, подлежащая налогообложению по всем налоговым ставкам и сумма налога по данным формы 2-НДФЛ с признаком «1» и Приложения № 2 к налоговой декларации по налогу на прибыль организаций. 2016. URL: [https://www.nalog.ru/rn77/related\\_activities/statistics\\_and\\_analytics/forms/#t1](https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/#t1) (дата обращения: 25.04.2019).

<sup>12</sup> Методологические положения по расчету показателей денежных доходов и расходов населения. 2014. п. 4.4. URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/population/level](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level) (дата обращения: 25.04.2019).

Таблица 3 / Table 3

## Сводные данные Росстата, ФНС России и журнала «Форбс» / Summary of Rosstat, Federal Tax Service and Forbes

№ когорты	Источник	Левая граница когорты, млн руб./мес.	Правая граница когорты, млн руб./мес.	Доля населения, %	Тыс. чел. в когорте	Суммарный доход когорты, млрд руб./мес.	Суммарный доход когорты, трлн руб./год
Cohort No.	Source	Left border of the cohort, mln rub./ month.	Right border of the cohort, mln rub./ month.	Share of the population, %	Th. people in cohort	Cohort income, bln rub./ month.	Total income of cohorts, trln rub./ year
	1	2	3	4	5	6	7
1	Росстат / Rosstat	0,0	0,007	6,0	8790	30,77	49,84
2		0,007	0,009	5,0	7325	58,60	
3		0,009	0,012	8,8	12892	135,37	
4		0,012	0,015	9,1	13332	179,98	
5		0,015	0,020	14,0	20510	358,93	
6		0,020	0,025	11,6	16994	382,37	
7		0,025	0,030	9,2	13478	370,65	
8		0,030	0,035	7,3	10695	347,57	
9		0,035	0,040	5,7	8351	313,14	
10		0,040	0,050	7,9	11574	520,81	
11		0,050	0,060	5	7325	402,88	
12		0,060	0,070	3,2	4688	304,72	
13		0,070	0,083	6,7	9751	747,60	
14	ФНС / FTS	0,083	0,833	0,5	758	347,20	12,19
15		0,833	8,33	0,02	33,37	152,96	
16		8,33	41,7	0,003158	4,63	115,65	
17		41,7	83,3	0,000446	0,65	40,81	
18		83,3	833,3	0,000358	0,53	240,63	
19	833,3	3628,4	0,000025	0,04	82,54		
20	«Форбс» / Forbes	3628,4	3628,4	0,000001	0,001	3,63	
21		13995,1	13995,1	0,000001	0,001	14,00	
22		18141,8	18141,8	0,000001	0,001	18,14	
	Итого/Total						62,03

Источник / Source: составлено авторами по данным Росстата, ФНС России и журнала «Форбс» / compiled by the authors according to Rosstat, Federal Tax Service and Forbes.

Одна из двух противоречивых цифр (а возможно обе) — 16,24 или 49,84 трлн руб. — явно ошибочна. В области низких доходов возможна ошибка Росстата вследствие завышения теневых доходов и их приписывания в первую очередь к когортам от 13-й и ниже, но возможна и ошибка ФНС России вследствие недостаточно полного выявления налогооблагаемой базы.

**Коллизия 3.** С точки зрения Росстата, когорты от 14-й и выше получили 4,26 трлн руб (54,10–49,84 трлн руб.), но, по мнению ФНС России и редакции журнала «Форбс» (вклад данных которого, как ранее было уже отмечено, весьма мал), эти люди получили втрое больше — 12,19 трлн руб., т.е. больше на уже упомянутые «лишние» 7,93 трлн руб. Из этих двух оценок одна также ошибочна. Однако в этом случае точно известно, какая из оценок ближе к истине, — это оценка ФНС России: ведь ошибка фискальных органов в сторону завышения налогооблагаемой базы невозможна, а, может быть, является следствием недоучета доходов, так как завышение дохода в подавляющем большинстве случаев было бы оспорено налогоплательщиками.

Таким образом, имеются три статистические коллизии: оценка Росстатом суммарного дохода российских граждан почти вдвое больше оценки ФНС России. Кроме того, по данным Росстата когорты до 13-й получают существенно больший доход, чем по данным ФНС России, а когорты от 14-й — наоборот, существенно меньший. Вызваны эти расхождения в данных, очевидно, особенностями учета именно теневых доходов, так как «белые» доходы учитываются Росстатом и ФНС России одинаково (точнее, Росстат использует данные ФНС России<sup>13</sup>).

**Коллизия 4.** Отмеченные выше противоречия — это не последние несоответствия данных ФНС России и Росстата. Объем теневых доходов должен быть равен разности суммарных доходов, указанных Росстатом и ФНС России, т.е. 25,67 трлн руб. (54,10–28,43 трлн руб.). Однако когорты до 13-й получили теневые доходы (разность между суммой всех теневых доходов согласно данным

Росстат и «белыми» доходами — согласно ФНС России), равные 33,60 трлн руб. (49,84–16,24 трлн руб.). Таким образом, теневые доходы всех когорт до 13-й оказались *существенно больше*, чем вообще все теневые доходы страны, на уже упомянутые «лишние» 7,93 трлн руб. Очевидно, такое невозможно — часть не может быть больше целого.

В чем причина подобных противоречий, почему согласно Росстату доходы именно когорт до 13-й оказались завышены, а доходы когорт выше 14-й — занижены по сравнению с данными ФНС России? Нет оснований сомневаться в компетентности и добросовестности специалистов Росстата, но и нет оснований утверждать, будто ФНС России приписывает кому-либо несуществующие доходы. Несовершенство методологии расчетов обусловлено глубиной социально-экономического расслоения российского общества.

В настоящее время информацию о доходах и распределении населения по доходам Росстат получает на основе выборки из 48,5 тыс. домохозяйств<sup>14</sup>. Но какова вероятность того, что в 146-миллионной стране в эти 48,5 тысяч домохозяйствах попадет хотя бы один из 40 человек с годовым доходом более 10 млрд руб. (см. табл. 2)? Подсчитать это несложно. Если полагать, что средний размер домохозяйства составляет 2,6 чел. [8], то в 48,5 тыс. домохозяйств входят 126,1 тыс. чел. Это означает, что каждый человек из выборки представляет собой 1162 человек из всего 146-миллионного населения России. В таком случае когорта с годовым доходом более 10 млрд руб. (численность когорты 40 чел.) будет представлена в выборке всего лишь  $40/1162 = 0,03$  чел., т.е. не будет представлена вообще.

Из богатейших когорт по данным ФНС России (см. табл. 2) только 16-я когорта с годовым доходом от 100 до 500 млн руб. и численностью 4626 чел. имеет шанс быть статистически представленной в выборке. Но даже при идеальном построении выборки от этой когорты в выборку войдет лишь 4 чел., а более богатые когорты будут представлены количеством людей меньше 1, т.е. не будут представлены вообще. Даже 15-я когорта с годовым доходом от 10 до 100 млн руб. и численностью

<sup>13</sup> Приложение № 1 к Методологическим положениям по расчету показателей денежных доходов и расходов населения. Регламент разработки, корректировки и публикации показателей денежных доходов и расходов населения. 2014. URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/population/level](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level) (дата обращения: 25.04.2019).

<sup>14</sup> Методологические положения по формированию агрегированных показателей доходов, расходов и потребления домашних хозяйств на основе программы выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств. 2017. URL: [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/population/urov/metform-dox\\_2017.pdf](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/metform-dox_2017.pdf) (дата обращения: 25.04.2019).

33 373 чел. будет представлена в выборке лишь 28 налогоплательщиками.

Следует учесть и то, что участие граждан в обследовании Росстата добровольное, а у обеспеченных людей есть все основания не афишировать добровольно свои высокие доходы, пусть будут они даже легальными. В случае малообеспеченного гражданина, отказавшегося от приглашения стать респондентом, проблема решается просто — его легко можно заменить любым другим из миллионов ему подобных граждан. Но в случае богатых людей, число которых измеряется отнюдь не миллионами, попадание или непопадание в выборку нескольких десятков человек (и даже просто нескольких человек) может радикально изменить картину социально-экономического расслоения. Это объективно неизбежный недостаток любой выборки в условиях значительного неравенства.

Таким образом, избыточные 7,93 трлн руб. возникли из-за того, что Росстат, наблюдая по косвенным данным объем теневой экономики, не учитывает и не может учитывать граждан с очень высокими доходами. Однако в экономике эти доходы присутствуют, и их наличие обнаруживается специалистами Росстата по дисбалансу между расходами и доходами населения согласно п. 4.10. Методологических положений по расчету показателей денежных доходов и расходов населения ввиду того, что прочие поступления, не распределенные по статьям формирования денежных доходов населения, определяются расчетным методом как разница между объемами расходов и сбережений и объемами денежных доходов населения, представленных в официальной отчетности. Корректно приписать эти доходы кому-либо из опрошенных невозможно. Эти доходы получены не бедными и не нелегально, а богатыми людьми легально.

Полные данные Росстата о доходах всей выборки из 48,5 тыс. домохозяйств не опубликованы, и открытые источники не дают информации о том, какой максимальный доход наблюдался у участников обследования домохозяйств. Если исходить из того, что выборка максимально адекватно представляет российское общество и богатые граждане не уклоняются от участия в исследовании доходов, когорты начиная с 17-й и выше в выборке представлены не будут. Суммарный доход этих когорт по данным ФНС России равен 4,80 трлн руб., и он неизбежно будет учтен Росстатом как теневой доход и приписан когортам ниже 13-й.

Однако эта сумма заметно меньше, чем найденная погрешность в 7,93 трлн руб. Из данных ФНС России следует, что приблизительно такая же погрешность при сведении данных воедино возникла бы, если бы в выборку Росстата не попали когорты начиная не с 17-й, а с 15-й (больше 10 млн руб./год, или 833 тыс. руб./мес.) и выше. Суммарный доход этих когорт равен 8,02 трлн руб., что всего лишь на 0,1 трлн руб., или на 0,19% от суммарного дохода россиян, отличается от найденной погрешности по результатам объединенных в *табл. 3* данных.

Для того чтобы указанные когорты оказались «невидимыми» для экспертов Росстата, достаточно *всего лишь тридцати двум* (столько представителей 15-й и 16-й когорт должны попасть в выборку в идеальном случае) высокообеспеченным россиянам уклониться от участия в исследовании доходов.

### **КОРРЕКЦИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПО ДОХОДАМ С УЧЕТОМ ВЫЯВЛЕННЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ**

Итак, по нашему мнению, погрешность в размере в 7,93 трлн руб. возникла из-за непопадания в выборку высокообеспеченных граждан, вследствие чего их доходы, наблюдаемые по косвенным показателям, были определены как теневые и приписаны среднеобеспеченным и бедным гражданам.

В таком случае для построения таблицы социально-экономического расслоения, более близкой к реальности по сравнению с данными, представленными в *табл. 3*, необходимо из доходов когорт ниже 13-й вычесть 7,93 трлн руб. Это, безусловно, не даст истинной картины социально-экономического расслоения, поскольку при ее построении следует предположить, что все теневые доходы присущи только средним и низшим слоям общества, а не богатым. Ближе к истине была бы обратная гипотеза — известно, что теневые доходы концентрируются с большей степенью вероятности в высших слоях общества и их учет увеличивает, а не уменьшает неравенство [9]. По крайней мере, в этом случае будут сокращены ошибочно приписанные когортам ниже 13-й теневые доходы в размере 7,93 трлн руб. и исключены выявленные выше статистические коллизии.

Такое допущение позволяет сделать следующие корректировки. Оценка теневых доходов должна быть снижена с 25,67 до 17,75 трлн руб.



(25,67–7,93 трлн руб.), т. е. с 47,46 до 32,81% от суммарного дохода граждан страны, или с 29,84 до 20,63% ВВП<sup>15</sup>. В таком случае существующие оценки, ставящие Россию в топ-5 стран (наряду с Украиной, Азербайджаном, Нигерией и Шри-Ланкой) по доле теневой экономики [10], представляются завышенными.

Суммарный доход когорт ниже 13-й должен быть скорректирован с учетом поправки на дважды учетные 7,93 трлн руб. и уменьшен до 41,92 трлн руб. (49,84–7,93 трлн руб.). Зная эту величину, можно пересчитать границы когорт ниже 13-й в сторону снижения, предполагая, что все они уменьшатся на один и тот же коэффициент сокращения доходов, равный 0,84 ( $41,92/49,84 = 0,84$ ). Новая картина социально-экономического расслоения, рассчитанная с учетом коэффициента сокращения доходов, приведена в *табл. 4*.

Суммарный доход жителей России согласно скорректированной модели составит 4,57 трлн руб. в месяц, или 54,88 трлн руб./год, что на 1,43% больше, чем указано в данных Росстата. Эта погрешность в сторону завышения неизбежна, поскольку правая граница 13-й когорты, находящаяся на границе данных Росстата и ФНС России, не подвергалась коррекции в сторону уменьшения — она относится к данным ФНС России о «белых» доходах и не должна изменяться.

Графически скорректированная модель социально-экономического расслоения представлена на *рисунке*.

*Рисунок* подтверждает правильность предположения об основополагающей причине (значительной глубине социально-экономической дифференциации) происхождения статистических коллизий, приведших к необходимости корректировки данных Росстата. Дифференциация российского общества по доходам характеризуется логнормальным распределением с так называемым «тяжелым хвостом». Практически все население страны сосредоточено вблизи оси абсцисс (99,97% населения занимают лишь 0,0025% шкалы доходов), и только эта область, ширина которой на шкале доходов настолько мала, что невыра-

зима в масштабе *рисунка*, имеет шансы попасть в выборку Росстата.

Медиана уточненного распределения приходится на 6-ю когарту, а среднемедианный доход приблизительно равен 20,3 тыс. руб./мес. против 22,5 тыс. руб./мес. согласно исходным данным Росстата (см. *табл. 1*). Мода<sup>16</sup>, соответствующая наибольшей плотности распределения (см. столбец 5 *табл. 4*), приходится на 4-ю когарту, а средне-модальный доход равен 12,2 тыс. руб./мес. против 13,5 тыс. руб./мес. согласно исходным данным Росстата (см. *табл. 1*).

Вычисленный на основе данных *табл. 4* индекс Джини (методика расчета представлена в [5]) составил 0,504 (0,502 без учета данных журнала «Форбс»), что заметно больше, чем 0,414 согласно данным Росстата<sup>17</sup>. Отношение максимального дохода к среднемедианному составляет 892 тыс. крат, а отношение максимального дохода к среднемодальному — 1,48 млн крат.

В завершение следует отметить, что уровень неравенства, оцененный с помощью скорректированного распределения хотя и выше, чем по данным Росстата, но все же является заниженным. Причина состоит в том, что все теневые доходы в скорректированном распределении приписаны когортам ниже 13-й, т. е. людям с низким и средним достатком, а у высокообеспеченных слоев населения учтены лишь «белые» доходы. Более адекватный учет теневых доходов приведет к коррекции оценки благосостояния низших слоев общества в сторону уменьшения, а высших — в сторону увеличения.

Поскольку глубокое и растущее неравенство характерно не только для России, но и для многих других развитых стран [11], есть основания полагать, что отмеченные статистические коллизии будут характерны не только для отечественной экономики.

## ВЫВОДЫ

1. В условиях глубокого социально-экономического неравенства попадание высокообеспеченных

<sup>15</sup> Российский статистический ежегодник (2017). Федеральная служба государственной статистики Основные социально-экономические характеристики Российской Федерации. 1.1. Основные социально-экономические показатели. URL: [http://www.gks.ru/bgd/regl/b17\\_13/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_13/Main.htm) (дата обращения: 25.04.2019).

<sup>16</sup> Мода — значение во множестве наблюдений, которое встречается наиболее часто (мода — типичность).

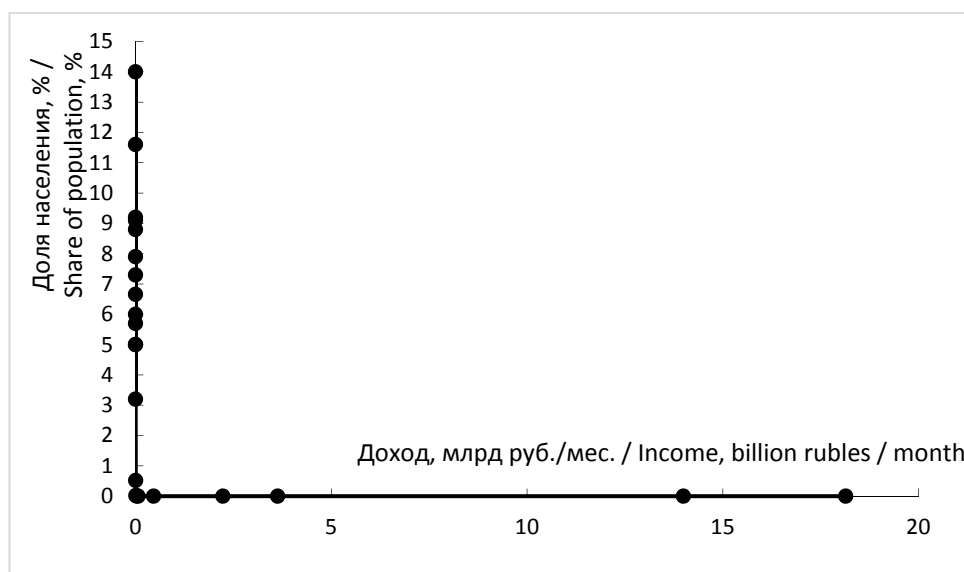
<sup>17</sup> Россия в цифрах-2017 г. Федеральная служба государственной статистики. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов (в процентах к итогу) 2016. URL: [http://www.gks.ru/bgd/regl/b17\\_11/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm) (дата обращения: 25.04.2019).

Таблица 4 / Table 4

**Скорректированное распределение населения по доходам /  
Adjusted income distribution of the population**

№ когорты	Левая граница когорты, млн руб./мес.	Правая граница когорты, млн руб./мес.	Доля населения, %	Тыс. чел. в когорте	Плотность распределения, чел.*мес./руб.	Доход когорты, млрд руб./мес.
Cohort No.	Left border of the cohort, mln rub./month.	Right border of the cohort, mln rub./month.	Share of the population, %	Th. people in the cohort	Distribution density, people *month./rub	Cohort income, bln rub./month.
	1	2	3	4	5	6
1	0,000	0,006	6,0	8790	1493,13	27,80
2	0,006	0,008	5,0	7325	4355,19	52,96
3	0,008	0,011	8,8	12 892	5110,0	122,34
4	0,011	0,014	9,1	13 332	5284,21	162,65
5	0,014	0,018	14,0	20 510	4877,67	324,38
6	0,018	0,023	11,6	16 994	4041,50	345,56
7	0,023	0,027	9,2	13 478	3205,32	334,97
8	0,027	0,032	7,3	10 695	2543,35	314,12
9	0,032	0,036	5,7	8351	1985,90	283,01
10	0,036	0,045	7,9	11 574	1376,18	470,68
11	0,045	0,054	5	7325	871,00	364,10
12	0,054	0,063	3,2	4688	557,44	275,39
13	0,063	0,083	6,7	9751	398,59	714,75
14	0,083	0,833	0,5	758	1,01	347,20
15	0,833	8,3	0,02	33,37	0,0044	152,96
16	8,3	41,7	0,003158	4,63	0,0001	115,65
17	41,7	83,3	0,000446	0,65	~0,0	40,81
18	83,3	833,3	0,000358	0,53	~0,0	240,63
19	833,3	3628,4	0,000025	0,04	~0,0	82,54
20	3628,4	3628,4	0,000001	0,001	–	3,63
21	13 995,1	13 995,1	0,000001	0,001	–	14,00
22	18 141,8	18 141,8	0,000001	0,001	–	18,14
Итого в месяц / Total in month						4573

Источник / Source: составлено авторами по данным Росстат, ФНС России и журнала «Форбс» / compiled by the authors according to Rosstat, Federal Tax Service and Forbes.



**Рис. / Fig. Скорректированная модель социально-экономического расслоения россиян, представленная полигоном частот / Adjusted model of socio-economic stratification of the Russians, represented by a polygon of frequencies**

Источник / Source: построено авторами по данным табл. 4 / Built by the authors according to the tabl. 4.

граждан в программу выборочного обследования домохозяйств весьма маловероятно и практически исключено. Использование даже больших выборок в условиях значительного социального расслоения не дает объективной картины распределения населения по доходам.

2. Сравнительный анализ расчетов суммарного дохода россиян из разных источников данных показал, что часть суммарного дохода определяется Росстатом как теневые доходы, хотя это статистически наблюдаемый легальный доход, полученный богатейшими гражданами страны, не попавшими в выборку домохозяйств, обследованных Росстатом.

3. Доходы, определенные Росстатом как теневые, приписываются не высокообеспеченным, а среднему и малообеспеченным слоям общества, что приводит к недооценке уровня социально-экономического неравенства.

4. Существующие оценки, ставящие Россию в топ-5 стран (наряду с Украиной, Азербайджаном, Нигерией и Шри-Ланкой) по доле теневой экономики, представляются завышенными. Оценка теневых доходов в России по состоянию на 2016 г. согласно нашему исследованию должна быть снижена с 25,67 до 17,75 трлн руб., т.е. с 47,46 до 32,81% от суммарного дохода граждан страны, или с 29,84 до 20,63% ВВП.

5. Уровень доходов большей части населения Российской Федерации (с 1-й по 13-ю когорты включительно) не менее чем на 16% ниже, чем показано в данных Росстата. Медиана уточненного распределения приходится на 6-ю когорту согласно классификации Росстата, а среднемедианный доход приблизительно равен 20,3 тыс. руб./мес. против 22,5 тыс. руб./мес. согласно исходным данным Росстата. Мода (соответствующая наибольшей плотности распределения) приходится на 4-ю когорту, а среднемодальный доход равен 12,2 тыс. руб./мес. против 13,5 тыс. руб./мес. согласно исходным данным Росстата.

6. Индекс Джини в 2016 г. составил с учетом выявленных статистических коллизий не менее 0,502 против 0,414 согласно исходным данным Росстата. Представленные результаты были получены в условиях отсутствия данных о теневых доходах высших слоев общества. В действительности расслоение российского общества более глубоко, чем показано в данной работе.

7. Построить статистически корректную социально-экономическую структуру российских домохозяйств можно в условиях значительного социального расслоения только на основе получения совокупности данных о всех домохозяйствах/максимального приближения данных к этому показателю.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кофанов Л.Л. Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. — Москва: Статут, 2006–575 с. URL: <http://scicenter.online/kniga-rimskoe-pravo-scicenter/reformyi-serviia-tulliia-kak-pervuiy-pravovoy-81799.html>. — ISBN 5–8354–0319–4.
2. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. — Москва: Эксмо, 2015. — 512 с. — ISBN 978–5–699–72540–3.
3. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016–592с. — ISBN 978–5–91103–271–5.
4. Викторов А. Ш. Поворот к неравенству в мире как вызов глобальной социологии // Социологические исследования. — 2015. — № 2. — С. 21–29. URL: [http://sosis.isras.ru/files/File/2015/2015\\_2/Viktorov.pdf](http://sosis.isras.ru/files/File/2015/2015_2/Viktorov.pdf). — ISSN 0132–1625
5. Кислицына О.А. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. — Москва: РИЦ ИСЭПН, 2005. — 376 с. URL: <http://kislitsyna.ru/data/files/inequality/Glava2.pdf>. — ISBN 5–87902–093–2.
6. Бутаева К. О. К вопросу о распределении денежных доходов населения России // Уровень жизни населения регионов России. — 2016. — Т. 200. — № 2. — С. 130–136. — ISBN 1999–9836. — DOI: 10.12737/20771
7. Капитанов В. А., Иванова А. А., Максимова А. Ю. Преимущества функции распределения как метода графического представления экономической структуры общества // Статистика и экономика. — 2018. — Т. 15. — № 1. — С. 4–16. — ISSN 2500–3925. — DOI: 10.21686/2500–3925–2018–1–4–16
8. Миронова А. А., Прокофьева Л. Е. Семья и домохозяйство в России: демографический аспект // Демографическое обозрение. — 2018. — Т. 5. — № 2. — С. 103–121. — ISSN 2409–2274. DOI: 10.17323/demreview.v5i2.7936
9. Войнова В. И. Доходное и расходное неравенство домохозяйств: декомпозиционный анализ // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2017. — Т. 57. — № 1. С. 94–100. — ISSN 1991–0533.
10. Макаров О., Фейнберг А. (2017). Россия вошла в пятерку стран с крупнейшей теневой экономикой РБК // Экономика. 30.06.2017. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff>.
11. Осипова О. С., Капитанов В. А. Динамика социального неравенства в цифровой экономике: взгляд из прошлого в будущее // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — Т. 11. — № 2. — С. 27–41. DOI: 10.26794/1999–849X-2018–11–2–27–40. — ISSN 1999–849X.

## REFERENCES

1. Kofanov L. L. Lex and ius: the emergence and development of Roman law in the VIII–III centuries. BC. Moscow: Statute; 2006. 575 p. URL: <http://scicenter.online/kniga-rimskoe-pravo-scicenter/reformyi-serviia-tulliia-kak-pervuiy-pravovoy-81799.html>. (In Russ.).
2. Stiglitz J. Price of inequality. Than the stratification of society threatens our future. Moscow: Eksmo; 2015. 512 p. (In Russ.).
3. Piketti T. (2016) Capital in the XXI century. Moscow: Ad Marginem Press; 2016. 592 p. (In Russ.).
4. Viktorov A. Sh. The turn to inequality in the world as a challenge to global sociology. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 2015;(2):21–29. (In Russ.). URL: [http://sosis.isras.ru/files/File/2015/2015\\_2/Viktorov.pdf](http://sosis.isras.ru/files/File/2015/2015_2/Viktorov.pdf).
5. Kislicyna O. A. Inequality in the distribution of income and health in modern Russia. Moscow: RES ISEPN; 2005. 376 p. URL: <http://kislitsyna.ru/data/files/inequality/Glava2.pdf>. (In Russ.).
6. Butaeva K. O. On the issue of distribution of monetary incomes of the population of Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = The standard of living of the population of the regions of Russia*. 2016;200(2):130–136. (In Russ.). DOI: 10.12737/20771
7. Kapitanov V. A., Ivanova A. A., Maksimova A. Yu. Advantages of the distribution function as a method of graphical representation of the economic structure of society. *Statistika i ekonomika = Statistics and Economics*. 2018;15(1):4–16. (In Russ.). DOI: 10.21686/2500–3925–2018–1–4–16

8. Mironova A.A., Prokof'eva L.E. Family and household in Russia: the demographic aspect. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. 2018;5(2):103–121. (In Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v5i2.7936
9. Vojnova V.I. Income and expenditure inequality of households: decomposition analysis. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Rostov State University of Economics*. 2017;57(1):94–100. (In Russ.).
10. Makarov O., Fejnberg A. Russia is among the five countries with the largest shadow economy. *RBC. Economy* 30 June 2017. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff>. (In Russ.).
11. Osipova O.S., Kapitanov V.A. Dynamics of social inequality in the digital economy: a look from the past to the future. *Ekonomika, nalogi, pravo = Economics, taxes & law*. 2018;11(2):27–41. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2018–11–2–27–40

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Виктор Анатольевич Капитанов** — кандидат технических наук, заместитель начальника отдела АО «НИИ «Полюс» им. М.Ф. Стельмаха», Москва, Россия  
kapitanov\_v\_a@mail.ru

**Александра Юрьевна Максимова** — кандидат технических наук, научный сотрудник государственного учреждения «Институт прикладной математики и механики», Донецк, Украина  
maximova.alexandra@mail.ru

**Ольга Степановна Осипова** — доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия  
olstepos@mail.ru

### ABOUT THE AUTHORS

**Viktor A. Kapitanov** — Cand. Sci. (Tech.), Deputy Head of Department, JSC Research Institute “Polyus” named after M.F. Stelmakh, Moscow, Russia  
kapitanov\_v\_a@mail.ru

**Alexandra Y. Maksimova** — Cand. Sci. (Tech.), Researcher at Institute for Applied Mathematics and Mechanics, Donetsk, Ukraine  
maximova.alexandra@mail.ru

**Olga S. Osipova** — Dr. Sci. (Soc.), Assoc. Prof., Prof. of Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia  
olstepos@mail.ru

#### **Заявленный вклад авторов:**

Капитанов В.А. — формулировка научных гипотез, оформление научного аппарата.

Максимова А.Ю. — расчеты.

Осипова О.С. — научное руководство исследованием: определение предмета, целей, задач, новизны исследования, дизайн статьи (структура и логика изложения материала).

#### **Authors' declared contribution:**

V.A. Kapitanov — scientific hypothesis formulating, scientific apparatus design.

A.Y. Maksimova — calculations.

O.S. Osipova — research scientific guidance — the research subject, purposes, tasks, novelty definition, article design (structure, logic of presentation of the material).

*Статья поступила 12.11.2019; принята к публикации 13.01.2020.*

*Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.*

*The article was received 12.11.2019; accepted for publication 13.01.2020.*

*The authors read and approved the final version of the manuscript.*

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-86-98  
УДК 330.52(045)  
JEL R12, C46, D30, H70

## Роль бюджетно-налоговой политики в формировании финансовых балансов регионов на примере Уральского федерального округа

Е.А. Захарчук<sup>а</sup>, А.Ф. Пасынков<sup>б</sup>, П.С. Трифонова<sup>с</sup>

Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

<sup>а</sup> <http://orcid.org/0000-0001-5546-8127>; <sup>б</sup> <http://orcid.org/0000-0001-5186-4130>;

<sup>с</sup> <http://orcid.org/0000-0002-3049-2873>

### АННОТАЦИЯ

*Предмет исследования* – финансовые ресурсы, возникающие в ходе формирования, распределения и использования добавленной стоимости территорий. *Цель работы* – создание методологического подхода к оценке финансовых балансов на уровне региона Российской Федерации на основе принципов построения системы национальных счетов на примере субъектов Российской Федерации, входящих в Уральский федеральный округ. В статье рассмотрены алгоритмы формирования и методы корректировки статистических данных показателей региональной модели финансовых потоков. В секторе «Корпорации» определен подход к переводу добавленной стоимости из отраслей в сектора, а также к условной замене располагаемых доходов предприятий на валовое накопление основного капитала. В секторе «Государственное управление» предложено исчислять доходы на валовой основе, а расходы дополнять прямыми федеральными субсидиями на территории, не отображаемые в консолидированных расходах субъектов Российской Федерации. В секторе «Домашние хозяйства» обоснована методика определения добавленной стоимости малого бизнеса в расходах и введен показатель «валовое накопление», а балансирующим показателем выступило чистое кредитование/заимствование. В итоге сформированы и проанализированы балансы финансовых потоков всех регионов Уральского федерального округа по секторам «Корпорации», «Государственное управление», «Домашние хозяйства», составлен сводный баланс движения финансовых ресурсов, определены тенденции в движении финансовых потоков в целом по округу. Согласно расчетам Уральский федеральный округ является донором финансовой системы Российской Федерации, направляя в другие территории около 4,7 трлн руб. в основном за счет Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

Разработанная методика и полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании бюджетно-налоговой политики, проводимой государством на федеральном и региональном уровнях, а также учете направлений движения финансовых потоков по секторам при распределении объема финансовых ресурсов между территориями.

**Ключевые слова:** финансовый баланс территории; система национальных счетов; институциональные сектора; регион; Уральский федеральный округ; бюджетно-налоговая политика

**Для цитирования:** Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф., Трифонова П.С. Роль бюджетно-налоговой политики в формировании финансовых балансов регионов на примере Уральского федерального округа. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(1):86-98. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-86-98

## ORIGINAL PAPER

# The Role of Budget and Tax Policy in the Formation of Financial Balances of Regions on the Example of the Ural Federal District

E.A. Zakharchuk<sup>a</sup>, A.F. Pasyнков<sup>b</sup>, P.S. Trifonova<sup>c</sup>

Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academe of Sciences, Ekaterinburg, Russia

<sup>a</sup> <http://orcid.org/0000-0001-5546-8127>; <sup>b</sup> <http://orcid.org/0000-0001-5186-4130>;<sup>c</sup> <http://orcid.org/0000-0002-3049-2873>

## ABSTRACT

*The subject of the research* is the financial resources originating in the course of forming, distributing and utilizing the added value of territories. *The purpose of the work* is to create a methodological approach to valuating financial balances at RF regional level basing on building principles of the system of national accounts on the example of subjects of the Russian Federation that are part of the Ural Federal district.

The article studies algorithms for generating and adjusting statistical data for indicators of the regional model of financial flows. Sector “Corporations” defines an approach to transferring value added from industries to sectors, as well as to conditionally replacing the disposable income of enterprises with gross fixed capital accumulation. Sector “Public administration” suggests calculating revenues on a gross basis, and supplementing expenses with direct Federal subsidies on the territory that are not reflected in the consolidated expenses of the subjects of the Russian Federation. In sector “Households”, the method of determining the added value of small businesses in expenses is justified and the indicator «gross accumulation» is introduced, and the balancing indicator is net lending/borrowing.

As a result, the financial flow balances of all regions of the Ural Federal district were formed and analyzed for the «Corporations», «Public administration», and «Households» sectors, a consolidated balance of financial resources was compiled, and trends in the movement of financial flows in the whole district were determined. According to calculations, the Ural Federal district is a donor to the financial system of the Russian Federation, sending about 4.7 trillion rubles to other territories, mainly at the expense of the Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets Autonomous districts.

The developed methodology and the results obtained can be used to improve the budget and tax policy pursued by the state at the Federal and regional levels, as well as to take into account the directions of financial flows by sector in the distribution of financial resources between territories.

**Keywords:** financial balance of a territory; the system of national accounts; institutional sectors; region; the Ural Federal District; budget and tax policy

**For citation:** Zakharchuk E.A., Pasyнков A.F., Trifonova P.S. The role of budget and tax policy in the formation of financial balances of regions on the example of the Ural Federal District. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2020;13(1):86-98. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-86-98

## ВВЕДЕНИЕ

Известно, что в Российской Федерации регионы развиваются по-разному, несмотря на политику федеральных властей, направленную на выравнивание экономических условий деятельности территорий. Большая дифференциация в финансовом развитии свойственна практически всем сферам деятельности регионов, начиная от промышленного производства, сферы услуг и заканчивая бюджетной обеспеченностью и реальными доходами населения. Однако исследования причин такой неравномерности в основном ограничиваются анализом структуры валового

регионального продукта (далее — ВРП) как основного источника благосостояния территорий, оказывающего непосредственное влияние на другие сферы жизни региона. Малоизученной областью исследований остается оценка движения финансовых потоков региональной системы, влияющих на формирование, распределение и использование добавленной стоимости региона. В российских условиях приток или отток финансовых ресурсов территорий зачастую существенно воздействует на динамику развития всех сфер жизнедеятельности региона и зависит от производственных, налоговых, торговых огра-

ничений при определении экономической политики отдельных территорий.

### ТЕОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ БАЛАНСОВ ТЕРРИТОРИЙ

Формирование финансовых балансов территорий началось в 1950-е гг. с построения системы национальных счетов (далее — СНС), представляющей собой систему взаимосвязанных статистических показателей в виде таблиц и счетов, характеризующих результаты экономической деятельности страны. В процессе развития СНС на уровне национальной экономики были сформированы методологические подходы к определению схемы расчета оттока/притока финансовых ресурсов, являющейся в категориях СНС балансирующей статьей и получившей название «чистое кредитование/заимствование» (*net lending/borrowing*) [1]. В условиях имеющихся систем регистрации финансовых потоков на национальном уровне расчет финансовых балансов не вызывает серьезных затруднений, поскольку опирается на данные по внешнеторговым операциям. Условно чистое кредитование/заимствование на межстрановом уровне позволяет устанавливать перемещение капитала (добавленной стоимости) между государствами путем сложения векторов финансовых потоков различных хозяйствующих субъектов.

Поскольку регистрацию финансовых потоков на территориальном уровне отследить практически невозможно, внутри национальной экономики наибольшее распространение получили системы отображения валовых доходов/расходов институциональных секторов экономики. Так, основным результирующим показателем деятельности территории на уровне региона выступает ВРП, исчисляемый в обобщенной форме как разница между выручкой предприятий и расходами на сторонние товары и услуги (промежуточное потребление). Несмотря на высокую значимость и информативность данного показателя, он не дает представления об использовании добавленной стоимости именно на территории конкретного региона, поскольку ресурсы могут перемещаться на другие территории. Особенно данное обстоятельство актуально для так называемых смешанных доходов ВРП, где заложена чистая прибыль предприятий, которая в российских условиях

концентрируется и расходуется по усмотрению головных организаций.

Поэтому в научных исследованиях, посвященных определению региональных финансовых балансов, сложились несколько направлений изучения и расчета финансовых потоков территорий. Например, в работе [2] рассматривается понятие «финансовые потоки» применительно к региональному уровню управления и предлагается классифицировать финансовые потоки региона на «внутренние-внешние» по отношению к региону в целом и «входящие-исходящие» в части каждого участника финансовых отношений. В то же время такое деление ограничивается только бюджетными финансовыми потоками в контексте взаимоотношений между уровнями бюджетной системы, существенно снижая уровень понимания происходящих процессов в движении ресурсов региона. Следует отметить, что данный подход широко распространен в современной российской науке. Так, в работе [3] регулирование финансовых потоков регионов рассматривается как установление соотношения собственных средств регионального бюджета и безвозмездных трансфертов из вышестоящих бюджетов и делается упор на перераспределение финансовых ресурсов в пользу региона. В статье [4] под бюджетными финансовыми потоками региональной системы Российской Федерации понимается динамика доходов и расходов консолидированного бюджета региона, хотя и признается, что проблему движения средств необходимо рассматривать шире.

В то же время ряд исследователей [5] отмечает, что финансовые потоки территории могут быть представлены в виде модели кругооборота доходов, а первичная генерация новых финансовых ресурсов и наполнение ими каналов движения финансовых потоков происходят в реальном секторе экономики.

Расширенное понимание финансовых потоков региона дается в работе [6], где под термином «финансовая система» подразумевается совокупность финансовых отношений, охватывающих формирование и использование первичных, производных и конечных денежных потоков. Здесь же отмечается, что ключевым аналитическим инструментом движения всех финансовых ресурсов региона служит его сводный финансовый баланс. По мнению автора, такой баланс включает «финансы субъектов хозяйствования в регионе, средства



бюджета и внебюджетных фондов, внешние поступления финансовых ресурсов и перечисления в федеральную систему, часть денежных средств населения, изымаемых в виде подоходного налога, госпошлин, сборов».

По нашему мнению, неправильно сужать предмет исследования до налогово-бюджетных взаимоотношений федеральных и территориальных уровней управления, а также до представления региональной финансовой системы как замкнутой, поскольку в современной экономической системе основными ресурсами располагают как предприятия, производящие товары и оказывающие услуги, так и население, их потребляющее, а роль государственных финансов все-таки заключается в распределительной функции и охватывает лишь около 20% валового продукта в стране. К тому же перемещение финансовых потоков между хозяйствующими субъектами и территориями внутри страны не может в полной мере отражать эффективность формирования и распределения финансовых ресурсов. Например, значительная часть налоговых платежей, формируемых на территориях, напрямую зачисляется в федеральный бюджет и не отражается в финансовых балансах региона, существенно искажая исходные данные.

Другим направлением формирования матриц финансовых потоков территорий, наиболее приближенным по методологии построения к СНС, является матрица социальных счетов (далее — МСС) или *Social Accounting Matrix (SAM)*, являясь, по мнению его приверженцев, одним из перспективных инструментов для характеристики, анализа и моделирования потоков доходов и расходов региональных экономических агентов, выделяемых по воспроизводственным, отраслевым, секторальным или институциональным основаниям. Основные проблемы, затрудняющие использование классической модели межотраслевого баланса на региональном уровне, достаточно информативно рассмотрены в работе [7], где описаны возможности и ограничения применения модели *SAM* в аналитических и прогнозных расчетах развития регионов. В другой работе [8] определены возможности использования *SAM* для комплексного анализа экономических процессов, включая перераспределение доходов, а также описан алгоритм расчета мультипликатора социальных счетов.

В Балтийском федеральном университете им. И. Канта группа исследователей провела экспери-

ментальное моделирование консолидированных региональных счетов Калининградской области [9], на основе которых была построена МСС и проведено моделирование мультипликативных эффектов во всей региональной воспроизводственной цепочке.

Матрица финансовых потоков, будучи «продолжением» СНС на региональном уровне, служит достаточно эффективным инструментом изучения распределения финансовых потоков на региональном уровне. Однако сложности с информационным наполнением таблиц на территориальном уровне, а также структурная ограниченность модели *SAM* уменьшают возможности применения матриц для анализа движения финансовых потоков, что подтверждается постепенным затуханием интереса в мировой научной литературе к данной тематике.

Наиболее близкой к рассматриваемой модели движения финансовых ресурсов является модель межсекторальных финансовых потоков (далее — ММФП), являющаяся важной частью модельного комплекса «Прогноз», которая применяется для построения системы согласованных прогнозных показателей на уровне России в целом [10].

ММФП — многоблочная модель, в которой для каждого институционального сектора выделен свой модельный блок. Блоки объединены системой связей, отражающих движение финансовых средств из одного сектора в другой (в том числе в остальной мир) в соответствии с методологией СНС. По каждому внутреннему сектору в логической последовательности моделируются показатели шести счетов (счета производства и образования доходов, первичного и вторичного распределения доходов, счет использования располагаемого дохода и счет операций с капиталом) и показатели международной инвестиционной позиции. В блоке «финансовые корпорации» выделен подблок «кредитные организации» и присутствуют сводные блоки «консолидированные счета» и «платежный баланс». В то же время возможности ММФП на территориальном уровне сильно ограничены, поскольку реестр показателей финансовых потоков достаточно узок.

Применительно к региональному уровню управления попытка создания матрицы финансовых потоков на основе методологии построения таблиц «затраты-выпуск» предпринимается новосибирскими учеными [11]. В его основе лежит материально-вещественный баланс территорий, трансформируемый в межрегиональный финансо-

вый баланс «платежи-доходы». При создании экспериментальной модели были проведены расчеты по 23 регионам Российской Федерации в разрезе 53 отраслей. По нашему мнению, использование данного подхода не дает должного эффекта, хотя оно и опирается на большой комплекс моделей межрегионального взаимодействия. В его основе лежит проект «СИРЕНА». Однако несогласованность материальных и финансовых потоков может приводить к рассогласованию конечных результатов по оценке финансовых потоков регионов и муниципальных образований.

### МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ БАЛАНСОВ РЕГИОНОВ

Предлагаемый авторами данной статьи подход к формированию финансовых балансов регионов Российской Федерации основывается на ранее опубликованных теоретико-методологических обоснованиях [12, 13] переноса концептуальных принципов и подходов СНС на территориальный уровень.

Используемый подход базируется на основных положениях формирования авторской системы территориальных счетов, в основе которых:

- выделение на региональном уровне трех (вместо пяти в центральных СНС) институциональных секторов: «Корпорации», «Государственное управление» и «Домашние хозяйства»;
- рассмотрение взаимоотношений регионов Российской Федерации с другими территориями в качестве аналога операций по счету «Остальной мир»;
- с учетом отсутствия возможностей по регистрации ряда финансовых потоков на региональном уровне управления применение ряда методов по перемаршрутизации данных, а также по расчету необходимых показателей счетов.

В целом финансовый баланс регионов Российской Федерации строится в разрезе институциональных секторов, где (согласно концепции построения СНС) сектор «Корпорации» (включая финансовые и нефинансовые организации) является начальной точкой формирования добавленной стоимости территории, сектор «Государственное управление» отвечает за перераспределение доходов между субъектами хозяйственной деятельности, а домашние хозяйства, с одной стороны, служат конечными получателями доходов, а с другой

стороны, обеспечивают спрос на товары и услуги других секторов.

Для более полного понимания методов построения финансовых балансов на уровне региона рассмотрим основные положения по их построению в разрезе институциональных секторов.

**Сектор «Корпорации».** В российских региональных счетах представление информации по формированию добавленной стоимости ведется в разрезе отраслей или видов экономической деятельности (ОКВЭД). Поэтому для формирования балансов по секторам необходимо преобразовать эти данные. Самым простым способом конвертации данных статистики из ОКВЭД в институциональные сектора является включение добавленной стоимости территорий по разделам А–К Общего классификатора видов экономической деятельности полностью в корпоративный сектор и отнесение оставшихся отраслей к сектору «Государственное управление». Это объясняется тем, что подразделы «L (Государственное управление)», «M (Образование)», «N (Здравоохранение)» в значительной своей части образуют добавленную стоимость государственного сектора, позволяя с некоторой долей условности формировать необходимые расчетные данные.

При рассмотрении ресурсов сектора «Корпорации» необходимо к расчетным данным по формированию добавленной стоимости прибавлять так называемые налоги на производство и импорт, не учитываемые в ВРП регионов, так как в СНС данные налоги (экспортно-импортные пошлины, налог на добычу полезных ископаемых, акцизы, налог на добавленную стоимость и т.д.) воспринимаются как не входящие в состав добавленной стоимости (т.е. не создающие стоимость, косвенные налоги), соответственно в российской статистической системе они не учитываются в региональном разрезе, а «вшиваются» отдельно в национальные счета. В то же время среди экономистов имеется другая точка зрения, согласно которой данные сборы все-таки являются частью валового продукта, поскольку косвенные платежи также формируют стоимость продукта на свободном рынке. По нашему мнению, в ресурсах территорий по сектору «Корпорации» необходимо учитывать налоги на производство (без импорта и экспорта, поскольку невозможно их распределить по территориям), так как для многих регионов, особенно специализирующихся на добыче полезных ископаемых, данные

платежи представляют собой существенную часть добавленной стоимости территорий.

Таким образом, с одной стороны, в качестве ресурсов в формируемых финансовых балансах по сектору «Корпорации» выступают расчетные данные по финансовым и нефинансовым организациям, а также уплаченная сумма налогов на производство. С другой стороны, счета, на которых происходит использование финансовых ресурсов сектора в соответствии с методологией построения СНС, отображаются по категориям: заработная плата наемных работников (с начислениями в социальные фонды), другие налоги на производство и валовой смешанный доход.

Заработная плата отображается в региональной статистике и служит ресурсным показателем для домашних хозяйств. Такая же ситуация складывается с налогами на производство. В то же время для балансировки финансовых счетов необходимо определиться с использованием валовых смешанных доходов сектора «Корпорации», поскольку фактически они представляют собой свободный денежный поток предприятий, используемый не только в рамках региона. Поэтому предлагается в качестве балансирующего показателя применять суммы инвестиций и выплаченных дивидендов корпоративным сектором. Таким образом, разница между сформированной и использованной добавленной стоимостью сектора на уровне региона Российской Федерации будет показывать либо отток ресурсов (во внешний мир), либо их приток (через привлечение капитала).

**Сектор «Государственное управление».** Государственное управление ресурсами (доходами) реализуется посредством налоговых и неналоговых платежей, поступающих в бюджетную систему Российской Федерации. В отличие от общепринятого подхода, разделяющего налоговые платежи по уровням бюджетной системы (федеральные, региональные, местные), авторы данной статьи полагают, что в финансовых балансах необходимо учитывать общий поток платежей, исходящих с территории, поскольку дальнейшее перераспределение финансовых потоков между уровнями бюджетной системы носит условный характер по причине сложившихся правил в финансовой системе государства.

В целях гармонизации методологии СНС и существующей налоговой системы Российской Фе-

дерации предлагается классифицировать платежи по схеме национальных счетов:

- налоги на продукты (НДС, НДСП и акцизы);
- другие налоги на производство, включенные в счета использования сектора «Корпорации», куда входят налоги на имущество, земельный и транспортный налоги юридических лиц, а также платежи за пользование природными ресурсами (кроме НДСП);
- налоги на доходы от предпринимательской деятельности (налог на прибыль организаций, а также налоги, взимаемые при применении упрощенных режимов налогообложения) и домашних хозяйств (налог на доходы физических лиц, налоги на имущество и др.).

С точки зрения теории в финансовых балансах территорий целесообразно выделять еще один подсектор в рамках государственного управления — программы социального обеспечения, куда включаются финансовые потоки территорий Пенсионного фонда Российской Федерации (далее — ПФР), Фонда социального страхования Российской Федерации (далее — ФСС) и Федерального фонда обязательного медицинского страхования (далее — ФФОМС). Однако сложности по установлению потоков этих фондов на региональном уровне, запутанность и многоканальность их финансирования требуют отдельного исследования. Поэтому в данной работе применялись методы перемаршрутизации данных на региональном уровне. Например, взносы, уплачиваемые в пенсионную систему страны, отображаются в расходах корпораций на рабочую силу, а выплаты пенсий учитываются в составе доходов домашних хозяйств, балансируясь «внутри» счетов.

Использование финансовых ресурсов сектора «Государственное управление» рассматривается так же широко, как объем всех денежных средств, израсходованных на территории через различные бюджетные каналы. В них включаются:

- пособия в денежной и натуральной форме, переданные домашним хозяйствам из всех источников (в том числе из ПФР);
- заработная плата госсектора, под которым понимается расширенный список отраслей, в том числе образование, здравоохранение и т.д.;
- конечное потребление госсектора в методологии СНС, рассматривающееся как затраты органов власти на товары и услуги, аналог промежуточного потребления в корпоративном секторе;

- инвестиции или расходы на капитальные вложения из всех источников (федеральный, региональный и местные бюджеты).

В итоге разница между собранными сборами и платежами с экономики региона и израсходованными средствами на территории представляет собой чистое кредитование/заимствование остального мира по сектору «Государственное управление».

**Сектор «Домашние хозяйства».** Ресурсом сектора является в первую очередь заработная плата, полученная от остальных секторов. В нем также учитывается предпринимательский доход малого бизнеса (упрощенная система налогообложения) как часть некорпорированного сектора. Другим источником доходов являются доходы от собственности (получаемые в виде дивидендов, авторских вознаграждений и т.д.), а также социальные выплаты от государственного сектора в виде пенсий, социальных пособий, различных выплат денежного характера и т.д.

Использование ресурсов сектора традиционно разделяется на конечное потребление (т.е. приобретение товаров и услуг для личного потребления) и налоговые платежи в бюджет (данные из сектора государственного управления). Особенностью построения системы территориальных счетов в данном секторе является выделение счета валового накопления домашних хозяйств как расчетной суммы вложений в приобретение жилья и изменений в обязательствах кредитных учреждений, поскольку в национальных счетах они относятся к счету «Сбережения» и играют балансирующую роль.

Соответственно на региональном уровне балансирующим показателем доходов и расходов домашних хозяйств выступает чистое кредитование/заимствование сектора, показывающее приток/отток денежных средств населения на данной территории.

## ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Разработанный авторами данной статьи алгоритм построения региональной балансовой модели финансовых потоков был реализован в среде *Microsoft Excel*. Центральными счетами матрицы региональных финансовых потоков выступают таблицы секторов «Корпорации», «Государственное управление», «Домашние хозяйства», сформированные на отдельных листах

программы, во взаимной увязке расчетных показателей между секторами по принципу двойной записи. На каждый субъект Российской Федерации строится отдельная матрица финансовых потоков ввиду большого объема информации по каждому из блоков.

Первичные данные, необходимые для внесения в таблицы секторов, представляются на отдельных листах по источнику данных, так как они реализуются в статистике. Например, на лист «Поступления в бюджетную систему Российской Федерации» переносится основная структура метаданных из налоговой статистики, затем формируются алгоритмы и взаимосвязи между листами секторов и первичных данных. В данном случае проводится увязка (путем суммирования) данных с сектором «Корпорации» (показатель: налоги на производство и импорт) нескольких показателей, таких как выплаченный налог на добавленную стоимость, акцизы по подакцизным товарам и рента. Эти же показатели вносятся по сектору государственное управление в ресурсную часть. Таким образом, сформированные взаимосвязи преобразуются в аналитическую таблицу агрегированных счетов формирования и распределения финансовых потоков региона, а затем эти таблицы сводятся по необходимой выборке.

По данной схеме были сформированы и проанализированы балансы финансовых потоков всех регионов Уральского федерального округа [Курганская область, Свердловская область, Тюменская область (без округов), ХМАО-Югра, ЯНАО и Челябинская область] по секторам «Корпорации», «Государственное управление», «Домашние хозяйства», а также составлен сводный баланс движения финансовых ресурсов Уральского федерального округа за 2010 и 2015 гг.

Построение дезагрегированных матриц финансовых потоков субъектов Российской Федерации, входящих в Уральский федеральный округ (*пример матрицы приведен в приложении*), позволил сделать следующие выводы в разрезе территорий.

*Курганская область.* Сельскохозяйственная специализация области и отсутствие крупной промышленности предопределили слабость финансовых балансов территории. По корпоративному сектору низкая инвестиционная активность предприятий обуславливает значительное изъятие капитала с территории области. В результате около трети добавленной стоимости корпораций

выводится за пределы Курганской области. При этом динамика оттока средств ухудшается: если в 2010 г. вне пределов области использовались 33,8 млрд руб. (31% от ресурсов сектора «Корпорации»), то в 2015 г. — 46,4 млрд руб., или 34%. В то же время по сектору государственное управление наблюдается «приток» финансовых ресурсов на территорию в виде дотаций ввиду того, что она расходует в два раза больше бюджетных ресурсов, чем собирает налогов во все уровни бюджетной системы. Вследствие разных сумм дотаций из вышестоящих бюджетов (25,7 млрд руб. в 2010 г., против 29,2 млрд руб. в 2015 г.) коэффициент обеспеченности собственной налоговой базы за пять лет улучшился (с 0,37 до 0,43). Самое удивительное состоит в том, что расчеты показывают положительный приток средств населения области, сформированный, по всей видимости, трудовыми ресурсами, работающими за пределами мест проживания. Так, в 2010 г. жители Курганской области потратили на 7,1 млрд руб. больше, чем заработали на территории области (или 6,4% от общих доходов), а в 2015 г. превышение составило лишь 2,1 млрд руб. (1,4%), что свидетельствует о снижении трудовой миграции населения.

*Свердловская область.* Региональные счета территории показали наиболее сбалансированное финансовое развитие региона в Уральском федеральном округе. Несмотря на то что по корпоративному сектору также происходит отток добавленной стоимости, он относительно невелик (около 25%) и снижается по сравнению с 2010 г. (35%). Несмотря на большой промышленный потенциал, Свердловская область также является дотационным регионом по сектору «Государственное управление», причем ситуация ухудшается вследствие возросших затрат на заработные платы бюджетного сектора и увеличения доли бюджета, расходуемой на социальные пособия. Если в 2010 г. бюджетных средств было израсходовано на 33,2 млрд руб. больше, чем собрано налогов, то в 2015 г. разрыв составил 73,9 млрд руб., или немногим меньше 30% от общих расходов. Согласно приведенным расчетам Свердловская область является в Уральском федеральном округе лидером по привлечению средств населения на собственную территорию: если в 2010 г. домашние хозяйства потратили на 283 млрд руб. больше, чем заработали резиденты, то в 2015 г. этот по-

казатель вырос до 400 млрд руб., сделав общее чистое кредитование/заимствование региона отрицательным.

*Тюменская область (без автономных округов).* Регистрация ряда головных офисов компаний, занимающихся добычей углеводородного сырья в Тюменской области, отразилась на структуре балансов по сектору «Корпорации». При небольшом населении, а также отсутствии промышленной базы валовая добавленная стоимость (далее — ВДС) сектора в 2010 г. превысила добавленную стоимость Челябинской области, хотя в 2015 г. ситуация поменялась. Поскольку фактически добавленная стоимость, сформированная в Тюменской области, является транзитной от сырьевых «дочек» севера области, эта область является лидером среди территорий Уральского федерального округа по изъятию капитала — около половины добавленной стоимости уходит из региона. Судя по всему, искажение реальной ВДС Тюменской области приводит к завышению показателей эффективности экономики, таких как инвестиции и налоговая база (это единственный регион, который оказался в отрицательных значениях по распределению прибыли консолидированных налогоплательщиков). Однако эта область имеет отрицательный баланс по сектору государственного управления и является лидером по бюджетным инвестициям. Поэтому, судя по расчетам, в Тюменской области недостаточно своих ресурсов для покрытия бюджетных расходов, и тенденция «сползания» в дотационность все более усиливается, так как в 2010 г. дефицит составлял около 30% от расходов, а в 2015 г. он приблизился к 50%. Вливания в бюджет области денежных средств отражаются на использовании ресурсов домашних хозяйств: Тюменская область стала второй по величине привлекательной территорией для домашних хозяйств, демонстрируя впечатляющие темпы расходов на сбережение (строительство жилья). Порядка трети всех расходов домашних хозяйств на территории округа являются «внешними», обеспечивая лидерство Тюменской области по привлечению средств населения относительно собственных ресурсов.

*Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО).* Основная нефтяная провинция России является лидером по добавленной стоимости сектора «Корпорации» в Уральском федеральном округе: в 2015 г. ВДС составил почти 4,6 трлн руб.

по сравнению с 2,75 трлн руб. в 2010 г. Понятно, что такой впечатляющий рост произошел за счет курсовой разницы и повышения цен на углеводородное сырье. К тому же в составе добавленной стоимости заметную роль играют налоги на производство (в основном НДС) — рост с 880 до 1681 млрд руб. в рассматриваемом периоде. В то же время использование средств предприятиями на территории Югры в 2015 г. в сумме составило лишь 1,755 трлн руб., из них инвестиции — немногим более 700 млрд руб. Следовательно, отток капитала у сектора составил более чем 1,2 трлн руб., при этом в 2010 г. он равнялся 148 млрд руб. В то же время по сектору «Государственное управление» с территории ХМАО заметен еще более значительный отток финансовых ресурсов: при собранных налогах на сумму почти 2 трлн руб. (включая НДС) в округе потребляются бюджетные ресурсы только на сумму 171 млрд руб., или менее 10%! Еще одним каналом оттока финансовых ресурсов являются домашние хозяйства — немногим менее четверти всех доходов используется населением вне пределов Югры, на общую сумму порядка 194 млрд руб. в 2015 г., что в абсолютном выражении также рекорд для регионов Уральского федерального округа.

В целом, как показывают расчеты, по всем институциональным секторам из ХМАО в 2015 г. было изъято более 3,1 трлн руб., что сопоставимо с суммарным ВРП Свердловской и Челябинской областей.

**Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО).** Балансовые соотношения ЯНАО по институциональным секторам похожи с Югрой, только в меньших масштабах. Отток финансовых ресурсов по сектору «Корпорации» составил лишь 25% валовой добавленной стоимости по причине высокой инвестиционной активности предприятий (объем инвестиций — 757 млрд руб., что больше чем в ХМАО). Изъятие ресурсов через налоговую систему составило почти 650 млрд руб. при использовании бюджетных ресурсов на территории округа в 136 млрд руб. Наиболее значительный отток денежных ресурсов у ЯНАО происходит по сектору домашних хозяйств: из 414 млрд руб., заработанных резидентами округа, на территории было израсходовано лишь 163 млрд руб., а 40% доходов были вывезены населением (местными и «вахтовиками») за пределы автономного округа.

В целом по всем каналам из ЯНАО было изъято около 1,25 трлн руб. Это меньше чем из Югры, однако если проводить сравнение на основе численности населения (540 тыс. чел. в ЯНАО и 1612 тыс. чел. в ХМАО по состоянию за 2015 г.), то отток финансовых ресурсов из ЯНАО значительно больше, чем из Югры (2,31 млн руб. на жителя ЯНАО против 1,92 млн у ХМАО).

**Челябинская область.** Финансовые балансы области похожи на балансы большинства регионов России: *во-первых*, наблюдается значительный отток ресурсов по сектору «Корпорации», что достаточно много для промышленно развитого региона; *во-вторых*, недостаток своей налоговой базы восполняется федеральным финансированием госсектора (в основном за счет прямых расходов на правоохранительные органы и военные объекты), а расходы и доходы домашних хозяйств примерно совпадают (т.е. население и не «привозит», и не «вывозит» финансовые ресурсы из региона). В целом чистое/кредитование заимствование Челябинской области сводится со знаком «+» на уровне 250 млрд руб., т.е. из экономики региона ежегодно изымается около четверти добавленной стоимости, созданной промышленностью.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Используемый в настоящей статье метод построения финансовых балансов регионов Российской Федерации является наиболее приближенным к методологии построения СНС, а применяемые методы корректировки ряда показателей и счетов не противоречат базовым принципам национального счетоводства.

Несмотря на ряд проблем с информационной базой, а также несовершенство методологии учета показателей Росстата на региональном уровне, в настоящей работе сделана попытка взаимной увязки счета формирования, распределения и использования добавленной стоимости регионов Уральского федерального округа, позволяющей отследить движение финансовых ресурсов как по институциональным секторам, так и территориям в целом.

Проведенные расчеты показали, что в целом по Уральскому федеральному округу складываются следующие тенденции в движении финансовых потоков:

- у всех регионов округа изымается добавленная стоимость корпоративного сектора; причем

наибольшее значение изымаемой добавленной стоимости у Тюменской области, наименьшее — у ЯНАО и Свердловской области. В среднем изъятие составляет 34% от ВДС;

- финансовые балансы сектора «Государственное управление» показывают разнонаправленное движение: у ХМАО и ЯНАО изымаются значительные средства через налоговую систему, остальные промышленные регионы не покрывают своих нужд собранными налогами;

- происходит отток денежных средств населения из нефтегазовых регионов ЯНАО и ХМАО; наблюдается привлечение значительных средств населения у Тюменской области и достаточно большого объема финансовых ресурсов в Свердловскую область, в то время как Курганская и Челябинская область в целом «выходят в ноль». По нашему мнению, результаты расчетов свидетельствуют о реальных сложившихся потоках средств домохозяйств на территории Уральского федерального округа — отток средств населения с северных территорий и приток в Тюменскую

область (являющийся региональным центром нефтегазового района) и Свердловскую область (в основном в Екатеринбург — торговую и административную столицу Уральского федерального округа).

В целом, если рассматривать Уральский федеральный округ как единую институциональную единицу, то он является донором финансовой системы Российской Федерации, направляя в другие территории около 4,7 трлн руб., в основном за счет Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

Полученные результаты могут служить основой для формирования новых принципов денежно-кредитной политики государства по распределению финансовых средств между регионами Российской Федерации, основанных на балансовой оценке формирования и распределения ресурсов. В этом случае, помимо традиционных показателей оценки региона (ВВП, доходы населения и т.д.), возможно использование показателей оттока/притока финансовых ресурсов.

## БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проекта № 18–010–01001 «Сектор «Государственное управление»: формирование финансовых балансов регионов и муниципальных образований на основе принципов Системы национальных счетов».

## ACKNOWLEDGEMENT

The study was carried out with the financial support of the RFBR project No. 18–010–01001 «Public administration Sector»: formation of financial balances of regions and municipalities based on the principles of the system of national accounts”.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Meade, J.E., Stone Richard. The Construction of Tables of National Income, Expenditure, Savings and Investment. *The Economic Journal*. 1951;202/203 (1941):216–233. DOI: 10.2307/2226254
2. Лазичева Е.А. Исследование сущности финансовых потоков // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 329. — С. 186–189. — ISSN 1561–7793.
3. Ишина И.В., Алоева М.Т. Регулирование финансовых потоков депрессивных регионов (на примере Кабардино-Балкарской республики) // Аудит и финансовый анализ. — 2008. — № 2. — С. 446–451. — ISSN 0236–2988.
4. Ахметвалеева Г.М. Региональные проблемы несбалансированности финансовых потоков // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2016. — № 5. — С. 52–64. — ISSN 2073–4484.
5. Бескоровайная Н.С. Финансовые потоки в системе управления региональной экономикой // Финансы и кредит. — 2006. — № 10 (214). — С. 23–29. — ISSN 2071–4688.
6. Голованова Л.А., Крылова А.И., Новоселова А.В. Сущность финансовой системы региона // Ученые заметки ТОГУ. — 2016. — Т. 7. — № 4–1. — С. 610–617. — ISSN 2079–8490.
7. Дондоков З.Б.-Д. Межотраслевые модели анализа и прогнозирования социально-экономического развития региона // Вестник БНЦ СО РАН. — 2018. — № 2. — С. 98–103. — ISSN 2222–9175. — DOI: 10.31554/2222–9175–2018–30–98–103

8. Дондоков З.Б.-Д. Моделирование межотраслевых взаимосвязей производства, потребления и доходов населения: мировой и отечественный опыт // *Фундаментальные исследования*. — 2018. — № 12. — С. 306–310 — ISSN 1812-7339.
9. Солдатова С.Э., Волошенко К.Ю., Огнева Н.Ф. Матричное представление показателей системы региональных счетов Калининградской области: экспериментальная разработка и перспективы моделирования // *Балтийский регион*. — 2015. — № 3 (25). — С. 126–137. — ISSN 2074-9848. — DOI: 10.5922/2074-9848-2015-3-8
10. Стрижкова Л.А. Принцип построения модели межсекторальных финансовых потоков // *Сборник научных трудов ИМЭИ*. — 2014. — № 4. — С. 176–201. — ISSN 2306-4080.
11. Мелентьев Б.В. Прогнозирование финансовых потоков на основе межрегиональных межотраслевых моделей // *Экономика и математические методы*. — 2016. — Т. 52. — № 3. — С. 50–64. — ISSN 0424-7388.
12. Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф. Региональная балансовая модель финансовых потоков на основе секторального подхода Системы национальных счетов // *Экономика региона*. — 2017. — Т. 13. — № 1. — С. 318–330. — ISSN 2072-6414. — DOI: 10.17059/2017-1-28
13. Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф. Сравнение финансовой устойчивости регионов РФ и Монголии на основе системы национальных счетов // *Экономика региона*. — 2015. — № 2 (42). — С. 247–259. — ISSN 2072-6414. — DOI: 10.17059/2015-2-20

## REFERENCE

1. Meade J. E., Richard Stone. The construction of tables of national income, expenditure, savings and investment. *The Economic Journal* 51, no.202/203(1941):216–33. DOI: 10.2307/2226254
2. Lazicheva E. A. Investigation of the essence of financial flows. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2009;(329):186–189. (In Russ.).
3. Ishina I. V., Aloveva M. T. Regulation of financial flows of depressed regions (on the example of the Kabardino-Balkarian Republic). *Audit i finansovyy analiz = Audit and financial analysis*. 2008;(2):446–451. (In Russ.).
4. Akhmetvaleeva G. Regional problems of unbalanced financial flows. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*. 2016;(5):52–64. (In Russ.).
5. Beskorovaynaya N. S. Financial flows in the regional economy management system. *Finansy i kredit = Finance and credit*. 2006;10(214):23–29. (In Russ.).
6. Golovanova L. A., Krylova A. I., Novosyolova A. V. The essence of the financial system of the region. *Uchenyye zametki TOGU = Togu Science Notes*. 2016;7(4-1):610–617. (In Russ.).
7. Dondokov Z. B.-D. Intersectoral models of analysis and forecasting of the socio-economic development of the region. *Vestnik BNTS SO RAN = Bulletin of BSC SB RAS*. 2018;(2):98–103. (In Russ.) DOI: 10.31554/2222-9175-2018-30-98-103
8. Dondokov Z. B.-D. Modeling of inter industry interconnections of production, consumption and population incomes: world and domestic experience. *Fundamental'nyye issledovaniya = Fundamental Research*. 2018;(12):306–310. (In Russ.).
9. Soldatova S. E., Voloshenko K. Yu., Ogneva N. F. Matrix presentation of indicators of the system of regional accounts of the Kaliningrad region: experimental development and modeling prospects. *Baltiyskiy region = Baltic Region*. 2015;3(25):126–137. (In Russ.). DOI: 10.5922/2074-9848-2015-3-8
10. Strizhkova L. A. The principle of constructing a model of intersectoral financial flows. *Sbornik nauchnykh trudov IMEMI = Collection of scientific papers IMEMI*. 2014;(4):176–201. (In Russ.).
11. Melentiev B. V. Prediction of financial flows based on interregional intersectoral models. *Ekonomika i matematicheskiye metody = Economics and Mathematical Methods*. 2016;52(3):50–64. (In Russ.).
12. Zakharchuk E. A., Pasyнков A. F. Regional balance model of financial flows through sectoral approaches system of national accounts. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2017;13(1):318–330. (In Russ.). DOI: 10.17059/2017-1-28
13. Zakharchuk E. A., Pasyнков A. F. Comparison of the financial stability of the regions of the Russian Federation and Mongolia based on the system of national accounts. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2015;2(42):247–259. (In Russ.). DOI: 10.17059/2015-2-20.



## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Екатерина Александровна Захарчук** — кандидат экономических наук, доцент; руководитель Центра стратегического развития территорий, Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия  
zakhartchouk@mail.ru

**Алексей Федорович Пасынков** — кандидат экономических наук, доцент; заведующий сектором финансового и стратегического развития, Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия  
monografia@mail.ru

**Полина Сергеевна Трифонова** — младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; Екатеринбург, Россия  
pol.trifonova2018@yandex.ru

## ABOUT THE AUTHORS

**Yekaterina A. Zakharchuk** — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof.; Head of the Center for Strategic Territory Development, Institute of Economics UB RAS, Ekaterinburg, Russia  
zakhartchouk@mail.ru

**Alexei F. Pasyнков** — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof.; Head of Sector for Financial and Strategic Development, Institute of Economics UB RAS, Ekaterinburg, Russia  
monografia@mail.ru

**Polina S. Trifonova** — Junior Researcher; Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Yekaterinburg, Russia  
pol.trifonova2018@yandex.ru

### **Заявленный вклад авторов:**

Захарчук Е.А. — научное руководство исследованием; теоретическое обоснование к оценке финансовых балансов территорий, выводы по работе.

Пасынков А.Ф. — методологическое обоснование трансформации статистических данных в сопоставимый с СНС вид, проведение расчетов по институциональным секторам, описание финансовых балансов субъектов УрФО.

Трифонова П.С. — сбор и обработка информации из открытых источников, внесение данных в модель финансовых потоков регионов УрФО, предварительные расчеты по модели.

### **Authors contribution statement:**

E. A. Zakharchuk — scientific management of the research; theoretical justification for the assessment of financial balances of territories, conclusions on the work.

A. F. Pasyнков — methodological justification for the transformation of statistical data into a form comparable to the SNA, performing calculations for institutional sectors, describing the financial balances of the subjects of the UrFD.

P. S. Trifonova — collection and processing of information from open sources, entering data into the model of financial flows of the regions of the Ural Federal District, preliminary calculations on the model.

*Статья поступила 05.10.2019; принята к публикации 08.01.2020.*

*Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.*

*The article was received 05.10.2019; accepted for publication 08.01.2020.*

*The authors read and approved the final version of the manuscript.*

**Финансовый баланс регионов Уральского федерального округа по сектору «Государственное управление» в 2015 г., млн руб. / The financial balance of the regions of the Ural Federal District in the sector "General government sector" in 2015, million rubles**

Показатели / Indicators	Курганская область / Kurgan region	Свердловская область / Sverdlovsk region	Тюменская область / Tyumen region	Ханты-Мансийский автономный округ-Югра / Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra	Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Okrug	Челябинская область / Chelyabinsk Oblast	Всего / Total
<b>РЕСУРСЫ / RESOURCES</b>							
Налоги на производство и импорт / Production and Import Taxes	6291,7	69273,2	31301,8	1680778,1	644216,7	63378,6	<b>2495240,1</b>
Другие налоги на производство / Other taxes on production	2227,2	26391,9	8812,0	54220,3	50159,1	17056,8	<b>158867,3</b>
Налог на прибыль / Income tax	2568,0	51400,8	9530,7	172992,8	45362,7	36462,6	<b>318317,8</b>
Текущие налоги на доходы / Current income taxes	2057,1	13967,9	4610,1	6100,2	2245,6	10064,1	<b>39045,1</b>
НДФЛ / Personal income tax	8198,8	81789,9	27372,9	73126,6	41488,3	50510,6	<b>282487,1</b>
Прочие Доходы / Other income	258,8	1483,1	524,3	640,4	493,7	2057,5	<b>5457,7</b>
<b>ИСПОЛЬЗОВАНИЕ / USES</b>							
Пособия в денежной и натуральной форме / Cash and in-kind benefits	10800	54865	9941	33721	18663	37732	<b>154922,0</b>
Заработная плата госсектора / Public sector wages	28884	204830	78562	161110	87750	164825	<b>725961,0</b>
Конечное потребление госсектора / Final consumption of the public sector	7542	31055	16768	30721	17261	21367	<b>124714,0</b>
Инвестиции / Investments	3549	27430	41865	47155	12669	14034	<b>146702,0</b>
Чистое кредитование/заимствование по сектору / Net lending/borrowing by sector	<b>-29173,4</b>	<b>-73873,2</b>	<b>-64984,1</b>	<b>1715151,4</b>	<b>647623,2</b>	<b>-58427,8</b>	<b>2136316,1</b>

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-99-107  
УДК 336.1,332.1(045)  
JEL E69, O18, R13, R58

# Особенности регулирования территориальных пропорций социально-экономического развития через сферу государственных финансов как стратегический аспект бюджетно-налоговой политики

Н.Н. Парасоцкая<sup>а</sup>, Н.Д. Яковлев<sup>б</sup>

<sup>а</sup> ООО «Мега Микро Технология Интернешнл» финансовый директор, Москва, Россия;

<sup>б</sup> ОАО «ММТИ – ИНВЕСТ», Москва, Россия

<sup>а</sup> <https://orhid.org/0000-0003-0094-4485>; <sup>б</sup> <https://orcid.org/0000-0001-9861-0445>

## АННОТАЦИЯ

В России сложилась экономически дифференцированная структура пространственного развития, препятствующая прорывному развитию страны. Существенные различия в темпах экономического роста, скорости и эффектах реализации проектов по улучшению среды для жизни граждан нивелируют ожидаемые от денежно-кредитной, бюджетно-налоговой и таможенно-тарифной политики эффекты по ускорению экономического роста России. В связи с этим *предмет исследования* – территориальные пропорции социально-экономического развития на примере Приволжского федерального округа. *Цель работы* – выявление роли государственных финансов в регулировании территориальных пропорций социально-экономического развития. Для проведения анализа использовались методы факторного регрессионного анализа, эконометрическое моделирование, построение производственно-институциональной функции, в которую внедрены институциональные компоненты: налоговая нагрузка, государственные расходы. Данный подход позволил отразить численно реальные различия в темпах прогрессивного развития отдельных составных частей субфедерального уровня, а также выявить, какие именно факторы действенны для той или иной региональной экономики и какие проблемы с точки зрения макроэкономического анализа стоят перед ними. Именно решение данных проблем позволит сформировать прочную основу для ускорения развития всей страны. При этом универсальным и действенным инструментом решения этих вопросов остаются финансы, где адаптивные механизмы с различной конфигурацией представляются наиболее эффективными. На основе проведенного анализа *сделан вывод* о том, что регулирование территориальных пропорций социально-экономического развития имеет принципиальную важность, однако текущая ситуация требует совершенствования элементов данного механизма. Предлагается увеличить число зон с особым режимом предпринимательской деятельности, создать условия для привлечения дополнительных инвестиций на основе государственного софинансирования с поддержкой инфраструктурных проектов, а также повысить роль федеральных округов через систему согласованного экономического развития.

**Ключевые слова:** государственные финансы; социально-экономическое развитие; федеральный округ; производственно-институциональная модель; регрессионный анализ

**Для цитирования:** Парасоцкая Н.Н., Яковлев Н.Д. Особенности регулирования территориальных пропорций социально-экономического развития через сферу государственных финансов как стратегический аспект бюджетно-налоговой политики. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(1):99-107. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-99-107

## ORIGINAL PAPER

# Features of Regulation of Territorial Proportions of Social and Economic Development through the Sphere of Public Finance as a Strategic Aspect of Budget and Tax Policy

N.N. Parasotskaya<sup>a</sup>, N.D. Yakovlev<sup>b</sup>

<sup>a</sup> "Mega Micro Technologiya International" Limited Liability Company Chief Financial Officer, Moscow, Russia;

<sup>b</sup> PJSC "MMTI – Invest", Moscow, Russia

<sup>a</sup> <https://orhid.org/0000-0003-0094-4485>; <sup>b</sup> <https://orcid.org/0000-0001-9861-0445>

## ABSTRACT

Russia has an economically differentiated structure of spatial development that prevents the country's breakthrough development. Significant differences in the rate of economic growth, the speed and effects of projects to improve the living environment for citizens offset the expected effects of monetary, fiscal, and customs tariff policies to accelerate economic growth in Russia. Consequently, *the subject of the research* is territorial proportions of socio-economic development on the example of the Volga Federal district. *The purpose of the work* is to identify the role of public finance in regulating the territorial proportions of socio-economic development. To perform the analysis, we used the methods of factor regression analysis, econometric modeling, and construction of an industrial and institutional function that incorporates institutional components: tax burden, and government expenditures. This approach allowed us to reflect numerically real differences in the rates of progressive development of individual components of the sub-Federal level, as well as to identify which factors are effective for a particular regional economy and what problems they face from the point of view of macroeconomic analysis. It is the solution of these problems that will form a solid basis for accelerating the development of the entire country. At the same time, finance remains a universal and effective tool for solving these issues, where adaptive mechanisms with different configurations appear to be the most effective. Based on the analysis, *it is concluded* that the regulation of territorial proportions of socio-economic development is of fundamental importance, but the current situation requires improvement of the elements of this mechanism. It is proposed to increase the number of zones with a special business regime, create conditions for attracting additional investments based on state co-financing with support for infrastructure projects, and increase the role of Federal districts through the system of coordinated economic development.

**Keywords:** public finance; socio-economic development; Federal district; production and institutional model; regression analysis

**For citation:** Parasotskaya N.N., Yakovlev N.D. Features of regulation of territorial proportions of social and economic development through the sphere of public finance as a strategic aspect of budget and tax policy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020; 13(1):99-107. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-99-107

## ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Задачи прорывного развития России, поставленные в майских указах Президента РФ, нацелены на развитие всей территории Российской Федерации. При этом реализация существенной части запланированных мероприятий невозможна без участия регионов. Однако реалии пространственного развития таковы, что каждый субъект Российской Федерации имеет отличия в своем географическом положении и ресурсном потенциале,

которые накладывают отпечаток на уровень его социально-экономического развития. Поэтому в стране наблюдается значительная дифференциация регионов по их экономическому развитию, что препятствует реализации целевых установок национальных проектов и требует установления территориальных пропорций социально-экономического развития с целью повышения потенциала роста национальной хозяйственной системы через обеспечение более комплексного использования возможностей регионов [1].

Теоретической основой регулирования территориальных пропорций как части политики пространственного развития являются исследования ученых-экономистов: Г. Мюрдаля [2], который описывал эффекты вымывания и распространения, Ф. Перру [3], разработавшего концепцию «Полюса роста», в которой определяющая роль отводится лидирующим отраслям экономики, Ж. Будвиля [4], адаптировавшего концепцию «Полюса роста» под цели пространственно-регионального регулирования, выделив агломерации и их элементы в качестве региональных полюсов роста, П. Потье, предложившего концепцию осей роста, установив необходимость инфраструктурного каркаса [5].

В соответствии с теоретическими положениями и организационно правовыми основами пространственного управления в России государство является важнейшим институтом, обладающим необходимыми инструментами для приведения территориальных пропорций социально-экономического развития в оптимальное состояние. Среди таких инструментов важную роль играют финансовые рычаги воздействия, выражающиеся в осуществлении перераспределения финансовых ресурсов по территориям посредством дотаций, субсидий, иных межбюджетных трансфертов.

### ДЕЙСТВУЮЩИЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРОПОРЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Роль государственных финансов в оптимизации территориальных пропорций социально-экономического развития анализируется в настоящем исследовании на основе Приволжского федерального округа, включающего 14 регионов-реципиентов и регионов-доноров, посредством рассмотрения информации о структуре государственного долга, официальных статистических данных по ВРП, численности занятых, а также отчетов ФНС России по форме НМ-1 и др.

Государственные финансы в рамках отдельно взятого региона представляют собой совокупность стимулирующих и рестрикционных инструментов регулирования на субфедеральном уровне, применение которых ввиду различий в объемах имеющих факторов производства и других исторически сложившихся условий функционирования становится необходимым, поскольку автоматическая

балансировка системы через рыночные механизмы становится невозможной ввиду описанных Г. Мюрдалем эффектов [6]. Исходя из положений теории Дж. М. Кейнса средством, способным вывести отдельную хозяйственную систему на устойчивый рост, являются государственные расходы [7]. При этом их величина зависит от различных факторов. Для анализа развития субъектов, входящих в состав Приволжского федерального округа, была построена регрессионная модель единой формы с результирующим элементом — государственные расходы, определяемые в условиях каждого рассматриваемого субъекта по формуле:

$$G_t^n = \alpha + b_1 TRF_t^n + b_2 R_t^n + b_3 D_t^n, \quad (1)$$

где  $G$  — размер государственных расходов;  $TRF$  — величина поступивших межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций);  $R$  — величина налоговых и неналоговых доходов;  $D$  — государственный долг  $n$ -го субъекта в  $t$ -м году;  $\alpha$ ,  $b$  — параметры модели. (коэффициенты детерминации по всем моделям не ниже 0,8).

По результатам расчетов были получены данные, позволяющие установить, какими факторами определяется величина расходов региональных бюджетов. При этом делается допущение о надлежащем уровне качества финансового менеджмента на отдельной территории. Свод коэффициентов при факторах модели приведен в *табл. 1*.

По результатам рассмотрения *табл. 1* можно сделать вывод, что изменение величины расходов региональных бюджетов в большей степени зависит от величины передаваемых межбюджетных трансфертов и в меньшей степени — от объемов государственного долга.

Расходная динамика в Республике Башкортостан и Республике Мордовия в большей степени определяется изменением государственного долга и свидетельствует об их низкой способности обеспечивать выполнение стимулирующих мероприятий финансовыми ресурсами за счет мультипликативного эффекта внутри системы. При этом, величина параметров по данным регионам существенно различается. Так,  $b_2$  и  $b_3$  в Башкортостане составляет 0,52 и 1,63, а в Мордовии — 0,24 и 0,42 соответственно, что отражает различия в результативности инструментов пространственного регулирования и способности хозяйственных систем в приращении госу-

Таблица 1 / Table 1

Параметры модели (№ 1) по регионам Приволжского федерального округа / Model (No. 1) parameters by regions of the Volga federal district

Фактор / Factor	TRF	R	D
Параметр / Parameter	$b_1$	$b_2$	$b_3$
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	0,76	0,52	1,63
Республика Марий Эл / Republic Of Mari El	0,82	0,41	0,52
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	0,30	0,24	0,42
Республика Татарстан (Татарстан) / Republic of Tatarstan (Tatarstan)	1,15	0,58	0,53
Удмуртская Республика / Udmurt Republic	1,02	0,21	0,50
Чувашская Республика-Чувашия / Chuvash Republic-Chuvashia	0,76	0,63	0,56
Нижегородская область / Nizhny Novgorod region	1,12	0,74	-0,07
Кировская область / Kirov region	0,54	1,29	-0,07
Самарская область / Samara region	0,39	0,57	0,61
Оренбургская область / Orenburg region	-0,06	0,74	0,96
Пензенская область / Penza region	1,10	1,01	0,17
Пермский край / Perm region	0,96	0,23	0,17
Саратовская область / Saratov region	0,55	0,61	0,32
Ульяновская область / Ulyanovsk region	0,05	0,20	1,05
В среднем по федеральному округу / The average Federal district	0,67	0,57	0,52

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

дарственных финансовых ресурсов на этих двух территориях.

Наряду с этим необходимо выделить регионы, где заметны эффекты от использования межбюджетных трансфертов. Так, в Республиках Марий-Эл, Татарстан, Удмуртской и Чувашской Республиках, Нижегородской, Пензенской областях и Пермском крае заметна определяющая роль безвозмездных поступлений от других бюджетов бюджетной системы (за исключением субвенций) при изменении динамики государственных расходов. Например, параметр  $b_1$  по данным регионам изменяется в интервале от 0,76 до 1,15, что, с одной стороны, отражает некоторые различия в работе инструмента, а с другой — указывает на значение

инструмента при финансовом обеспечении экономической политики.

Однако Республика Марий-Эл и Удмуртская Республика показывают наименьшие значения по параметру  $b_2$  (0,41 и 0,21 соответственно), что свидетельствует о чрезвычайно низкой эффективности собственных мультипликативных эффектов и необходимости привлечения заемных средств (параметры по фактору  $D$ : 0,52 и 0,53) и преимущественного ориентирования на межбюджетные трансферты, в структуре которых значительный удельный вес по Республике Марий-Эл приходится на дотации, не превышая размеры субсидий за весь рассматриваемый период, а по Удмуртской Республике величина дотаций начинает преобладать с 2014 г.

Чувашская Республика и Республика Татарстан выделяются из рассмотренной группы регионов более высокой степенью воздействия собственных налоговых и неналоговых доходов на изменение величины государственных расходов, а также заметным влиянием долговых инструментов. Так, параметры этих факторов составили соответственно  $b_2$  0,58 и 0,63;  $b_3$  0,53 и 0,56. При этом указанные регионы полярно различаются по преобладанию рассматриваемых видов трансфертов, что указывает на существенные различия условий функционирования, векторов и механизмов развития: Республика Татарстан, используя субсидии и бюджетные кредиты (по состоянию на 01.01.2018 составляющие в общем объеме долга 91%), а также предоставляя государственные гарантии (9% общих объемов долга), реализует политику развития посредством финансовых методов регулирования и при этом является регионом-донором; Чувашская Республика является регионом-реципиентом в период 2008–2017 гг. и использует долговые инструменты в виде бюджетных кредитов (54%) и коммерческих кредитов (42%) преимущественно для стабилизации текущей работы системы, что свидетельствует о менее благоприятных условиях функционирования и сравнительно низких эффектах от стимулирующего финансового воздействия.

Другие три субъекта Российской Федерации по параметрам моделей характеризуются низким воздействием государственного долга на динамику государственных расходов. При этом Нижегородская область отражает некоторую степень отрицательного характера такого воздействия: фактор государственного долга действует на сокращение величины расходов региона. ( $b_3 = -0,07$ ), а Пензенская область и Пермский край, имея одинаковое влияние фактора долга, демонстрируют различное значение по влиянию налоговых и неналоговых доходов: первый регион в этом отношении имеет более явный эффект ( $b_2 = 1,01$ ), однако он дотационен на протяжении всего периода. На основе рассмотрения изменения доходов и расходов можно сделать вывод, что на значение параметра  $b_2$  влияют неблагоприятные условия внутри региона, позволяющие реализовывать мультипликативный эффект, а низкая эффективность межбюджетных трансфертов как инструмента экономического выравнивания, ставящего в зависимость величину расходов от величины доходов без принятия стимулирующих мер. Как низкая результативность межбюджетных трансфер-

тов по экономическому выравниванию могут быть интерпретированы ситуация в Кировской области, где наблюдается аналогичный Пензенской области эффект, но с большей силой, и ситуации в Самарской, Ульяновской и Оренбургской областях, на что указывают коэффициенты. При этом в последнем регионе параметр  $b_1$  демонстрирует отрицательное влияние инструмента. Более положительным примером выступает Саратовская область, где на фоне преобладания в структуре трансфертов субсидий над дотациями к 2017 г., большой эффект имеют налоговые и неналоговые доходы ( $b_2 = 0,61$ ), далее — межбюджетные трансферты ( $b_1 = 0,55$ ), и наименьшее влияние — государственный долг ( $b_3 = 0,32$ ), что позволяет сделать вывод о положительно направленном векторе развития.

В целом по Приволжскому федеральному округу формируется следующая картина: восемь из четырнадцати регионов к 2017 г. являются преимущественно дотационными, три из оставшихся шести регионов имеют высокий риск превышения размеров дотаций над размером субсидий; параметры региональных моделей государственных расходов при углубленном рассмотрении и сопоставлении с другими показателями в целом указывают на работоспособность государственных финансовых инструментов пространственного регулирования как в виде межбюджетных трансфертов в более чем половине регионов. Однако в ряде субъектов, таких, как Саратовская и Пензенская области, заметна их низкая эффективность как по трансфертам, так и по бюджетным кредитам.

### ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ФИНАНСОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ЗОН С ОСОБЫМ РЕЖИМОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассмотренные в предыдущем подразделе инструменты государственного финансового воздействия применяются при организации деятельности других элементов пространственного регулирования — зон с особым режимом предпринимательской деятельности, где стимулируется развитие перспективных и стратегически важных производств [8].

Государственные финансы играют наряду с административными послаблениями роль катализатора, позволяющего запускать и поддерживать функционирование конкретного кластера в рамках

данной территории и создавать дополнительную точку роста в экономике региона [9].

Функционирование особых экономических зон<sup>1</sup>, зон территориального развития<sup>2</sup> и территорий опережающего социально-экономического развития<sup>3</sup> регламентируется соответствующими федеральными законами, где указываются условия создания, базовые элементы управления и возможные источники финансирования.

В 12 регионах Приволжского федерального округа созданы 23 территории опережающего социально-экономического развития (далее — ТОСЭР). Наибольшее их число сосредоточено в Республике Татарстан (шесть ТОСЭР) и Башкортостан (три ТОСЭР). На территории Республики Татарстана функционируют две особые экономические зоны производственного типа и технико-внедренческого типа, в Самарской области — две ТОСЭР и одна ОЭЗ производственного типа, в Ульяновской области — одна ТОСЭР и одна ОЭЗ производственного типа. При этом в каждой из таких зон выполняются особые условия налогообложения и создан особый инвестиционный климат. В большинстве зон в рамках формирования инфраструктурной базы функционирования осуществляются значительные вложения финансовых ресурсов Российской Федерации и регионов. Работа таких зон оказывает существенное влияние на общую величину налоговой нагрузки в регионе, эффективность вовлечения дополнительных факторов производства и результативность перераспределения государственных финансовых ресурсов. Вследствие этого для определения совокупного экономического эффекта от создания зон с особым режимом предпринимательской деятельности и участия в них государственных финансовых ресурсов как в виде расходных операций, так и в виде налоговых преференций, была построена производственно-институциональная модель, основанная на функции Кобба–Дугласа<sup>4</sup>,

с внедрением институциональных компонент в виде налоговый нагрузки и величины государственных расходов, определяемых работой факторов: межбюджетные трансферты, налоговые и неналоговые доходы и государственный долг.

$$Y_t = \alpha T_t^{(b_1+b_2q_t)} K_t^{(b_3+b_2q_t)} G_t^{b_3} \quad (2)$$

где  $Y$  — ВРП;  $T$  — численность занятых в экономике;  $K$  — объем основных фондов в экономике;  $G$  — расчетный (по модели № 1) объем государственных расходов;  $q$  — налоговая нагрузка (отношение всех обязательных платежей к ВРП)  $t$ -го года;  $\alpha$ ,  $b$  — параметры.

В табл. 2 представлены коэффициенты эластичности при факторах модели валового регионального продукта. Такая формализация аналитической работы позволяет рассмотреть действие инструментов регулирования территориальных пропорций социально-экономического развития с позиции вклада отдельных факторов по отдельным регионам в общий валовой продукт федерального округа с учетом как чисто финансовых рычагов государственного воздействия, так и в комбинации с фискальными инструментами и зонированием.

Таблица 2 позволяет выявить несколько общих тенденций:

- в большинстве регионов увеличение трудовых ресурсов вызывает отрицательное изменение валового регионального продукта, что, с одной стороны, объясняется нехваткой рабочих мест в менее развитых регионах, а с другой стороны, переполненностью экономик более развитых регионов трудовыми ресурсами вследствие миграционных процессов, описанных Мюрдалем. Так, параметр  $b_1$  от региона к региону колеблется в диапазоне  $(-10,03)$ - $5,75$ , в среднем по округу  $(-1,48)$ ;
- в большинстве регионов наблюдается обратная ситуация в отношении вовлечения капитала в виде основных фондов, что указывает на положительное влияние ТОСЭР и особых экономических зон, в рамках которых осуществляется активное привлечение инвестиций в капитальное строительство, а также свидетельствует о необходимости увеличения объемов капитальных вложений и вложений в высокотехнологичное производство ввиду положительной реакции системы на такое приращение: в среднем по округу параметр  $b_3 = 1,19$ ;

<sup>1</sup> Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».

<sup>2</sup> Федеральный закон от 03.12.2011 № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

<sup>3</sup> Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

<sup>4</sup> Функция Кобба — Дугласа — производственная функция, отражающая зависимость объема производства от создающих его факторов производства — затрат труда и капитала.



Таблица 2 / Table 2

**Параметры модели (№ 2) по регионам Приволжского Федерального округа / Model (№ 2) parameters by regions of the Volga Federal district**

Фактор:	$T$	$T$ при $q$	$K$	$K$ при $q$	$G$
Параметр:	$b1$	$b2$	$b3$	$b4$	$b5$
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	5,75	-0,24	-3,44	0,13	2,00
Республика Марий Эл / Republic Of Mari El	-1,99	0,09	1,03	-0,04	0,90
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	-2,85	0,07	0,88	-0,03	0,90
Республика Татарстан (Татарстан) / Republic of Tatarstan (Tatarstan)	-9,71	0,03	0,35	-0,02	2,11
Удмуртская Республика / Udmurt Republic	1,63	0,05	2,34	-0,03	-0,23
Чувашская Республика-Чувашия / Chuvash Republic-Chuvashia	-4,98	0,25	2,35	-0,13	0,80
Нижегородская область / Nizhny Novgorod region	-8,07	0,21	2,95	-0,10	-0,28
Кировская область / Kirov region	-0,19	0,19	1,34	-0,09	2,09
Самарская область / Samara region	5,65	-0,03	-0,27	0,01	1,38
Оренбургская область / Orenburg region	0,97	0,003	0,36	0,00	0,75
Пензенская область / Penza region	-10,03	0,65	4,13	-0,31	1,70
Пермский край / Perm region	3,93	0,12	2,70	-0,06	-1,23
Саратовская область / Saratov region	-0,09	0,03	0,36	-0,02	1,68
Ульяновская область / Ulyanovsk region	-0,68	0,11	1,63	-0,06	0,71
В среднем по ФО / The average Federal district	-1,48	0,11	1,19	-0,05	0,95

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

- прослеживается умеренное положительное воздействие государственных расходов, в которых определяющую роль для дополнительного наращивания указанного показателя играют инструменты в виде межбюджетных трансфертов и бюджетных кредитов: в среднем по округу параметр  $b5$  составляет 0,95;

- заметно некоторое влияние налоговой нагрузки через обложение труда и капитала в целом в противоположных направлениях, т.е. фискальная нагрузка положительным образом воздействует на приложение труда для наращивания валового продукта, тогда как включение дополнительных капитальных факторов производства подвергается некоторому сдерживанию через налоговые механизмы;

- рассчитанные коэффициенты, как и в случае с моделью государственных расходов, существенно дифференцируются от одного региона к другому, что указывает на наличие заметных диспропорций социально-экономического развития.

Более подробно необходимо рассмотреть регионы, выделяющие из общих закономерностей. Так, Республика Башкортостан демонстрирует диаметрально противоположную общим тенденциям ситуацию: заметно, что хозяйственная система реагирует на дополнительное вовлечение трудовых ресурсов положительно (параметр  $b1$  составляет 5,75) и отрицательно на дополнительное вовлечение капитала ( $b3 = -3,44$ ), что отражает потребности экономики в дополнительных трудовых ресурсах к приложению

на уже созданную капитальную базу, сформированную как в агломерации города Уфа, так и в ТОСЭР: Белорецк, Кумертау и Нефтекамск. Наблюдается также противоположное воздействие налоговой нагрузки применительно к отдельным факторам производства: в силу потребности в трудовых производительных силах дополнительная фискальная нагрузка на данный фактор производства дает отрицательный эффект. Влияние государственных расходов соответствует общему тренду, что указывает на их необходимость при решении вышеописанных проблем.

Наряду с Республикой Башкортостан описанные эффекты возникают и в экономике Самарской области, где также имеется потребность в трудовых ресурсах и возникает необходимость в активном государственном участии в развитии системы. В Оренбургской области сложилась ситуация, характеризующаяся положительным влиянием прироста капитала, трудовых ресурсов и использования финансовых ресурсов государства. Это позволяет утверждать, что для стимулирования экономического развития необходимы настройка связи между агломерационными ячейками и создание дополнительных полюсов роста для запуска центробежных эффектов. Хозяйственная система Пермского края на фоне негативного эффекта фактора государственных расходов демонстрирует положительную реакцию на вовлечение трудовых и капитальных ресурсов, что при определяющей роли трансфертов в государственных расходах по результатам рассмотрения параметров модели 1, позволяет сделать выводы, аналогичные ситуации в Оренбургской области. Необходимо также привести в качестве примера Республику Татарстан, где имеется избыток трудовых ресурсов, частично компенсируемый вовлечением дополнительного капитала при эффективном приложении к нему предыдущего фактора производства. При этом положительный эффект (с параметром  $b_5 = 2,11$ ) получается от государственных расходов, основная часть которых определяется поступающими субсидиями из федерального бюджета и бюджетными кредитами,

что необходимо для дальнейшего развития сформированных полюсов роста в виде ряда ТОСЭР: Зеленодольск, Набережные Челны, Менделеевск, Нижнекамск, Чистополь, и двух ОЭЗ: ППТ «Алабуга», ТВТ «Иннополис», а также совершенствования межрегиональных и международных связей.

На основе анализа можно сделать вывод, что региональные экономики в большинстве случаев нуждаются в дополнительных инвестициях в основные фонды и новые производства на основе государственного финансирования.

### ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРОПОРЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Исходя из результатов вышеприведенного анализа можно предусмотреть следующие пути оптимизации механизма регулирования территориальных пропорций социально-экономического развития:

1) увеличение количества зон с особым режимом предпринимательской деятельности с укороченным сроком действия с учетом дифференциации их внутренних условий с тем, чтобы посредством активизации развития выбранных отраслей производства обеспечить создание новых полюсов экономического роста, увеличивая их налоговый потенциал;

2) посредством государственного финансирования увеличение в составе зон с особым режимом предпринимательской деятельности количества организаций логистической направленности;

3) повышение экономической роли федерального округа через систему согласованного экономического развития на базе председательства полномочного представителя Президента РФ;

4) на основе вышеприведенных пп. 1 и 3 мероприятий обеспечение удовлетворения потребностей в финансовых ресурсах и необходимых факторах производства перспективных центров экономического роста через использование иных целевых межбюджетных трансфертов.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цветков В. А., Зойдов К. Х., Омарова З. К. Совершенствование механизмов регулирования пространственного развития как важнейший вектор нового качества экономического роста территории // Проблемы российской экономики. — 2012. — № 4. — С. 11–25. — ISSN 1812–7096.
2. Фенин К. В. Обоснование применения теории Г.-К. Мюрдаля для описания территориальной организации экономики Российской Федерации // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. — 2014. — Т. 12. — № 4. — С. 69–76. — ISSN 2227–8486.

3. Tran, T., Phi, T., Tran M., Hoang V. Economic linkage in key economic zones. *The case of Vietnam = Management Science Letters*. 2019;9(3):443–456.
4. Украинский В.Н. Теория поляризованного развития: первые шаги // Регионалистика. — 2017. — № 5. — С. 92–99. — ISSN 1818–7862.
5. Chris van Egeraat, Eleanor Doyle, Rethinking. *Irish cluster policy = Administration*. 2018;66(1):23–31.
6. Прачева Е.В.. Сравнение инструментов региональной политики: территории опережающего социально-экономического развития, особые экономические зоны, зоны территориального развития // Исследование потенциала развития в корпоративной экономике. — 2018. — Т. 15. — № 3. — С. 4–11. — ISSN 2310–1172.
7. Элибиев С.Б., Методологические основы формирования региональных точек роста // Фундаментальные исследования. — 2017. — Т. 10. — № 3. — С. 633–637. — ISSN 1812–7339.

## REFERENCES

1. Cvetkov V.A., Zoidov K.H., Omarova Z.K. Improvement of mechanisms of regulation of spatial development as the most important vector of new quality of economic growth of the territory. *Problemy rossijskoj jekonomiki = Problems of the Russian economy*. 2012;(4):11–25. (In Russ.).
2. Fenin K.V., Substantiation of the application of G.-K. Myrdal's theory to describe the territorial organization of the economy of the Russian Federation. *Modeli, sistemy, seti v jekonomike, tehnike, prirode i obshhestve = Models, systems, networks in Economics, technology, nature and society*. 2014;12(4):69–76. (In Russ.).
3. Tran, T., Phi, T., Tran M., Hoang V. Economic linkage in key economic zones: *The case of Vietnam = Management Science Letters*. 2019;9(3):443–456.
4. Ukrainskij V.N. The theory of polarized development: first steps. *Regionalistika*. 2017;(5):92–99. (In Russ.).
5. Chris van Egeraat, Eleanor Doyle, Rethinking. *Irish cluster policy = Administration*. 2018;66(1):23–31.
6. Pracheva E.V. Comparison of regional policy instruments: territories of advanced social and economic development, special economic zones, zones of territorial development. *Issledovanie potenciala razvitija v korporativnoj jekonomike = Research of development potential in corporate economy*. 2018; 15(3):4–11. (In Russ.).
7. Jelibiev S.B. Methodological bases of formation of regional growth points. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental study*. 2017;10(3):633–637. (In Russ.).

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Наталья Николаевна Парасоцкая** — кандидат экономических наук, финансовый директор ООО «Мега Микро Технология Интернешнл», Москва, Россия  
nataly@mmti.ru

**Никита Дмитриевич Яковлев** — внутренний аудитор — консультант  
ОАО «ММТИ — ИНВЕСТ», Москва, Россия  
ndyakovlev@mail.ru

## ABOUT THE AUTHORS

**Natalya N. Parasotskaya** — Cand. Sci. (Econ.), Chief Financial Officer at “Mega Micro Technologiya International” Limited Liability Company, Moscow, Russia  
nataly@mmti.ru

**Nikita D. Yakovlev** — internal auditor — consultant at PJSC “MMTI — Invest”, Moscow, Russia  
ndyakovlev@mail.ru

*Статья поступила 20.10.2019; принята к публикации 25.12.2019.  
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.  
The article was received 20.10.2019; accepted for publication 25.12.2019.  
The authors read and approved the final version of the manuscript.*

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-108-113  
УДК 336.226(045)  
GEL H25, M41, M42

## Совершенствование законодательной базы по применению упрощенной системы налогообложения

В.Г. Гетьман

Финансовый университет, Москва, Россия  
<http://orcid.org/0000-0003-0170-4483>

### АННОТАЦИЯ

*Предмет исследования* – порядок уплаты налогов, ориентированный на налогообложение представителей малого и среднего бизнеса и направленный на снижение налоговой нагрузки на субъекты малого предпринимательства, а также облегчение и упрощение ведения ими налогового и бухгалтерского учета. *Цели работы* – выявление недостатков упрощенной системы налогообложения (УСН) и выдвижение предложений по их устранению.

В статье анализируются правовые основы, которыми должен соответствовать экономический субъект, пожелавший применять УСН. Рассматриваются отдельные требования, предъявляемые к УСН. Устанавливается, что некоторые из них недостаточно теоретически и практически обоснованы и не соответствуют требованиям времени, в частности срок перехода на УСН (только с нового года), добровольный отказ от его дальнейшего использования. В статье приводятся аргументы, подтверждающие необходимость пересмотра данных требований.

В частности, результаты анализа судебной практики, проведенного по данным вопросам, показали, что она не отличается единообразием. Нередко отдельные суды, вынося свои постановления, указывали, что компании не должны подвергаться наказанию, если они переходят на УСН (либо отказываются от ее дальнейшего применения) в течение текущего года, а не с начала нового года. Нет весомых аргументов, оправдывающих прописанный в Налоговом кодексе Российской Федерации запрет на смену режима налогообложения. В интересах дела в нем следует прописать норму, позволяющую экономическим субъектам, имеющим право на применение УСН, переходить или уходить с нее не позднее 15 дней до начала квартала, в котором предполагаются такие изменения.

Предлагается также изменить порядок учета отдельных видов дохода в организациях, применяющих УСН. В статье *делаются выводы*, что действующая законодательная база в области применения УСН имеет ряд положений, допускающих на практике различное толкование их содержания налоговыми органами и налогоплательщиками, становясь причиной судебных разбирательств между ними.

**Ключевые слова:** Налоговый кодекс Российской Федерации; системы налогообложения; налогообложение доходов; упрощенная система налогообложения; срок уплаты налога; арендная плата

**Для цитирования:** Гетьман В.Г. Совершенствование законодательной базы по применению упрощенной системы налогообложения. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(1):108-113. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-108-113

### ORIGINAL PAPER

## Improving the Legal Framework for Applying the Simplified Tax System

V.G. Getman

Financial University, Moscow, Russia  
<http://orcid.org/0000-0003-0170-4483>

### ABSTRACT

*The subject of the research* is the procedure for paying taxes aimed at taxation of small and medium-sized businesses and at reducing the tax burden on small businesses, as well as facilitating and simplifying their tax and accounting records. *The purpose of the work* is to identify the shortcomings of the simplified tax system (STS) and making proposals

© Гетьман В.Г., 2020

for their elimination. The article analyzes the legal framework that must be met by an economic entity that wishes to apply the STS. Separate requirements for the STS are considered. It is established that some of them are not sufficiently theoretically and practically justified and do not meet the requirements of the time, in particular, the period of transition to the STS (only from the new year), the voluntary refusal of its further use. The article provides arguments confirming the need to revise these requirements.

In particular, the results of the analysis of judicial practice conducted on these issues showed that it is not uniform. Often, individual courts, when issuing their rulings, indicated that companies should not be penalized if they switch to the STS (or refuse to use it further) during the current year, and not from the beginning of the New Year. There are no significant arguments justifying the ban on changing the tax regime prescribed in the Tax code of the Russian Federation. In the interests of the case, it should prescribe a rule that allows economic entities that have the right to apply the STS to move or leave it no later than 15 days before the beginning of the quarter in which such changes are expected.

It is also proposed to change the order of accounting for certain types of income in organizations that use the STS. The article *concludes* that the current legal framework in the field of application of the STS has a number of provisions that allow for different interpretations of their content by tax authorities and taxpayers, resulting in legal proceedings between them.

**Keywords:** tax code of the Russian Federation; tax systems; taxation of income; simplified tax system; term of payment of tax; rent

**For citation:** Getman V.G. Improving the legal framework for applying the simplified tax system. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(1):108-113. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-108-113

## ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с главой 26.2 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) отдельные экономические субъекты, отвечающие установленным требованиям, могут применять упрощенную систему налогообложения (далее — УСН), представляющую собой специальный налоговый режим, направленный на снижение налоговой нагрузки на субъекты малого бизнеса, а также облегчение и упрощение ведения налогового и бухгалтерского учетов [1]. Такое право, в частности, предусмотрено для налогоплательщиков, у которых по итогам девяти месяцев года, в котором организация подает уведомление о переходе на УСН, доходы, определяемые согласно ст. 248 НК РФ, не превысили 112,5 млн руб. Указанная величина предельного размера доходов организации, ограничивающая право перехода на УСН, подлежит индексации не позднее 31 декабря текущего года на коэффициент-дефлятор, установленный на следующий календарный год (ст. 346.12 НК РФ).

Из этого общего правила имеются исключения для экономических субъектов, которые не вправе применять УСН (п. 3 ст. 346.12 НК РФ), хотя они и соответствуют указанному выше критерию. Для остальных налогоплательщиков предусмотрено, что если экономический субъект принял решение применять УСН, то он должен предоставить в налоговую инспекцию уведомление установ-

ленного образца, содержащее информацию, подтверждающую его соответствие установленным требованиям. Сдать уведомление в налоговую инспекцию налогоплательщик обязан не позднее 31 декабря календарного года, предшествующего календарному году, начиная с которого он переходит на УСН (п. 1 ст. 346.13 НК РФ).

Причем, как известно, имеются два варианта применения УСН, различающиеся по объекту налогообложения:

- 1) «доходы»;
- 2) «доходы минус расходы».

Поэтому в предоставленном уведомлении, помимо всего прочего, должно указываться, какой из двух вариантов УСН налогоплательщик выбрал для себя. Налоговая инспекция, проверив содержащуюся в уведомлении информацию, в случае ее полного соответствия установленным требованиям соглашается на применение УСН данным экономическим субъектом.

## РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Казалось бы, все ясно: известно, кто может применять УСН, что позволяет избежать между налоговыми органами и налогоплательщиками судебных споров. Однако на практике они все же случаются по ряду причин [1]. В частности, при реорганизации экономических субъектов возникают споры между налоговыми органами

и налогоплательщиками, которые приходится решать в судах. Одно подобное дело за № А42–8874/2018 рассматривалось 10 июня 2019 г. арбитражным судом Северо-Западного округа. Суть его состояла в следующем. Бывшее мурманское муниципальное унитарное предприятие «Здоровье» было преобразовано в АО «Здоровье» и зарегистрировано в качестве такового в Едином государственном реестре юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ). Причем в установленном порядке оно перешло с общего режима налогообложения на УСН. На этом налого-

---

***В судебной практике при рассмотрении дел, связанных со сменой организациями режима налогообложения, встречаются противоположные решения***

---

вом режиме оно проработало восемь месяцев, по истечении которых было вынуждено вновь стать унитарным предприятием, поскольку ЦБ РФ отказал в регистрации его акций. Параллельно с произошедшим изменением статуса предприятие снова подало заявление о применении УСН (в течение пяти дней с момента восстановления записи в отношении муниципального унитарного предприятия «Здоровье» в ЕГРЮЛ). Налоговый орган отказал ему в этом, ссылаясь на то, что заявление было подано не в установленный срок (т.е. позднее 15 января согласно п. 6 ст. 346.13 НК РФ). Налогоплательщик не согласился с таким решением и подал заявление в суд. Судебные разбирательства длились несколько месяцев. Окончательное решение по данному делу было вынесено 10 июня 2019 г. арбитражным судом Северо-Западного округа в пользу налогоплательщика. В своем постановлении суд указал на то, что в данной ситуации унитарное предприятие можно признать правопреемником акционерного общества. Значит, оно вправе применять УСН.

Другие суды имеют иное мнение по вопросу подачи налоговому органу не позднее 15 января

документов, связанных с применением УСН. Одни из них считают, что если предприятие работает на нем, то оно не может по своему желанию отказываться от УСН в течение года и переходить на другую систему налогообложения. В таком желании было отказано, например, ООО «СВ-Строй», которое продолжительное время (шесть лет) применяло УСН, а затем по окончании этого срока во II квартале 2018 г. решило отказаться от использования УСН и перейти на общую систему налогообложения. В июле 2018 г. ООО направило в налоговую инспекцию уведомление об отказе от использования УСН, причем с начала текущего года, т.е. 2018 г. Налоговый орган не удовлетворил просьбу общества, сославшись на то, что подобного рода заявления о смене применяемой системы налогообложения организации должны подавать не позже 15 января. Налогоплательщика такое решение не удовлетворило, и он для защиты своих экономических интересов обратился в суд. Однако суд первой инстанции (арбитражный суд Удмуртской Республики), куда налогоплательщик обратился с заявлением, поддержал позицию налогового органа и счел его действия правомерными. Это дело затем последовательно рассматривали еще две вышестоящие судебные инстанции (семнадцатый арбитражный апелляционный суд; арбитражный суд Уральского округа), куда обращалось ООО со своими апелляциями. Выносимые ими постановления оставили в силе прежнее решение. В этих постановлениях, в том числе арбитражного суда Уральского округа от 16.05.2019 по делу № А71–16187/2018, отмечалось, что условия применения УСН компанией не нарушались, а следовательно, отсутствовали причины для снятия налогоплательщика с УСН. Перейти на общий режим он сможет, как отмечается в этом постановлении, только со следующего года (т.е. с 2020 г.).

Приходится согласиться с тем, что в данном случае сложилась странная ситуация. Компания, не замеченная в экономических правонарушениях, решила перейти с УСН, которую принято считать льготной системой, на общую систему налогообложения, т.е. на более жесткий режим налогообложения, а ей это запретили делать до конца 2019 г. [2].

В судебной практике при рассмотрении дел, связанных со сменой организациями режима налогообложения, встречаются противополож-

ные решения. Суды в своих постановлениях, по сути дела, «узаконивают» даже самовольный переход в течение года на новую схему налогообложения отдельных компаний. Так, произошло с ООО «Ресторантс-Сервис», которое применяло УСН с объектом налогообложения «доходы», а затем без подачи заявления в налоговую инспекцию сменило ее на УСН с объектом налогообложения «доходы минус расходы». В течение нескольких лет общество сдавало в налоговую инспекцию декларацию, в которой указывало этот вариант УСН. В соответствии с ней общество уплачивало налог. Произшедшую самовольную замену вариантов УСН налоговики заметили только через пять лет и доначислили налог на ООО в сумме 2 874 865 руб., а также наложили штраф и пени. Общество отказалось от их оплаты и подало заявление в арбитражный суд Москвы. Рассмотрев материалы дела, суд вынес постановление в пользу налогового органа, признав его действия правомерными. Апелляционная инстанция (девятый арбитражный апелляционный суд), куда затем обратилось общество, оставила это решение в силе. Общество, естественно, это решение не удовлетворило, и оно сочло необходимым продолжить судебные разбирательства. Материалы дела были переданы в арбитражный суд Московского округа. По итогам их рассмотрения он принял постановление от 08.05.2019 по делу № А40-245402/2017, в котором отменил решение нижестоящих судебных инстанций и поддержал претензии общества в отношении признания их незаконными. В обосновании такой позиции суд привел следующий аргумент: декларации за годы, предшествующие спорному периоду, не вызвали претензий у проверяющих. Это означает, что фактически они признавали правомерность применения другого объекта налогообложения.

Приведенные примеры из судебной практики свидетельствуют о том, что она неоднозначная в отношении того, могут ли предприятия менять в течение года режим налогообложения, а также установленный срок (не позднее 15 января) подачи документов в налоговую инспекцию? Во многих зарубежных странах компаниям предоставлено право самостоятельно выбирать даже границы отчетного года, которые нередко не совпадают с календарным годом. Эта норма, как известно, содержится в МСФО. На данном фоне дата предоставления документов по переходу

на УСН не позднее 15 января выглядит надуманной. Имеются также другие причины для такого утверждения. *Во-первых*, немало судов, которые на практике, вынося свои постановления, не придерживаются этой даты исходя из сложившихся обстоятельств. В нашем случае из трех рассмотренных выше примеров в двух ситуациях суды именно так и поступали. *Во-вторых*, нет заслуживающих внимания аргументов, обосновывающих отказ предприятиям на применение УСН

---

***Действующая законодательная база в области применения УСН имеет ряд положений, допускающих на практике различное толкование их содержания налоговыми органами и налогоплательщиками, становясь причиной судебных разбирательств***

---

в течение года (а только с начала нового года) и на переход на общий режим налогообложения. *В-третьих*, более оправданным было бы установление даты предоставления предприятиями в налоговую инспекцию документов с просьбой о переходе на УСН / об отказе от дальнейшего ее использования не позднее 15 дней до начала квартала, в котором предполагаются такие изменения. Дело в том, что многие экономические субъекты составляют, кроме годовой, еще и промежуточную (в том числе квартальную) финансовую отчетность. Потому подготовка рассматриваемой документации к указанному сроку не вызывает каких-либо сложностей [3]. Взамен компании получают возможность более оперативно решать вопросы, связанные со сменой режима налогообложения. *В-четвертых*, в настоящее время, когда компании теряют право на применение УСН (т.е. перестают отвечать установленным требованиям для ее применения), возникает вопрос: с какого времени (с начала года или иной даты) они должны уплачивать налог, рассчитанный по правилам, установленным для общего режима налогообложения? Нередко налоговые органы настаивают на том, что в таких

случаях надо данный налог рассчитывать с начала текущего года [4]. Однако недавно Минфин России опубликовал письмо, в котором содержался совет предприятиям, как уменьшать сумму этого налога. В нем предлагалось рассчитывать его начиная с трех последних месяцев, когда компания перестала соответствовать требованиям, необходимым для применения УСН. Но следует заметить, что это письмо не является нормативным документом и носит разъяснительный / рекомендательный характер. Тем не менее отметим, что если в случаях потери права на применение УСН такой вариант установления периода смены налоговых режимов в течение года допускается, то по меньшей мере нелогично запрещать предложенный нами выше примерно аналогичный вариант, когда переход с одного на другой налоговый режим осуществляется по желанию компании.

В интересах дела желательно выдвинутые в данной статье предложения прописать в действующем законодательстве. Но сделать надо не только это.

### НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ

В НК РФ не до конца урегулированы отдельные вопросы, связанные с учетом доходов на предприятиях, применяющих УСН [5, 6]. Прежде всего это касается такого дохода, как арендная плата. На практике арендодатель обычно получает ее авансом за несколько месяцев (а иногда лет) вперед. Возникает вопрос о периоде ее учета: в том периоде, когда поступил аванс, или в периоде, к которому он относится? Одни предприятия на практике применяли первый, а другие использовали у себя в налоговом учете второй из указанных выше вариантов, что становилось причиной возникновения споров налоговых органов с налогоплательщиками. ФНС России, изучив сложившуюся в данной области ситуацию, издало на этот счет специальное информационное письмо, в котором изложила свою позицию по рассматриваемому вопросу. Она сводится к тому, что средства, которые налогоплательщик получает от арендатора, являются авансом, так как обеспечивают экономическую выгоду будущих периодов. Следовательно, они должны учитываться при исчислении налоговой базы в том периоде, когда поступили.

Однако данный довод ФНС России не является бесспорным [7]. Дело в том, что суммы аванса по арендной плате, приходящиеся на период после поступления платежа к арендодателю, по своей экономической природе являются для него доходами будущего, а не отчетного периода. Причислять их к последнему периоду теоретически нет оснований. Кроме того, на практике нередко встречаются случаи, при которых арендодатель в соответствии с договором, заключенным с арендатором, за свой счет по сданному в аренду объекту погашает определенные расходы (например, оплачивает коммунальные услуги; начисляет амортизацию и т.д.). Поэтому если зачислять в момент поступления экономическому субъекту, работающему по УСН, в его доходы за отчетный период всю сумму авансовых платежей арендной платы, включая сумму, приходящуюся на будущие периоды (на чем настаивает ФНС России), то по меньшей мере необходимо было бы в налоговом учете узаконить еще одно положение следующего содержания: «Параллельно арендодатель должен создавать резерв на покрытие расходов в будущем периоде по объекту, сданному в аренду». Это придало бы некоторую логику отстаиваемой ФНС России позиции по данному вопросу. Однако мы не настаиваем на обязательном закреплении в НК РФ данного варианта рассматриваемых доходов и расходов, поскольку отдаем предпочтение другому варианту, точнее, отражающему действительность в рассматриваемой ситуации, согласно которому в доходы отчетного периода арендодателя надо зачислять лишь суммы из поступившей в течение его арендной платы, которые приходятся непосредственно на него.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действующая законодательная база в области применения УСН имеет ряд положений, допускающих на практике различное толкование их содержания налоговыми органами и налогоплательщиками, становясь причиной судебных разбирательств. Кроме того, отдельные нормы УСН не имеют достаточного научного обоснования.

Вносимые предложения по уточнению налогового законодательства позволят избавить нормативную базу в рассматриваемых случаях от указанных недочетов.



## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гетьман В. Г. Резервы совершенствования порядка взимания отдельных видов налогов // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. — 2018. — Т. 434. — № 2. — С. 18–24. — ISSN 2311–9411.
2. Гетьман В. Г. Назревшие вопросы совершенствования налогового законодательства // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. — 2019. — Т. 462. — № 6. — С. 41–47. — ISSN 2311–9411.
3. Гетьман В. Г. Учет расчетов по налогам и сборам и их совершенствование // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. — 2017. — Т. 413. — № 5. — С. 25–28. — ISSN 2311–9411.
4. Гетьман В. Г. Совершенствование отдельных положений налогового учета // Бухгалтерский учет в издательствах и полиграфии. — 2017. — Т. 184. — № 4. — С. 31–37. — ISSN 2311–942X.
5. Кравченко И. В. УСН: смена упрощенного объекта // Главная книга. — 2018. — № 23.
6. Андросова Н. Г. Отдельные аспекты применения упрощенной системы налогообложения // Предпринимательское право. — 2018. — № 2. — ISSN 1999–4788.
7. Гетьман В. Г. Налоговое законодательство в России нуждается в существенных изменениях // Аудиторские ведомости. — 2018. — № 4. — С. 79–85. — ISSN 1727–8058.

## REFERENCES

1. Getman V. G. Reserves of improvement of the order of collection of certain types of taxes. *Bukhgalterskii uchet v byudzhetsykh i nekommercheskikh organizatsiyakh = Accounting in budgetary and non-profit organizations*. 2018;434(2):18–24.
2. Getman V. G. Urgent issues of improvement of tax legislation. *Bukhgalterskii uchet v byudzhetsykh i nekommercheskikh organizatsiyakh = Accounting in budget and non-profit organizations*. 2019;462(6):41–47.
3. Getman V. G. Accounting calculations on taxes and fees and their improvement. *Bukhgalterskii uchet v byudzhetsykh i nekommercheskikh organizatsiyakh = Accounting in budget and non-profit organizations*. 2017;413(5):25–28.
4. Getman V. G. Improvement of certain provisions of tax accounting. *Bukhgalterskii uchet v izdatel'stvakh i poligrafii = Accounting in publishing houses and printing*. 2017;184(4):31–37.
5. Kravchenko I. V. STS: change of the simplified object. *Glavnaya kniga = General book*. 2018;(23).
6. Androsova N. G. Some aspects of the application of the simplified tax system. *Predprinimatel'skoe pravo = Business law*. 2018;(2).
7. Getman V. G. Tax legislation in Russia needs significant changes. *Auditorskie vedomosti = Audit statements*. 2018;(4):79–85.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Виктор Григорьевич Гетьман** — доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента учета, анализа и аудита, Финансовый университет, Москва, Россия  
Getmanvg1941@gmail.com

## ABOUT THE AUTHOR

**Viktor G. Getman** — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Accounting, Analysis and Audit, Financial University, Moscow, Russia  
Getmanvg1941@gmail.com

*Статья поступила 15.10.2019; принята к публикации 24.12.2019.*

*Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

*The article was received 15.10.2019; accepted for publication 24.12.2019.*

*The author read and approved the final version of the manuscript.*

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-114-122  
УДК 336.225(045)  
JEL H21

## Особенности налогового регулирования в контексте четвертой промышленной революции

Л.И. Гончаренко<sup>а</sup>, В.П. Вишнеvский<sup>б</sup>, А.В. Гурнак<sup>с</sup>

<sup>а, с</sup> Финансовый университет, Москва, Россия

<sup>б</sup> Институт экономики промышленности НАН Украины, Киев, Украина

<sup>а</sup> <https://orcid.org/0000-0002-9872-3279>; <sup>б</sup> <https://orcid.org/0000-0002-8539-0444>;

<sup>с</sup> <https://orcid.org/0000-0002-4514-6885>

### АННОТАЦИЯ

*Предмет исследования* – закономерности эволюции налогового регулирования в контексте осуществления четвертой промышленной революции. *Цель работы* – определение особенностей налогового регулирования как инструмента стимулирования информационно-технологических трансформаций в ведущей отрасли российской экономики – промышленности. Посредством комплексного применения анализа и синтеза, гипотетико-дедуктивного метода рассмотрено налоговое регулирование как фактор, способствующий переходу к новой индустриализации, основанной на современных информационных технологиях. В работе исследованы основные проблемы осуществления в России четвертой промышленной революции. Обосновано, что она обуславливает актуальность применения альтернативной концепции налогового регулирования. Показано, что использование информационных технологий четвертой промышленной революции в налоговом администрировании позволяет существенно повысить его эффективность. Новые реалии российского налогового администрирования, становясь барьером для недобросовестной налоговой конкуренции в отечественной бизнес-среде, стимулируют налогоплательщиков искать новые пути повышения эффективности их деятельности прежде всего посредством применения новых технологий. *Сделаны выводы* о том, что на начальном этапе осуществления в России четвертой промышленной революции целесообразно эволюционное развитие инструментов налогового регулирования на основе действующей налоговой системы и применения «длинных» правил налогообложения, необходимых для долгосрочного бизнес-планирования и снижения транзакционных налоговых издержек.

**Ключевые слова:** налоговое регулирование; четвертая промышленная революция; Индустрия 4.0; налоговая система; налогообложение

**Для цитирования:** Гончаренко Л.И., Вишнеvский В.П., Гурнак А.В. Особенности налогового регулирования в контексте четвертой промышленной революции. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(1):114-122. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-114-122

## Features of Tax Regulation in the Context of the Fourth Industrial Revolution

L.I. Goncharenko<sup>а</sup>, V.P. Vishnevskiy<sup>б</sup>, A.V. Gurnak<sup>с</sup>

<sup>а, с</sup> Financial University, Moscow, Russia

<sup>б</sup> Institute of Industrial Economics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

<sup>а</sup> <https://orcid.org/0000-0002-9872-3279>; <sup>б</sup> <https://orcid.org/0000-0002-8539-0444>;

<sup>с</sup> <https://orcid.org/0000-0002-4514-6885>

### ABSTRACT

*The subject of the research* is regularities of the evolution of tax regulation in the context of the fourth industrial revolution. *The purpose of the work* is to define the features of tax regulation as a tool for stimulating information

technology transformations in the leading branch of the Russian economy – industry. Tax regulation is considered as a factor contributing to the transition to a new industrialization based on modern information technologies through the complex application of analysis and synthesis, hypothetical-deductive method, and system analysis. The paper examines the main problems of the implementation of the fourth industrial revolution in Russia. It is proved that it determines the relevance of the alternative concept of tax regulation. It is shown that the use of information technologies of the fourth industrial revolution in tax administration has significantly increased its efficiency. The new realities of Russian tax administration, becoming a barrier to unfair tax competition in the domestic business environment, are another important factor that encourages taxpayers to look for new ways to improve the efficiency of their activities, primarily through the use of new technologies. *It is concluded* that at the initial stage of the implementation of the fourth industrial revolution in Russia, it is advisable to develop the tools of tax regulation based on the current tax system and the application of “long” tax rules necessary for long-term business planning and reducing transaction tax costs.

**Keywords:** tax regulation; industrial revolution; industry 4.0; tax system; taxation

**For citation:** Goncharenko L.I., Vishnevskiy V.P., Gurnak A.V. Features of tax regulation in the context of the fourth industrial revolution. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020; 13(1):114-122. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-114-122

## ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ НАЛОГОВ

На современном этапе развития мировой экономики именно индустрия становится основным источником инноваций и аккумулирует потенциал научно-технического развития, определяя конкурентные позиции государств в мире. Совокупность особенностей индустриального развития сегодня такова, что можно говорить о формировании качественно новой промышленности, использующей искусственный интеллект, интернет вещей, природоподобные технологии, массивы больших данных (*big data*). По сути, современное понимание индустрии становится более широким, нежели ранее, поскольку ее развитие диалектически взаимосвязано с оказанием высокотехнологических, прежде всего информационно-коммуникационных услуг. Благодаря применению цифровых технологий создаются гибридные продукты, отличающиеся от других товаров сочетанием качеств как товара, так и услуги, не являясь ни тем, ни другой в чистом виде [1, с. 20]. Очевидно, что экономическое лидерство в ближайшем будущем будет за странами, которые смогут в кратчайшие сроки успешно осуществить четвертую промышленную революцию (далее также – Индустрия 4.0). Для России такая задача является приоритетной [2] в деятельности органов государственной власти и управления. Примечательно то, что площадкой для проведения II Глобального саммита по производству и индустриализации (*The Global Manufacturing*

*and Industrialisation Summit*) в июле 2019 г. стала именно Российская Федерация<sup>1</sup>.

Современное государственное налоговое регулирование как целенаправленное воздействие государства на поведение субъектов налогообложения посредством использования различных методов и инструментов для достижения желаемых результатов<sup>2</sup> опирается на научные исследования и практические рекомендации, выработанные представителями научных школ экономической мысли (классической и неоклассической, институциональной, теории общественного выбора). Меняются экономические реалии, для которых вырабатывались свои рекомендации, обуславливая дальнейшую эволюцию налоговой теории, поиск новых более эффективных форм, методов и инструментов налогового регулирования [3–5]. Создание условий для осуществления четвертой промышленной революции в России представляет собой крайне сложную задачу, требующую выработки новых подходов к государственному регулированию, в том числе в сфере налоговой политики.

С одной стороны, специфика налогов обусловлена уровнем развития производственных технологий и соответствующей им системы экономических отношений. Налоги устанавливаются и взимаются при условии, что имеется объект, который можно однозначно идентифицировать и количественно измерить.

<sup>1</sup> The Global Manufacturing & Industrialisation Summit. (2019). *About The GMIS Event | GMIS 2019*. URL: <https://www.gmisummit.com/about-gmis/> (accessed on 24.12.2019).

<sup>2</sup> Энциклопедия теоретических основ налогообложения / под. ред. И.А. Майбутова, Ю.Б. Иванова. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 390.

Во времена преобладания аграрных технологий и ремесленного производства в доиндустриальном обществе однозначно идентифицируемыми объектами и субъектами в целях налогообложения были люди, их имущество (земля, здания, животные и др.) и товары. С них взимались налоги (подушные подати, акцизы, пошлины). Доход не считался в то время объектом налогообложения. Он им стал только после начала применения технологий массового промышленного производства на предприятиях и в организациях, получивших статус юридических лиц, обязанных вести бухгалтерский учет и сдавать публичную отчетность (в том числе о зарплате персонала), достоверность которой подтверждалась независимыми аудиторами. Тогда и стали взиматься подоходные налоги с физических и юридических лиц. Развитие новых технологий связи и коммуникаций, международное разделение труда, формирование транснациональных корпораций и создание глобальных цепочек стоимости обусловили необходимость их обложения налогом на добавленную стоимость. В эпоху распространения информационно-коммуникационных технологий, производительность которых растет по экспоненте [6], в ряде стран быстро расширяется «умное» дигитализованное производство, которое формирует новые активы и объекты (цифровые) и трансформирует уже имеющиеся активы, становясь причиной существенной трансформации налоговой системы (см. таблицу).

В то же время, с другой стороны, развитие индустрии и производственных технологий само зависит от устройства систем налогообложения и бюджетов государств (через общественные расходы). Например, внедрение НДС в Евросоюзе как обязательного элемента налоговых систем стран-членов способствовало консолидации европейского экономического пространства и развитию в странах ядра ЕС высокотехнологичных экспортно ориентированных производств, которые отличают в настоящее время экономики Германии, Франции, Италии и др. С помощью налогов корректируются негативные экстерналии и накапливаются ресурсы, которые направляются на финансирование общественных и квазиобщественных благ, способствуя ускоренному развитию здравоохранения, образования, науки, инфраструктуры, в том числе цифровой, и т.д.

Взаимосвязь налогов и технологий находит свое отражение и в налоговых теориях, в том числе в классическом налогообложении периода первой промышленной революции, связанной с переходом от

ручного труда к машинному, и в современных концепциях компьютеризированного налогообложения в цифровой экономике, отличающейся от экономики материального производства [8], в большей или меньшей степени отражая объективную реальность внешнего мира и обстоятельства места и времени.

Закономерно, что в связи с развитием цифровой экономики и перехода к Индустрии 4.0 возникает необходимость изменения налоговых систем. Согласно [9] «путем трансформации того, как страны собирают, обрабатывают и влияют на информацию, цифровые технологии могут изменить способ разработки и осуществления правительствами своих налоговых, расходных и макрофинансовых политик. Если технология используется разумным образом, фискальная политика становится более эффективной, прозрачной, справедливой, улучшая жизнь во всем мире». Более того, развитие «умного» киберфизического производства приводит к появлению новых проблем (потере налоговых поступлений в связи вытеснением людей из общественного производства, возникновению доходов «без гражданства» в связи с возможностями работы персонала в режиме удаленного доступа в неопределенной налоговой юрисдикции, распространению цифровых трансфертов доходов, которые не создают обычного объекта налогообложения, использованию для обслуживания транзакций криптовалют вместо привычных денег и т.д.). Все это доказывает, что развитие налоговой системы должно увязываться с технологическим развитием страны, от уровня которого зависят состав и структура налогов, механизмы налогового администрирования, выбор направлений и способов реализации налоговых политик.

### **ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В НАЛОГОВОМ АДМИНИСТРИРОВАНИИ**

В налоговой сфере любая страна ставит задачи расширения налоговой базы, оптимизации налоговых доходов, повышения эффективности налогового администрирования и борьбы с уклонением от уплаты налогов, выполнению которых препятствуют высокая стоимость формирования и передачи налоговой отчетности налогоплательщиками, значительные затраты на налоговое администрирование и налоговый контроль. Как показывает практика, наиболее эффективно эти проблемы решаются посредст-

Таблица / Table

**Взаимосвязь налогов, налоговых теорий и промышленных революций / Relationship between tax theories and taxes and industrial revolutions**

Промышленная революция / Industrial revolution	Технологические новации / Technological innovations	Налоговые новации / Tax innovations	Налоговые теории / Tax theories
1-я промышленная революция (конец XVII в.) / First Industrial Revolution (the end of the XVIIth century)	Механизация производства, использование энергии воды и пара	Персональный подоходный налог (Великобритания, 1799; США, 1861)	Классические налоговые теории
2-я промышленная революция (конец XIX в.) / Second Industrial Revolution (the end of the XIXth century)	Массовое производство, использование электрической энергии из углеводов	Налог на прибыль корпораций (США, 1909)	Неоклассические налоговые теории
3-я промышленная революция (вторая половина XX в.) / Third Industrial Revolution (the second half of the XXth century)	Автоматизация и компьютеризация производства, использование атомной энергии	Налог на добавленную стоимость (ЕС, 1972). Удержание налога у источника (США, 1943)	Теории оптимального налогообложения
4-я промышленная революция (начало XXI в.) / Fourth Industrial Revolution (the beginning of the XXIst century)	Киберфизическое производство, энергия из возобновляемых источников	Проект налога на роботов (ЕС, 2016). Налогообложение на основе «больших данных» и блокчейна (прогноз)	Теории налогообложения в цифровой экономике (формирование)

Источник / Source: составлено авторами с использованием данных [7] / compiled by the authors using data [7].

вом применения в налоговом администрировании цифровых технологий четвертой промышленной революции. При этом налоговые органы все чаще получают права доступа к большим объемам данных, поступающих из различных источников, прямо или косвенно используемых для налогового регулирования: от общедоступных сведений в интернете до информации о коммерческих операциях или других процессах, требующих специального государственного надзора. Получаемая информация может использоваться для сбора налогов, повышения эффективности налогового контроля, содействия в разработке и реализации экономической политики как на общегосударственном, так и на региональном уровнях. В настоящее время 159 из 193 государств — членов ООН используют информационно-коммуникационные технологии (далее — ИКТ) для управления налогами [10, с. 301].

В Российской Федерации, как и во многих других странах, действует специальная программа цифровизации, которая включает в том числе налоговое направление. В настоящее время на сайте ФНС России представлено более 50 сервисов. При этом продолжается работа над мобильными приложениями и новыми индивидуальными проактивными сервисами. В перспективе налоговое администрирование должно реализовываться в России на основе адаптивной цифровой платформы, работающей исключительно с цифровыми данными и электронными лицами. Со временем эту структуру планируют превратить в IT-сервис, взаимодействующий в режиме реального времени с цифровыми процессами внутри компаний-налогоплательщиков в целях проверки правильности начисления и уплаты налогов.

Посредством единой информационной системы ФНС России «АИС НАЛОГ-3» в 2019 г. автоматизированы 442 технологических процесса, объем базы

данных, касающихся налогообложения, достиг 705 Тбайт, деятельность 174 млн налогоплательщиков администрируется в едином облаке<sup>3</sup>.

В настоящее время ФНС России работает над реализацией трех проектов:

1) автоматизированная система контроля за возмещением НДС (далее — АСК НДС);

2) автоматизированная системы контроля применения контрольно-кассовой техники (далее — АСК ККТ);

3) информационная система маркировки и отслеживания товаров (далее — ИС МПТ).

АСК НДС — это автоматизированная система, которая позволяет за очень короткое время отслеживать путь товара и расчетов за него от производителя к конечному потребителю через цепочку продавцов-посредников. Впервые эта система была запущена в 2013 г. С тех пор поменялось несколько ее версий и сейчас уже действует система третьего поколения (АСК НДС 3), позволяющая перерабатывать большие объемы информации. Благодаря этой системе налоговая администрация получила онлайн доступ к счетам предприятий и предпринимателей — физических лиц и может отслеживать все расчеты экономических агентов и устанавливать, сколько денег пришло, от кого и за что, сколько уплачено, кому и за что, сколько налогов уплачено и/или не уплачено, существенно затрудняя тем самым возможности незаконного возмещения НДС и применения схем уклонения от уплаты налогов. В результате количество организаций с признаками фиктивности на начало 2019 г. сократилось до 120 633, что в 13,67 раз меньше, чем тремя годами ранее<sup>4</sup>.

АСК ККТ состоит из трех подсистем, осуществляющих:

а) регистрацию ККТ в электронном виде;

б) обеспечение проверки кассового чека и подачи жалобы в налоговые органы на корректность применения ККТ;

в) прием фискальных данных.

С 1 июля 2017 г. организации, использующие ККТ, обязаны передавать данные о продажах в налоговый орган через операторов фискальных данных в режиме онлайн. Если по состоянию на начало 2017 г. на режим онлайн было переведено всего 20 тыс. касс, то к концу 2018 г. уже насчитывалось 2,3 млн функционирующих онлайн-касс, позволяющих контро-

лировать в рознице объем средств на сумму 2,5 трлн руб. в месяц<sup>5</sup>.

ИС МПТ — это уникальный проект, нацеленный на построение не имеющей аналогов в мире системы гарантии подлинности продуктов производства путем присвоения каждой единице товара уникального криптографически защищенного цифрового кода с целью контроля пути прохождения маркированных товаров от производителя до конечного покупателя и противодействия их незаконному обороту.

ИС МПТ вводится поэтапно. Начало было положено в 2016 г., когда была внедрена система обязательной маркировки меховых изделий, в результате которой оборот такой продукции в торговле увеличился в 12 раз в физическом выражении, а в стоимостном — в шесть раз. В 2017 г. было принято решение о создании национальной системы цифровой маркировки товаров. Начиная с 2019 г. в Российской Федерации вводится обязательная маркировка таких отдельных групп товаров, как табачная продукция, обувь, одежда, шины и др. К 2024 г. предусмотрено создание системы сплошной маркировки товаров, основанной на государственно-частном партнерстве в IT-сфере.

Совершенствование информационных технологий налогового администрирования позволило снизить количество выездных налоговых проверок при повышении эффективности налогового контроля, а также обеспечить устойчивый рост налоговых доходов консолидированного бюджета. При этом достигается превышение темпов роста налоговых доходов консолидированного бюджета над ростом ВВП.

## НАЛОГОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ИНДУСТРИИ 4.0 В РОССИИ

Реализуемая в России налоговая политика предполагает возможность использования определенных инструментов налогового регулирования, стимулирующих рост инвестиционной и инновационной активности. К таким инструментам, в частности, относится ускоренная амортизация, инвестиционный налоговый кредит и инвестиционный налоговый вычет по налогу на прибыль организаций и другие. Вместе с тем многие ученые и эксперты разделяют мнение о том, что «применяемые в на-

<sup>3</sup> По данным ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru>.

<sup>4</sup> По данным ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru>.

<sup>5</sup> Сайт CNews.ru. Шмырова В. Глава ФНС: благодаря «аналитическим системам» бюджет получил 345 миллиардов. URL: [http://www.cnews.ru/news/top/2018-11-21\\_glava\\_fns\\_blagodarya\\_analiticheskim\\_sistemam\\_kazna](http://www.cnews.ru/news/top/2018-11-21_glava_fns_blagodarya_analiticheskim_sistemam_kazna).

стоящее время в российской налоговой системе методы, формы и инструменты налогового регулирования показали свою недостаточную эффективность» [11, с. 96].

Коренные причины подобной ситуации имеют системный и институциональный характер. Государству нужно сформулировать и законодательно закрепить стратегическую инициативу развития налогов как целостной системы, в которой должны быть определены приоритетные направления и эксплицитные фискальные правила ее развития. Главным направлением налоговой политики на долгосрочную перспективу, формирующим благоприятные условия для индустриального развития, должен стать перенос акцентов с налогообложения финансовых результатов производства (которые легко выводятся из-под налогов посредством использования цифровых трансакций) на технически более совершенное налогообложение продаж, а также используемые в производстве природные ресурсы и «зеленые» налоги [12, с. 17].

Отсутствие в России «длинных» правил налогообложения<sup>6</sup> препятствует долгосрочному бизнес-планированию, инновационной деятельности и снижению транзакционных налоговых издержек. Поэтому на начальном этапе становления Индустрии 4.0 в России целесообразно осуществлять эволюционное развитие инструментов налогового регулирования на основе действующей налоговой системы.

В контексте «длинных» налоговых правил для ускорения перехода к Индустрии 4.0 и широкого применения современных киберфизических технологий могут использоваться налоговые льготы, стимулирующие развитие ИТ-компаний и электронной коммерции, которые также активно применяются во многих развитых странах [14].

Так, согласно пп. 26 п. 2 ст. 149 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) предусмотрено освобождение от уплаты НДС предоставление и передача на территории Российской Федерации исключительных прав на программы для ЭВМ, базы

данных, а также прав на использование ЭВМ и баз данных на основании (суб)лицензионного договора.

ИТ-компании могут существенно уменьшать обязательства по налогу на прибыль организаций, воспользовавшись возможностью применения в налоговом учете повышающего коэффициента в размере 1,5 к расходам на НИОКР, установленных постановлением Правительства РФ от 24.12.2008 № 988 «Об утверждении перечня научных исследований и опытно-конструкторских разработок, расходы налогоплательщика на которые в соответствии с п. 7 ст. 262 части второй Налогового кодекса Российской Федерации включаются в состав прочих расходов в размере фактических затрат с коэффициентом 1,5».

Примерами практического использования данной налоговой льготы являются НИОКР, направленные на разработку и усовершенствование антивирусных технологий, которые применяются в антивирусных продуктах, а также НИОКР, непосредственно связанные, в частности, с созданием пользовательского интерфейса, бизнес-логики программирования.

Основанием для применения налоговой льготы в данном случае является то, что в разделе II перечня Правительства РФ содержатся п. 1.3 «Разработка технологий информационной безопасности» и п. 2.3 «Развитие методов и средств обеспечения информационной безопасности систем и сетей». Важным с точки зрения оптимизации величины расходов в налоговом учете для ИТ-компаний является возможность единовременного списания расходов на приобретение электронно-вычислительной техники после ее ввода в эксплуатацию (ст. 259 НК РФ).

В то же время в НК РФ установлены достаточно жесткие критерии, ограничивающие круг налогоплательщиков, которые могут воспользоваться данной налоговой льготой, и обязывающие соблюдать следующие нормы:

- наличие аккредитации в Минкомсвязи России по соответствующему виду деятельности;
- доля доходов от деятельности, связанной с информационными технологиями, должна составлять не менее 90% от общей суммы доходов организации;
- численность сотрудников должна быть не менее 50 человек.

В ряде регионов для ИТ-компаний предоставляются налоговые льготы по налогу на прибыль организаций в виде пониженной налоговой ставки. Так, при максимально возможной величине ставки по налогу на прибыль организаций, поступающего в бюджет субъекта, равной 17%, в Санкт-Петербурге

<sup>6</sup> Под длинными правилами налогообложения понимаются долгосрочные (многолетние) формальные и неформальные нормы, которые структурируют и канализируют налоговые отношения между экономическими субъектами (включая органы налогового администрирования). К числу формальных налоговых норм, помимо специальных налоговых законов, определяющих порядок исчисления и уплаты налогов, относятся также фискальные правила, устанавливающие количественные ограничения на реализуемую государством бюджетно-налоговую политику [13].

предусмотрено применение налоговой ставки на уровне 12,5%, в Пензенской и Новосибирской областях — 15,5%, Челябинской области — 16,5%.

Поскольку, как правило, значительной составляющей расходов ИТ-компаний являются расходы на оплату труда, весьма востребована налоговая льгота, предусматривающая пониженные тарифы страховых взносов. Льготный тариф по уплате страховых взносов в ПФР составляет 8% (при базовом 22%), в ФСС РФ — 2% (при базовом 2,9%), в ФФОМС — 4% (при базовом 5,1%). В целом ИТ-компании могут уплачивать страховые взносы в размере 14% от суммы расходов на оплату труда, что более чем в два раза меньше базового тарифа (30%). Однако ИТ-компания должна соответствовать общему критерию получения льготы, предусматривающему единовременное списание расходов на приобретение электронно-вычислительной техники, но требования к численности персонала установлены при этом более мягкие — не менее 7 человек вместо не менее 50 человек.

Данный комплекс налоговых стимулов недостаточен для ИТ-компаний. Однако необходимо предусматривать налоговые льготы не только для тех компаний и организаций, которые разрабатывают новые технологии, но также, и это еще более важно с точки зрения перехода к Индустрии 4.0, для предприятий, которые внедряют новые цифровые технологии, в том числе используя свои ИТ-подразделения.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диалектическая взаимосвязь взимаемых налогов и производственных технологий проявляется в том, что, с одной стороны, эволюция видов налогов, направлений и инструментов налогового регулирования и администрирования обуславливается влиянием доминирующих производственных тех-

нологий того или иного периода промышленной революции. Но, с другой стороны, соответствующее налоговое регулирование и налоговое администрирование стимулируют более активное внедрение технологий Индустрии 4.0. При этом логика развития налогового регулирования не предполагает безусловного исключения всех его форм, методов и инструментов, которые использовались в предыдущие периоды. Стратегическая трансформация налоговой системы может и должна быть эволюционной и предусматривать повышение относительного значения налогов на природные ресурсы и потребление.

А главное, что нужно сейчас сделать для ускоренного развития российской индустрии, — это не создавать специальные налоговые стимулы или льготы, а устанавливать «длинные» налоговые правила, прямо запрещающие изменение базовых норм налогового законодательства на протяжении достаточно большого периода времени и определяющие предельный уровень налогового изъятия доходов (по аналогии с ценой отсечения за баррель нефти в бюджетном правиле) с автоматическим направлением сумм превышения на нужды развития национальной экономики.

Принимая во внимание качество российской институциональной среды и особенности социокультурных норм, возможными направлениями дальнейших реформ могут стать упрощение механизма налогообложения, уменьшающего возможности налогового планирования и уклонения от уплаты налогов за счет сокращения дискреционных норм хозяйственного права, и придание налоговым нормам большей социальной направленности, что будет способствовать повышению внутреннего спроса на продукцию российской промышленности.

## БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных по государственному заданию Финансового университета НИОКТР АААА-А19-119092590051-2 «Исследование альтернативных концепций налогового регулирования как фактора обеспечения новой индустриальной революции в России»

## ACKNOWLEDGEMENT

The article is based on the results of research carried out on the state task of the Financial University of SRECTW АААА19-119092590051-2 “Research of alternative concepts of tax regulation as a factor of ensuring the new industrial revolution in Russia”.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Smit J., Kreutzer S., Moeller C., Carlberg M. Industry 4.0. European parliament. directorate general for internal policies policy department a: economic and scientific policy. 2016. 90 p. DOI: 10.1007/978-3-319-42559-7



2. Popkova E.G., Bruno S.S. Will Industry 4.0 and other innovations impact russia's development? In exploring the future of Russia's economy and markets. emerald publishing limited. 2018:51–68. DOI: 10.1108/978–1–78769–397–520181004
3. Налоги в цифровой экономике: Теория и методология / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 279 с. ISBN: 978–5–238–03274–0.
4. Евстигнеев Е. Н., Викторова Н. Г. Будущее российской налоговой системы: актуализированный прогноз. Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2019. — Т. 46. — С. 20–33. — DOI: 10.17223/19988648/46/2
5. Schön W. Ten questions about why and how to tax the digitalized economy. *Bulletin for International Taxation*. 2018;72(4/5):278–292.
6. Moore G. Cramming More Components onto Integrated Circuits. *Proceedings of the IEEE*. 1998;86(1):82–85.
7. Vishnevsky V.P., Chekina V.D. Robot vs. tax inspector or how the fourth industrial revolution will change the tax system: a review of problems and solutions. *Journal of Tax Reform*. 2018;4(1):6–26. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.1.042
8. Стрелец И.А. Сетевые блага: новые возможности и проблемы для предпринимательства. Мир новой экономики. — 2009. — Т. 1. — № 3. — С. 5–11.
9. Gupta S., Keen M., Shah A. Verdier G., eds. Digital revolutions in public finance. Washington, DC. International Monetary Fund; 2017. 343 p.
10. Гурнак А.В. Использование «больших данных» на примере американского опыта. Самоуправление. — 2019. — Т. 115. — № 2. — С. 301–303.
11. Пансков В.Г. Налоговое регулирование как инструмент подъема экономики. ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. — 2019. — № 3. — С. 86–99. — DOI: 10.24411/2071–6435–2019–10091
12. OECD's current tax agenda. OECD: centre for tax policy and administration, 2011. 123 p.
13. Fiscal rules – anchoring expectations for sustainable public finances. international monetary fund. Fiscal affairs department, 2016. 72 p.
14. Global research & development incentives group. Pw C. April 2017. 45 p.

## REFERENCES

1. Smit J., Kreutzer S., Moeller C., Carlberg M. Industry 4.0. european parliament. directorate general for internal policies policy department a: economic and scientific policy. 2016. 90 p. DOI: 10.1007/978–3–319–42559–7
2. Popkova E.G., Bruno S.S. Will Industry 4.0 and other innovations impact russia's development? In exploring the future of russia's economy and markets. emerald publishing limited. 2018:51–68. DOI: 10.1108/978–1–78769–397–520181004
3. Taxes in digital economy. Theory and methodology. Mayburov I.A., Ivanov Yu.B., eds. Moscow: YUNITI-DANA; 2016, 279 p. (In Russ.).
4. Yevstigneev Y.N., Viktorova N.G. The future of the russian tax system: an updated forecast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika — Tomsk State University Journal of Economics*. 2019;(46):20–33. (In Russ.). DOI: 10.17223/19988648/46/2
5. Schön W. Ten questions about why and how to tax the digitalized economy. *Bulletin for International Taxation*. 2018;72(4/5):278–292.
6. Moore G. Cramming more components onto integrated circuits. *Proceedings of the IEEE*. 1998;86(1):82–85.
7. Vishnevsky V.P., Chekina V.D. Robot vs. tax inspector or how the fourth industrial revolution will change the tax system: a review of problems and solutions. *Journal of Tax Reform*. 2018;4(1):6–26. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.1.042
8. Strelets I.A. Network benefits: new opportunities and challenges for businesses. *Mir novoj e`konomiki = The world of new economy*. 2009;1(3):5–11.
9. Gupta S., Keen M., Shah A. Verdier G., eds. Digital revolutions in public finance. Washington, DC. International Monetary Fund; 2017. 343 p.
10. Gurnak A.V. Using big data in tax administration on the example of the Internal Revenue Service's experience. *Samoupravlenie*. 2019;115(2):301–303. (In Russ.).

11. Panskov V.G. Tax Regulation as an instrument of economic recovery. *jetap: jekonomicheskaja teorija, analiz, praktika. ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. 2019;(3):86–99. (In Russ.). DOI: 10.24411/2071–6435–2019–10091
12. *OECD's Current Tax Agenda*. OECD: centre for tax policy and administration, 2011. 123 p.
13. *Fiscal rules – anchoring expectations for sustainable public finances*. international monetary fund. Fiscal affairs department, 2016. 72 p.
14. Global research & development incentives group. Pw C. April 2017. 45 p.

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Любовь Ивановна Гончаренко** — доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования, Финансовый университет, Москва, Россия  
LGoncharenko@fa.ru

**Валентин Павлович Вишнеvский** — доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом финансово-экономических проблем использования производственного потенциала, Институт экономики промышленности НАН Украины, Киев, Украина  
AVGurnak@fa.ru

**Александр Владимирович Гурнак** — кандидат экономических наук, доцент Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования, Финансовый университет, Москва, Россия  
AVGurnak@fa.ru

### ABOUT THE AUTHORS

**Lubov I. Goncharenko** — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Department of Tax Policy and Customs Tariff Regulation, Financial University, Moscow, Russia.  
LGoncharenko@fa.ru

**Valentin P. Vishnevskiy** — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Department of Financial and Economic Issues of Using Production Potential, Institute of Industrial Economics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine.  
AVGurnak@fa.ru

**Alexandr V. Gurnak** — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Tax Policy and Customs Tariff Regulation, Financial University, Moscow, Russia  
AVGurnak@fa.ru

#### **Заявленный вклад авторов:**

Гончаренко Л. И. — научное руководство исследованием; формулировка научной гипотезы налогового регулирования в контексте четвертой промышленной революции.

Вишнеvский В. П. — формулировка научных положений о диалектической связи налогов и технологий, «длинных» правилах налогового регулирования.

Гурнак А. В. — раскрытие особенностей налогообложения в условиях цифровизации в России.

#### **Authors' contribution statement:**

L.I. Goncharenko — scientific management of research; formulation of the scientific hypothesis of tax regulation in the context of the fourth industrial revolution.

V.P. Vishnevskiy — formulation of scientific provisions on the dialectical relationship of taxes and technologies, “long” rules of tax regulation.

A.V. Gurnak — disclosure of taxation features in the framework of digitalization in Russia.

*Статья поступила 10.11.2019; принята к публикации 12.01.2020.*

*Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.*

*The article was received 10.11.2019; accepted for publication 12.01.2020.*

*The authors read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ



DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-123-132  
УДК 33.336.13(045)  
JEL H2, H25

## Совершенствование механизма налогообложения при применении таможенной процедуры «таможенный склад» в условиях трансформации таможенной политики России

Е.Ю. Сидорова

Финансовый университет, Москва, Россия  
<https://orcid.org/0000-0002-4385-7173>

### АННОТАЦИЯ

*Предмет исследования* – механизм налогообложения товаров, помещенных под таможенную процедуру «таможенный склад», как совокупность норм, определяющих требования и условия пользования и (или) распоряжения товарами на таможенной территории.

Актуальность рассмотрения практики применения таможенной процедуры «таможенный склад» объясняется тем, что отдельные таможенные операции, проводимые с товарами, имеющими статус иностранных товаров, имеют неоднозначные налоговые последствия как для экономических субъектов в отдельности, так и для государства в целом.

*Цель статьи* – разработка механизма определения налоговых последствий уплаты НДС при реализации товаров, находящихся под таможенной процедурой «таможенный склад» в ожидании помещения под таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления». В статье анализируются причины использования участниками внешнеэкономической деятельности таможенной процедуры «таможенный склад» и экономический смысл ее применения. Рассматривается механизм ввоза товара посредством реализации таможенной процедуры «таможенный склад» с его последующей продажей и выпуском в оборот.

*Делается вывод* о том, что при реализации товара внутри таможенного склада возникают налоговые последствия по уплате НДС при каждой его перепродаже. На основе разработанных в статье сценариев представлен механизм определения налоговых последствий по уплате НДС при реализации товаров, находящихся под таможенной процедурой «таможенный склад» и соответственно хранящихся на таможенном складе с их последующей реализацией и введением в полноценный хозяйственный оборот.

**Ключевые слова:** таможенная процедура; таможенный склад; таможенные платежи; модели договорных отношений; таможенная политика; двойное налогообложение; налоговое планирование

**Для цитирования:** Сидорова Е.Ю. Совершенствование механизма налогообложения при применении таможенной процедуры «таможенный склад» в условиях трансформации таможенной политики России. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(1):123-132. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-123-132

ORIGINAL PAPER

## Improvement of the Taxation Mechanism when Applying the Customs Procedure “Customs Warehouse” in the Framework of Transformation of the Customs Policy of Russia

E. Yu. Sidorova

Financial University, Moscow, Russia  
<https://orcid.org/0000-0002-4385-7173>

### ABSTRACT

*The subject of the research* is the mechanism of taxation of goods placed under the customs procedure “customs warehouse” as a set of rules that define the requirements and terms for the use and (or) disposal of goods in the customs territory.

© Сидорова Е.Ю., 2020

*The importance of considering the application of the customs procedure “customs warehouse” is explained by the fact that certain customs operations that provide for the possibility of carrying out operations with goods that have the status of foreign goods have ambiguous tax consequences both for economic entities individually and for the state as a whole. The purpose of the article is to develop a mechanism for determining the tax consequences of VAT payment when selling goods under the customs procedure “customs warehouse”, pending placement under the customs procedure “release for domestic consumption».*

The article analyzes the reasons for the use of the customs procedure “customs warehouse” by participants of foreign economic activity and the economic meaning of its use. The mechanism of importation of goods through the implementation of the customs procedure “customs warehouse” with their subsequent sale and release into circulation is considered.

*It is concluded that when goods are sold inside a customs warehouse, there are tax consequences for paying VAT each time they are resold. Based on the scenarios developed in the article, a mechanism is presented for determining the tax consequences of paying VAT when selling goods that are under the customs procedure “customs warehouse” and, accordingly, stored in a customs warehouse with their subsequent realization and introduction into full economic circulation.*

**Keywords:** customs procedure; customs warehouse; customs payments; models of contractual relations; customs policy

**For citation:** Sidirova E.Y. Improvement of the taxation mechanism when applying the customs procedure “customs warehouse” in the framework of transformation of the customs policy of Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2020;13(1):123-132. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-123-132

## ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования сущности таможенной процедуры «таможенный склад» объясняется тем, что согласно Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС) можно ввести на его территорию товары и, поместив их под таможенную процедуру «таможенный склад», сохранить для них статус иностранного товара и не уплачивать таможенные платежи до их помещения под иную таможенную процедуру, предусматривающую изменение статуса товаров. При этом товар, находящийся под таможенной процедурой «таможенный склад», может подвергаться различного рода операциям, не запрещенным законодательством.

Статьей 158 ТК ЕАЭС предусмотрена возможность проведения с товарами, помещенными под таможенную процедуру «таможенный склад», ряда разрешенных операций, связанных с обеспечением их сохранности, а также возможной предпродажной подготовкой. Как правило, проведение таких операций касается «внутренней» деятельности владельцев товаров и не сопровождается налоговыми последствиями.

Поэтому особый интерес для экономических субъектов — налогоплательщиков представляют операции, предусматривающие передачу прав владения, пользования и (или) распоряжения товарами, помещенными под таможенную процедуру «таможенный склад».

Такие сделки, приводящие обычно к изменению владельца товара, могут совершаться как без завершения этой таможенной процедуры (т.е. реализуемый товар сохраняет статус иностранного товара и в полноценный хозяйственный оборот не вовлекается), так и с помещением товаров под новую таможенную процедуру (в этом случае реализуемый товар обычно помещается под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления, что предусматривает изменение статуса иностранного товара на товар ЕАЭС и его вовлечение в полноценный хозяйственный оборот).

## ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отправными точками исследования стали следующие положения и утверждения:

1) в рамках современной налоговой системы правила налогообложения товаров, перемещаемых в рамках внешнеторговых операций, в значительной степени зависят от избранной налогоплательщиком таможенной процедуры, под которую помещаются товары. При этом таможенная процедура, помимо ее официального определения в законодательстве, может рассматриваться как механизм государственного регулирования, в том числе в части налогообложения товаров, который направлен на соблюдение максимально корректных правил с учетом целей перемещения товаров через таможенную границу Евразийского эконо-

мического союза (далее — ЕАЭС). Иными словами, таможенная процедура может рассматриваться как институциональное оформление механизма государственного регулирования внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД);

2) налоговые последствия операций с товарами, помещаемыми / помещенными под отдельные таможенные процедуры, отличаются комплексностью, поскольку соответствующие последствия могут возникать как в сфере традиционных налоговых отношений, так и в обложении таможенными платежами (далее — таможенное обложение);

3) в настоящее время отдельные таможенные процедуры, особенно таможенные процедуры, предусматривающие возможность проведения операций с товарами, которые имеют в таможенных отношениях статус иностранных товаров, часто имеют неоднозначные налоговые последствия, несущие риски как для финансовой устойчивости государства, так и для экономических субъектов;

4) несмотря на то что большинство таможенных процедур, применяемых в ЕАЭС, осуществляются согласно положениям международных актов (в первую очередь Киотской конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур, далее — Киотская конвенция), содержащиеся в них подходы, как правило, не обеспечивают комплексного понимания налоговых последствий в отношении операций с товарами в рамках отдельных таможенных процедур;

5) результаты предварительного проведенного анализа свидетельствуют о том, что в настоящее время требуются научные исследования механизмов налогообложения при применении таможенной процедуры «таможенный склад».

## РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

При ввозе товаров на таможенную территорию государства — члена ЕАЭС самой распространенной таможенной процедурой является выпуск товаров для внутреннего потребления. Однако согласно таможенному законодательству ЕАЭС товары могут при ввозе на территорию страны помещаться под таможенную процедуру «таможенный склад», сущность которой состоит в том, что иностранные товары хранятся на таможенном складе без уплаты ввозных таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинго-

вых, компенсационных пошлин, если соблюдаются соответствующие условия их помещения под эту таможенную процедуру (ст. 155 ТК ЕАЭС).

Таким образом, требуются исследования следующих ситуаций при применении таможенной процедуры «таможенный склад»:

1) нечеткое понимание участником внешнеэкономической деятельности, как он будет использовать импортируемый товар на территории ЕАЭС;

2) ввоз товаров на территорию ЕАЭС для транзита в другую страну при сохранении возможности их частичного использования;

3) необходимость совершения над ввозимым товаром ряда операций;

4) получение отсрочки от уплаты таможенных платежей, если товар не предполагается сразу использовать.

При этом нечеткое представление о том, как участник ВЭД будет использовать импортируемые товары при их ввозе на территорию ЕАЭС и помещении под таможенную процедуру «таможенный склад», происходит в силу ряда причин:

1) сложные модели договорных отношений участников ВЭД;

2) попытки крупных предприятий снизить налоговые обязательства по косвенным налогам при реализации внешнеторговых операций, воспользовавшись несовершенством международного законодательства и законодательства страны, на территорию, которой ввозится товар;

3) наличие нерешенных методологических проблем в части, например, определения места реализации товара и т.д.;

4) постоянное изменение конъюнктуры рынка.

При этом сложность определения налоговых последствий сделок в рамках реализации товаров внутри таможенного склада приводит к потерям части бюджетных средств и конфликтным ситуациям, которые впоследствии решаются в судах. При перепродаже товара внутри таможенного склада его конечный потребитель при выпуске товара во внутренний оборот страны сталкивается с проблемой определения таможенной стоимости товара и возмещения НДС.

В Киотской конвенции<sup>1</sup> процедура хранения на таможенном складе означает таможенную проце-

<sup>1</sup> Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (заключенная в Киото 18.05.1973 г. в ред. от 26.06.1999 г.) содержит специальное приложение D «Таможенные склады и свободные зоны».

дуру, в соответствии с которой импортированные товары хранятся под таможенным контролем в установленном месте (на таможенном складе) без уплаты импортных пошлин и налогов.

При этом положения Киотской конвенции стали основой формирования идентичных положений в ТК ЕАЭС для таможенной процедуры «таможенный склад».

Таможенная операция «допуск товаров» предполагает в соответствии с Киотской конвенцией выполнение ряда условий, согласно которым на складах запрещается хранить скоропортящиеся товары, взрывчатые товары и другие товары, представляющие опасность.

В Киотской конвенции раскрыто понятие «разрешенные операции». Но при этом не приводятся требования к упаковке товаров и не оговаривается возможность идентификации товаров. По срокам продолжительности операции установлен только минимальный срок, а именно один год.

Важно отметить, что в Киотской конвенции зафиксировано право передачи собственности на товар другому лицу, т.е. реализация товара внутри таможенного склада. В ней также предполагается, что таможенная процедура «таможенный склад» должна быть изменена на другую процедуру, когда возникает необходимость использования товара по назначению.

Это только ряд факторов, которые позволяют импортеру, применяющему таможенную процедуру «таможенный склад» для ввоза товаров, после получения временного лага искать партнера для сбыта своей продукции, не уплачивая таможенные платежи. В настоящих условиях это экономически выгодно для импортера. Поэтому данная схема ввоза товара все чаще применяется, создавая много проблем таможенным и налоговым службам. При этом импортер получает ряд преимуществ, осуществляя ввоз товара под таможенной процедурой «таможенный склад», не избирая более понятную таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления»:

1) импортер не уплачивает таможенные платежи при ввозе товаров, помещая его под процедуру «таможенный склад»;

2) товар фактически находится на территории страны ввоза и может быть в любое время выпущен в оборот путем помещения под таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления»;

3) при помещении товара под таможенную процедуру «таможенный склад» владелец товара

несет дополнительные издержки за его хранение на складе. Однако в п. 4 ст. 155 ТК ЕАЭС есть оговорка: «Допускается применение таможенной процедуры таможенного склада в отношении товаров, которые из-за своих больших габаритов или особых условий погрузки, разгрузки и (или) хранения не могут быть размещены на таможенном складе».

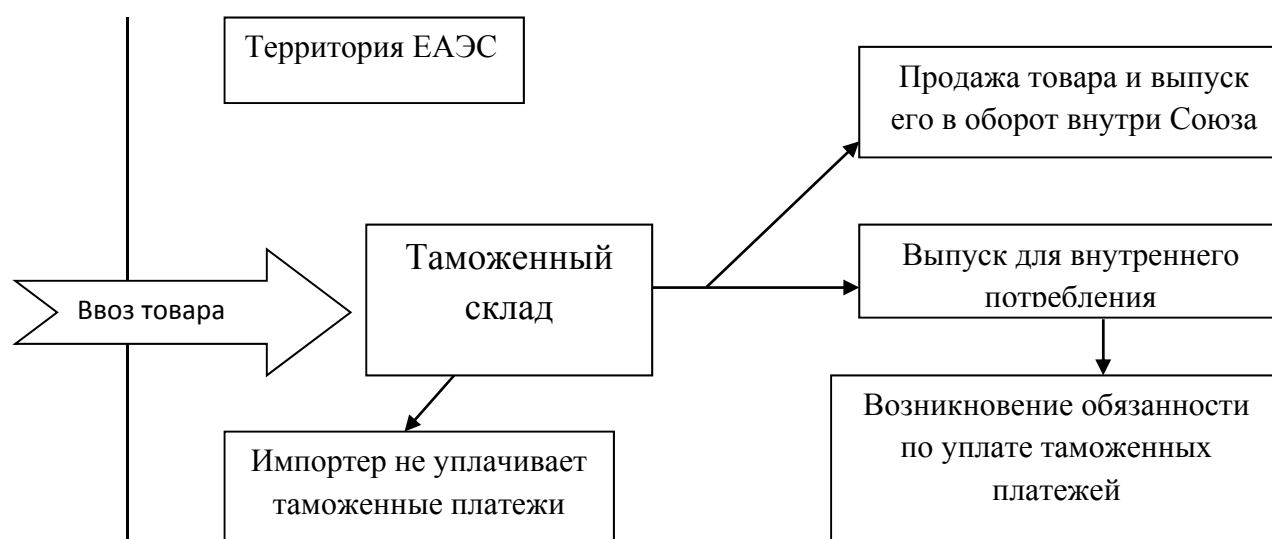
Экономический смысл для импортера помещения ввозимых товаров под таможенную процедуру «таможенный склад» состоит в том, что фактически ввозя товар на таможенную территорию ЕАЭС, импортер имеет законные основания для получения отсрочки от уплаты таможенных платежей до того момента, когда он определится, что будет делать с товаром: продавать или использовать на территории ЕАЭС. При этом импортер, не использовавший этот товар на территории ЕАЭС, при его обратном вывозе не будет вынужден возвращать таможенные платежи в случае их уплаты при помещении товаров под таможенную процедуру для внутреннего потребления.

При реализации подобной хозяйственной операции импортер ввозит согласно ст. 157 ТК ЕАЭС товар на территорию Союза и помещает его под таможенную процедуру «таможенный склад» на срок не более трех лет в совокупности.

Особенностью реализации данной таможенной процедуры является то обстоятельство, что при нахождении товаров на складе они сохраняют статус «иностранные товары», что становится причиной определенных ограничений в их обращении на внутреннем рынке ЕАЭС. Импортер по мере нахождения покупателей и заключения с ними договоров купли-продажи реализует товар, и соответственно таможенная процедура «таможенный склад» изменяется на таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления», что влечет уплату таможенных платежей и в их составе косвенных налогов, предусмотренных для данного товара.

Механизм ввоза товара посредством применения таможенной процедуры «таможенный склад» с его последующей продажей и выпуском товара в оборот внутри Союза с помещением под таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления» представлен на *рис. 1*.

Таким образом, суть данного механизма заключается в следующем: организация ввозит товар на территорию ЕАЭС и помещает его под



**Рис. 1 / Fig. 1. Механизм ввоза товара посредством применения таможенной процедуры «таможенный склад» с последующей продажей и выпуском товара в оборот внутри Союза с помещением под процедуру «выпуск для внутреннего потребления» / The mechanism for importing goods through the customs procedure “customs warehouse” with the subsequent sale and release of goods into circulation with in the union with the premises under the procedure “release for domestic consumption”**

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

таможенную процедуру «таможенный склад» без уплаты таможенных платежей. Далее после продажи товара другой организации она вывозит товар со склада и помещает его под таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления».

Для импортера при реализации подобного механизма становится возможным более гибкий сбыт товара, а именно не в целом всей партии, а ее части, и поэтапная продажа ввезенного товара, уплачивая таможенные платежи и входящие в них косвенные налоги. Но здесь необходимо сделать оговорку, что в этом случае таможенная процедура «выпуск для внутреннего потребления» используется как наиболее простой и «традиционный» таможенный процесс, позволяющий быстро и эффективно вводить купленные товары в полноценный хозяйственный оборот. При этом таможенная процедура «таможенный склад» может применяться совместно с другими таможенными процедурами, которые не запрещены к использованию вместе с ней. В соответствии с ТК ЕАЭС после применения таможенной процедуры «таможенный склад» используются таможенные процедуры «выпуск для внутреннего потребления», «переработка на таможенной территории», «временный ввоз (допуск)», «таможенный транзит».

Но не возникает ли двойного налогообложения в части «внутреннего НДС» и НДС в составе таможенных платежей? Классический сценарий реализации иностранного товара, помещенного под таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления», представлен на рис. 2.

Таким образом, при использовании классического сценария реализации иностранного товара, помещенного под таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления», без использования таможенной процедуры «таможенный склад» двойного налогообложения не возникает.

При этом ответ на вопрос о двойном налогообложении при использовании так называемой промежуточной таможенной процедуры «таможенный склад» у бизнес-сообщества зависит от того, что считать внешнеторговой сделкой: первую сделку, когда товар ввезли на территорию ЕАЭС и поместили под таможенную процедуру «таможенный склад», или последнюю сделку, когда товар был помещен под иную таможенную процедуру, чем таможенная процедура «таможенный склад».

Таможенное законодательство ЕАЭС сформировано на основе Киотской конвенции и поэтому в период нахождения товара под таможенной про-

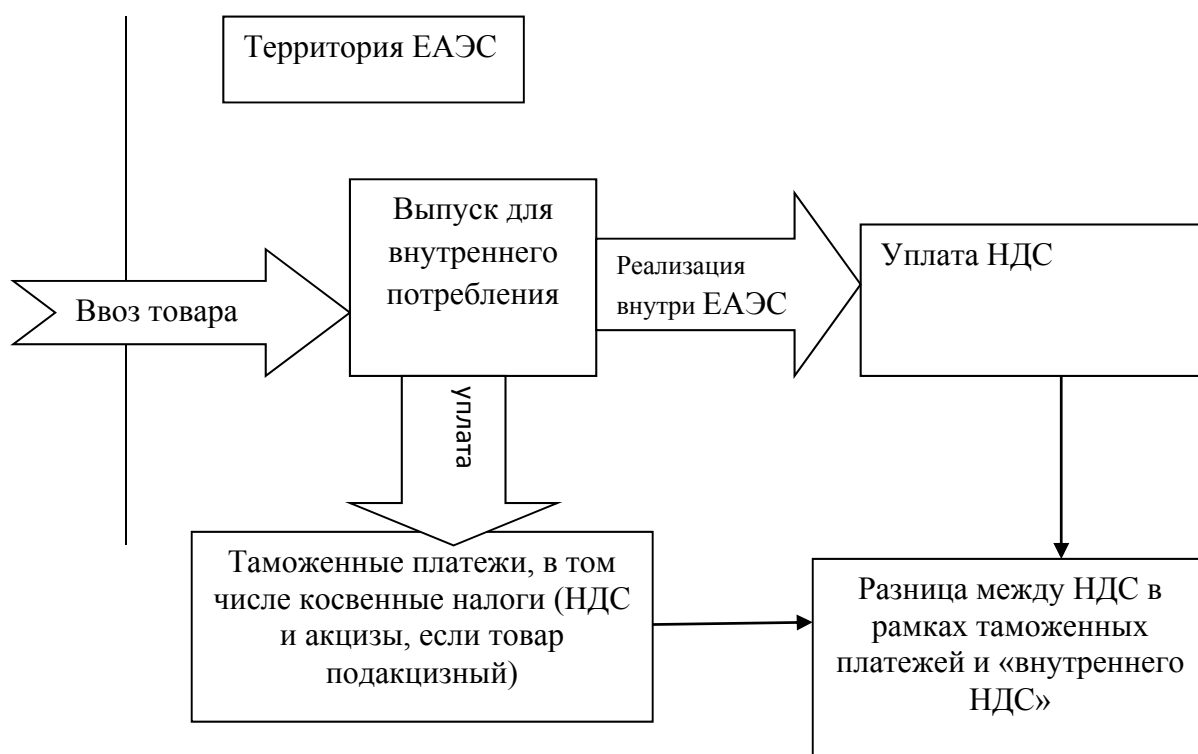


Рис. 2 / Fig. 2. Классический сценарий реализации иностранного товара, помещенного под таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления» / The classic scenario of the sale of foreign goods placed under the customs procedure “release for domestic consumption”

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

цедурой «таможенный склад» можно совершать сделки, в результате которых происходит передача прав владения, пользования и (или) распоряжения этими товарами. Так, в специальном приложении к Киотской конвенции D «Таможенные склады и свободные зоны» (глава 1 «Таможенные склады и свободные зоны», п. 10 «Разрешенные операции») отмечается, что любому лицу, имеющему право распоряжаться хранящимися на складах товарами, по причинам, признанным таможенной службой обоснованными, должно быть разрешено осуществлять проверку товаров, брать образцы с уплатой импортных пошлин и налогов, где это применимо; совершать операции, необходимые для обеспечения их сохранности; осуществлять иные обычные операции по обработке товаров, необходимые для улучшения состояния упаковки или их рыночного качества, либо для подготовки к отправке, такие как дробление партий, группировка упаковок, сортировка и маркировка, а также переупаковка.

При этом товары, помещенные под таможенную процедуру «таможенный склад», могут использоваться для целей:

- первичной продажи;
- перепродажи;
- инвестиций.

Еще одно важное допущение: промежуточные субъекты хозяйствования (владельцы товара) могут не преследовать цель помещения товара под иные таможенные процедуры, т. е. продолжать использовать товары, находящиеся под таможенной процедурой «таможенный склад». Условно внутри таможенной процедуры может происходить полный или частичный непрерывный хозяйственный процесс.

Таким образом, товары, хранящиеся на таможенном складе, могут многократно перепродаваться и менять владельцев при выполнении двух важных условий налогообложения:

1) они остаются иностранными товарами, т. е. сохраняют свой первоначальный статус иностранных товаров;

2) новый владелец иностранного товара не уплачивает таможенные платежи, в том числе косвенные налоги, входящие в состав таможенных платежей.



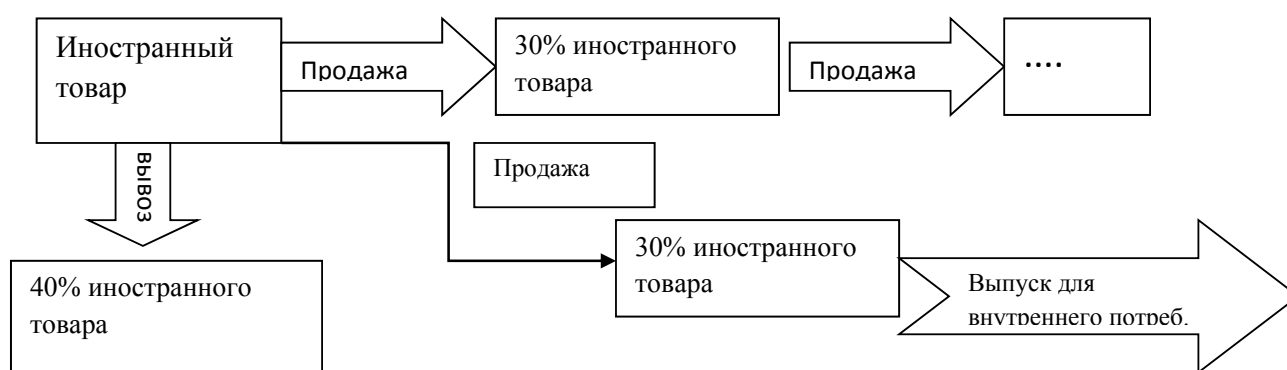


Рис. 3 / Fig. 3. Операции внутри таможенной процедуры «таможенный склад» / Operations within the customs procedure “customs warehouse”

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Анализ практики применения таможенной процедуры «таможенный склад» позволяет сформулировать несколько методологических вопросов.

1. При первичной реализации товаров (а затем последующих реализаций внутри таможенного склада), ввезенных на территорию ЕАЭС и помещенных под таможенную процедуру «таможенный склад», возникает ли необходимость уплачивать косвенные налоги при условии, что товары в полноценный хозяйственный оборот на территории России не вовлекаются, статус «иностранные товары» не утрачивают, территорию таможенного склада не покидают?

2. При завершении таможенной процедуры «таможенный склад», например путем помещения товаров под таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления», каким образом должна определяться таможенная стоимость товаров?

Второй вопрос требует самостоятельного исследования и в данной работе не рассматривается, но материалы, содержащиеся в данном исследовании, могут служить основой для ответа на второй вопрос.

Промежуточные результаты проводимого исследования показывают, что решение первого вопроса в значительной степени связано с определением места реализации товаров. Следовательно, его методологически правильное понимание «зеркально» затрагивает ситуации, при которых из Российской Федерации вывозятся товары (статус — «товары Союза»), помещаются под таможенные процедуры экспорта, временного вывоза и т.д.<sup>2</sup>

<sup>2</sup> В данном случае могут быть и иные таможенные процедуры, например временный вывоз, переработка вне таможенной территории.

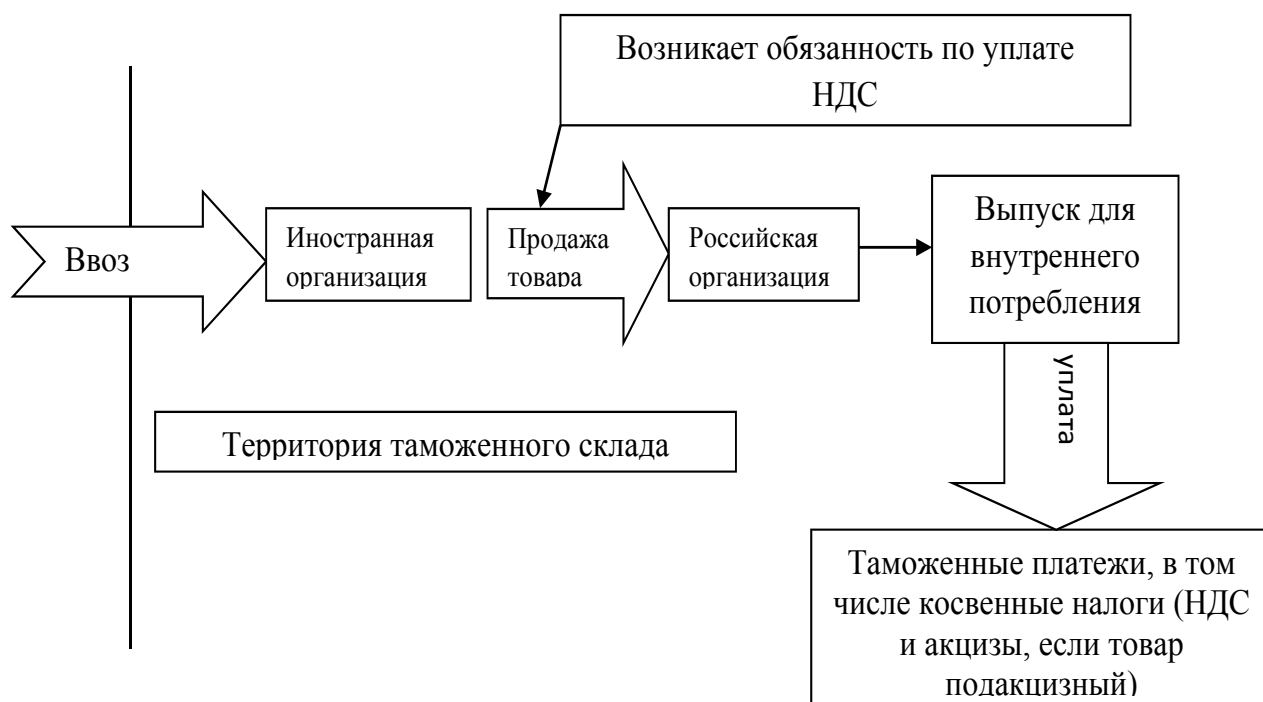
размещаются за рубежом на таможенном складе, и реализуются, фактически уже не находясь в Российской Федерации.

Отвечая на поставленный вопрос о необходимости уплаты косвенных налогов в связи с реализацией товаров, хранящихся на таможенных складах, целесообразно рассмотреть позицию, сформировавшуюся у уполномоченных органов. Результаты такого анализа позволяют типологизировать ситуации, касающиеся моделей договорных отношений, в рамках которых возникают вопросы определения налоговых последствий в связи с реализацией товаров с территории таможенного склада.

Поскольку из действующего регулирования четко не следует необходимости определения налоговых последствий по НДС при указанной выше реализации, представляет интерес анализ подходов, выработанных Минфином России как уполномоченным органом в области налоговой политики.

Минфин России сделало вывод об отсутствии объекта налогообложения в России и соответственно иных налоговых последствий при реализации товаров, находящихся под таможенной процедурой «таможенный склад» и хранящихся на таможенных складах. При этом Минфин России исходило из следующего. В соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации (далее — НК РФ) одним из объектов налогообложения НДС является реализация товаров на территории Российской Федерации (пп. 1 п. 1 ст. 146 НК РФ).

Возможный сценарий возникновения налоговых последствий при применении механизма



*Рис. 4 / Fig. 4. Сценарий возникновения налоговых последствий при применении механизма ввоза товаров посредством применения таможенной процедуры «таможенный склад» с последующей реализацией и введением в полноценный хозяйственный оборот внутри ЕАЭС товаров, помещаемых под процедуру «выпуск для внутреннего потребления» (авторская концепция) / Scenario of the occurrence of tax consequences when applying the mechanism of importation of goods through the customs procedure of “customs warehouse” with subsequent sales and introduction into full economic circulation within the Union of goods placed under the procedure of “release for domestic consumption” (author’s concept)*

*Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.*

ввоза товаров посредством применения таможенной процедуры «таможенный склад» с последующей реализацией и введением в полноценный хозяйственный оборот внутри ЕАЭС товаров, помещаемых под таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления», приведен на рис. 4.

Авторская позиция состоит в том, что при реализации товара внутри таможенного склада возникают налоговые последствия по уплате НДС при каждой перепродаже.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время отдельные таможенные процедуры, особенно таможенные процедуры, предусматривающие возможность проведения с товарами, которые имеют в таможенных отношениях статус иностранных товаров, имеют неоднозначные налоговые последствия

и несут риски как для финансовой устойчивости государства, так и для экономических субъектов.

В статье приведены возможные сценарии возникновения налоговых последствий при использовании механизма ввоза товаров посредством применения таможенной процедуры «таможенный склад» с последующей реализацией и введением в полноценный хозяйственный оборот внутри ЕАЭС товаров, помещаемых под таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления». На основе разработанных сценариев в статье представлен механизм определения налоговых последствий по уплате НДС при реализации товаров, находящихся под таможенной процедурой «таможенный склад» и соответственно хранящихся на таможенном складе, с учетом различных сценариев проведения операций с указанными товарами.

**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ**

1. Артемьев А.А. Ввоз товаров с территории ОЭЗ: методологические проблемы косвенного налогообложения // *Налоговед.* — 2018. — № 10: — С. 42–53. — ISSN 1810–1984.
2. Артемьев А.А., Пинская М.Р. Методологические проблемы косвенного налогообложения посреднических операций в ЕАЭС и пути их решения // *Национальная безопасность.* — 2018. — № 6. — С. 12–18. — ISSN 2454–0668.
3. Артемьев А.А., Пинская М.Р. Методологические проблемы налогообложения НДС операций с «иностранными товарами» в ЕАЭС // *Налоговая политика и практика.* — 2016. — № 10. — С. 64–68. — ISSN 2071–5250.
4. Артемьев А.А., Пинская М.Р. Недостатки механизма косвенного налогообложения в ЕАЭС и способы их устранения // *Международные отношения.* — 2018. — № 4. — С. 104–111. — ISSN 1728–2756.
5. Артемьев А.А., Пинская М.Р. Проблемы определения налоговых последствий при ввозе на таможенную территорию ЕАЭС проектно-конструкторской документации // *Налоговед.* — 2018. — № 11. — С. 44–59. — ISSN 1810–1984.
6. Артемьев А.А., Сидорова Е.Ю. Механизм использования материалов Всемирной таможенной организации, подготовленных на основе методов ОЭСР на уровне права союза и России // *Экономика и управление: проблемы, решения.* — 2017. — Т. 9. — № 4. — С. 28–34. — ISSN 2227–3891.
7. Гончаренко Л.И., Вишневская Н.Г. Восстановление НДС: справедлив ли механизм? // *Налоговая политика и практика.* — 2017. — № 8. — С. 68–81. — ISSN 2071–5250.
8. Гончаренко Л.И., Артемьев А.А., Сидорова Е.Ю., Назарова Н.А. Дивидендные и процентные схемы минимизации таможенной стоимости товаров при сделках между взаимосвязанными лицами: российская практика // *Espacios.* — 2018. — Т. 39. — С. 51–58. — ISSN 07981015.
9. Гончаренко Л.И., Малкова Ю.В., Адвокатова А.С. Актуальные проблемы налоговой системы в условиях цифровой экономике // *Экономика. Налоги. Право.* — 2018. — Т. 11. — № 2. — С. 166–172. — ISSN 2619–1474.
10. Сидорова Е.Ю. Применение моделей минимизации таможенной стоимости ввозимых товаров в рамках сделок между взаимосвязанными лицами // *Экономика. Налоги. Право.* — 2017. — Т. 10. — № 5. — С. 142–147. — ISSN 2619–1474.
11. Сидорова Е.Ю., Назарова Н.А. Исследование вопросов проверки таможенной стоимости товаров при проведении сделок между взаимосвязанными лицами (на примере РФ и зарубежных стран) // *Вестник БИСТ.* — 2017. — № 4. — С. 7–13. — ISSN 2078–9025.
12. Сидорова Е.Ю., Назарова Н.А. Сравнительный анализ механизма корректировки таможенной стоимости товаров при проведении сделок между взаимосвязанными лицами (на примере РФ и зарубежных стран) // *Вестник профессиональных бухгалтеров.* — 2017. — № 5. — С. 42–48. — ISSN 2308–9407.
13. Сидорова Е.Ю., Тихонова А.В. Оценка фискального эффекта вариантов налоговой реформы до 2019 года // *Економічний часопис — XXI.* — 2017. — № 3–4. — С. 45–48. — ISSN 1728–6239.
14. Пинская М.Р. Какой быть налоговой политике РФ в ближайшей перспективе // *Налоги и финансы.* — 2016. — № 4. — С. 7–15. ISSN 2226–6720.

**REFERENCES**

1. Artem'ev A.A. Import of goods from the territory of the SEZ: methodological problems of indirect taxation. *Nalogoved = Tax specialist.* 2018;(10):42–53. (In Russ.).
2. Artem'ev A.A., Pinskaya M.R. Methodological problems of indirect taxation of intermediary operations in the EAEU and ways to solve them. *Natsional'naya bezopasnost' = National security.* 2018;(6):12–18. (In Russ.).
3. Artem'ev A.A., Pinskaya M.R. Methodological problems of VAT taxation of operations with “foreign goods” in the EAEU. *Nalogovaya politika i praktika = Tax policy and practice.* 2016;(10):64–68. (In Russ.).
4. Artem'ev A.A., Pinskaya M.R. Deficiencies of the mechanism of indirect taxation in the EAEU and methods for their elimination. *Mezhdunarodnye otnosheniya. = International relationships.* 2018;(4):104–111. (In Russ.).

5. Artem'ev A.A., Pinskaya M.R. Problems of determining tax consequences when importing design documentation into the EAEU customs territory. *Nalogoved = Tax specialist*. 2018;(11):44–59. (In Russ.).
6. Artem'ev A.A., Sidorova E. Yu. The mechanism for using materials from the world customs organization, prepared on the basis of OECD methods at the level of union law and Russia. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and management: problems, solutions*. 2017;9(4):28–34. (In Russ.).
7. Goncharenko L.I., Vishnevskaya N.G. VAT recovery: is the mechanism fair? *Nalogovaya politika i praktika = Tax policy and practice*. 2017;(8):6841. (In Russ.).
8. Goncharenko L.I., Artem'ev A.A., Sidorova E. Yu., Nazarova N.A. Dividend-based and interest-based schemes of minimization of customs value of goods in deals between related parties: russian practice *Espacios*. 2018;39:51–58. (In Russ.).
9. Goncharenko L.I., Malkova Yu.V., Advokatova A.S. Actual problems of the tax system in the digital economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2018;11(2):166–172. (In Russ.).
10. Sidorova E. Yu. Application of models to minimize the customs value of imported goods in transactions between related parties. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2017;10(5):142–147. (In Russ.).
11. Sidorova E. Yu., Nazarova N.A. The study of issues of checking the customs value of goods during transactions between related parties (for example, the Russian Federation and foreign countries). *Vestnik BIST = Bulletin of BIST*. 2017;(4):7–13. (In Russ.).
12. Sidorova E. Yu., Nazarova N.A. A comparative analysis of the mechanism for adjusting the customs value of goods during transactions between related parties (for example, the Russian Federation and foreign countries). *Vestnik professional'nykh bukhgalterov = Bulletin of professional accountants*. 2017;(5):42–48. (In Russ.).
13. Sidorova E. Yu., Tikhonova A.V. Assessment of the fiscal effect of the tax reform options until 2019. *Ekonomichnii chasopis-XXI*. 2017;(3–4):45–49. (In Russ.).
14. Pinskaya M.R. What should be the tax policy of the Russian Federation in the near future. *Nalogi i finansy = Taxes and finances*. 2016;(4):7–15. (In Russ.).

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Елена Юрьевна Сидорова** — доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования, Финансовый университет, Москва, Россия  
Ejsidorova@yandex.ru

### ABOUT THE AUTHOR

**Elena Yu. Sidorova** — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof. of Department of Tax Policy and Customs Tariff Regulation, Financial University, Moscow, Russia  
Ejsidorova@yandex.ru

*Статья поступила 19.09.2019; принята к публикации 20.12.2019.*

*Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.*

*The article was received 19.09.2019; accepted for publication 20.12.2019.*

*The author read and approved the final version of the manuscript.*

## ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ



DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-133-140  
УДК 347.73:336.22:316.48(045)  
JEL H25, J52

## Медиативные практики в налоговых спорах: опыт стран БРИКС

Г.Ф. Ручкина<sup>а</sup>, В.К. Шайдуллина<sup>б</sup>

Финансовый университет, Москва, Россия

<sup>а</sup> <https://orcid.org/0000-0003-2038-6011>; <sup>б</sup> <https://orcid.org/0000-0002-2716-9282>

### АННОТАЦИЯ

*Предмет исследования* – нормы национального и международного права, регулирующие внесудебное (альтернативное) разрешение налоговых споров.

*Цель работы* – выработка практических рекомендаций, направленных на гармонизацию медиативных практик в налоговых спорах в рамках БРИКС. Исследуются законодательные предпосылки использования медиативных процедур при разрешении налоговых конфликтов и споров в Российской Федерации. Осуществляется обзор практических и доктринальных подходов к примирению налогоплательщиков и налоговых органов при рассмотрении налоговых споров в рамках внесудебного и судебного разбирательств. Необходимость институционализации налоговой медиации в Российской Федерации и сближения подходов в рамках такого объединения к внесудебному примирению сторон налогового спора обосновывается на основе анализа практики стран БРИКС в части применения налоговой медиации.

*Сделаны выводы* о наличии требуемых предпосылок для институционализации налоговой медиации в странах БРИКС. В рамках исследования предлагается выработать общую программу (концепцию) развития медиации по финансовым и налоговым вопросам. Такая программа может быть утверждена на одном из очередных саммитов БРИКС, в рамках которого компетентными органами договаривающихся стран будут предложены свои меры по имплементации соответствующих положений во внутреннее (национальное) законодательство.

**Ключевые слова:** медиация; БРИКС; налоговые споры; налогообложение

**Для цитирования:** Ручкина Г.Ф., Шайдуллина В.К. Медиативные практики в налоговых спорах: опыт стран БРИКС. *Экономика. Налог. Право.* 2020;13(1):133-140. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-133-140

## ORIGINAL PAPER

## Meditative Practices in Tax Disputes: the Experience of the BRICS Countries

G.F. Ruchkina<sup>а</sup>, V.K. Shaydullina<sup>б</sup>

Financial University, Moscow, Russia

<sup>а</sup> <https://orcid.org/0000-0003-2038-6011>; <sup>б</sup> <https://orcid.org/0000-0002-2716-9282>

### ABSTRACT

*The subject of the research* is rules of national and international law governing the out-of-court (alternative) resolution of tax disputes. *The purpose of the work* is to develop practical recommendations aimed at harmonizing meditative practices in tax disputes within the BRICS framework. The article examines the legal prerequisites for the use of mediation procedures in resolving tax conflicts and disputes in the Russian Federation. A review of practical and doctrinal approaches to reconciliation between taxpayers and tax authorities in tax disputes in out-of-court and judicial proceedings is being carried out. The need for institutionalization of tax mediation in the Russian Federation and convergence of approaches within such an association to out-of-court reconciliation of the parties to a tax dispute is justified on the basis of practice analysis of the BRICS countries in applying different forms of tax mediation.

*Conclusions are drawn* about the existence of the required prerequisites for the institutionalization of tax mediation in the BRICS countries. As part of the study, it is proposed to develop a general program (concept) for the development

of mediation on financial and tax issues. Such a program can be approved at one of the regular BRICS summits, during which the competent authorities of the contracting countries will propose their own measures for implementing the relevant provisions into domestic (national) legislation

**Keywords:** mediation; BRICS; tax disputes; taxation

**For citation:** Ruchkina G.F., Shaydullina V.K. Meditative practices in tax disputes: The experience of the BRICS countries. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(1):133-140. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-133-140

## ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Согласно статистическим данным количество налоговых споров с 2016 г. растет в среднем на 7%. В 2018 г. количество налоговыми споров увеличилось на 9% по сравнению с предыдущим годом, хотя до 2016 г. отмечалась обратная тенденция. Эксперты считают, что в настоящее время для налогоплательщиков лучше не доводить налоговые споры до разрешения в судах, так как они в основном занимают позицию налоговых органов: 82,8% налоговых споров, рассматриваемых в судах, заканчиваются их победой. Все это подтверждает необходимость использования медиативных процедур в качестве альтернативного способа решения налоговых споров в целях справедливого, беспристрастного судебного разбирательства, гарантируемого ст. 15 и 46 Конституции Российской Федерации. Таким образом, развитие института налоговой медиации в современном обществе должно стать одной из актуальных задач на ближайшие годы<sup>1</sup>.

Институт налоговой медиации<sup>2</sup> для российского права — новая сфера регулирования налоговых отношений [1], возникшая вследствие расширения форм внесудебного и досудебного урегулирования налоговых споров и конфликтов. В п. 4.3 Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013–2018 гг., утвержденной приказом ФНС России от 13.02.2013 № ММВ-7–9/78@ (далее — Концепция), содержится перечень основных направлений развития досудебного разрешения налоговых конфликтов в системе налоговых органов, среди которых называются урегулирование споров и конфликтов без участия суда; переход от досудебного к внесудебному порядку разрешения налоговых споров; развитие примирительных

процедур; выработка дифференцированных механизмов разрешения налоговых конфликтов и споров. Следовательно, досудебная стадия урегулирования налоговых споров может рассматриваться не только с позиции процедуры подачи жалобы на решение налогового органа либо в порядке подачи апелляционной жалобы согласно разделу VII Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), но и с точки зрения альтернативных способов разрешения налоговых конфликтов [2].

## МЕДИАЦИЯ В РОССИИ

В частях 2 и 3 ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон № 193-ФЗ) содержится прямой запрет на применение процедуры медиации в правоотношениях, затрагивающих публичные интересы, препятствуя использованию этого института на любой стадии рассмотрения налоговых споров.

Однако ФНС России не исключает возможности проведения эксперимента по применению медиации в сфере налоговых споров на примере крупных налогоплательщиков и использования медиативных процедур при организации работы с налогоплательщиками в рамках досудебного разрешения налоговых конфликтов и споров<sup>3</sup>. Кроме того, в некоторых регионах Российской Федерации инициированы пилотные проекты по применению медиации при разрешении налоговых конфликтов и споров<sup>4</sup>.

За последние несколько лет в российское налоговое законодательство включены механизмы взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов, характеризующиеся признаками взаимосогласительных

<sup>1</sup> Обзор статистики Верховного суда Российской Федерации по налоговым спорам. URL: <http://blog.taxadvisor.ru/statistika-naloghovykh-sporov-2018-ghod> (дата обращения: 12.11.2019).

<sup>2</sup> Медиация (от лат. *mediare* — посредничать) — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения взаимоприемлемого решения.

<sup>3</sup> ФНС предложила рассматривать споры с помощью медиаторов // Юрист компании. URL: <http://www.lawyercom.ru/article/3190-fns-predlozila-rassmatrivat-spory-s-pomoshchyu-mediatorov> (дата обращения: 10.10.2019).

<sup>4</sup> Сайт ФНС России. Медиация как альтернативный способ разрешения налоговых споров. Федеральная налоговая служба. URL: [https://www.nalog.ru/rn74/news/activities\\_fts/5006181](https://www.nalog.ru/rn74/news/activities_fts/5006181) (дата обращения: 10.10.2019).

(примирительных) процедур. Под этим углом зрения можно рассматривать налоговый мониторинг, реализация которого регламентируется положениями, закрепленными в разделе V.2 НК РФ и установленными в первых соглашениях в сфере горизонтального мониторинга, которые были подписаны в 2012 г. [8].

Начиная с 2015 г. в рамках налогового мониторинга налогоплательщики получают возможность устранения нарушений до момента проведения налоговой проверки по результатам исполнения мотивированного решения, вынесенного налоговым органом (ст. 105.29–105.31 НК РФ). Но воспользоваться этим правом может только узкий круг налогоплательщиков, одновременно отвечающих нескольким требованиям к стоимости активов, совокупной сумме налогов, которые подлежат уплате за календарный год, а также суммарному объему полученного дохода (п. 3 ст. 105.26 НК РФ) [13].

Отечественным процессуальным законодательством предусмотрен ряд согласительных процедур. Например, Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — АПК РФ) установлена возможность примирения сторон в экономических спорах, возникающих в административных и других публичных отношениях, посредством заключения соглашения либо применения иных примирительных процедур, если что-либо иное не предусматривается законодательством (ст. 190 АПК РФ<sup>5</sup>). Это соглашение должно соответствовать требованиям, закрепленным в главе 15 АПК РФ, регламентирующей порядок примирения сторон и подписания мирового соглашения. Но данная ситуация относится исключительно к судебной стадии рассмотрения налоговых споров, поскольку согласно правилам АПК РФ мировое соглашение должно утверждаться арбитражной судебной инстанцией. Однако на практике подобные соглашения встречаются редко. Наглядный пример — постановление Президиума ВАС РФ от 26.06.2012 № 16370/11 по делу № А40–111792/10–127–534<sup>6</sup>, в соответствии с которым в рамках мирового соглашения, утвержденного Президиумом ВАС РФ, стороны условились о правомерности доначисления налога на прибыль при выплате средств на приобретение поощрительной продукции на основании договора о предоставлении маркетинговых услуг. Налоговый орган, в свою оче-

редь, признал отсутствие необходимости в удержании и перечислении сумм НДС при выплате участникам акции поощрительных призов.

С учетом планов ФНС России по развитию примирительных процедур в области разрешения налоговых споров целесообразным видится нормативное закрепление возможности применения процедур медиации при разрешении налоговых споров. Кроме того, следует, по нашему мнению, внести в российское процессуальное законодательство и НК РФ соответствующие изменения и дополнения.

Некоторые аспекты применения медиативных процедур при разрешении налоговых споров вызывают острые дискуссии у специалистов и требуют глубокой доктринальной и практической проработки. Например, по мнению некоторых отечественных исследователей, использование этих процедур должно становиться возможным для налогоплательщиков лишь в рамках досудебной стадии рассмотрения споров [15]. В обоснование указанного подхода можно предположить, что стороны предпочтут обращаться в судебные органы, игнорируя способы досудебного урегулирования спора, будучи убежденными в возможности прийти к соглашению только в рамках судебного рассмотрения дела [4].

Но российское законодательство предоставляет сторонам право на обращение за содействием к посреднику (в том числе к медиатору) с целью урегулирования спора на любой стадии арбитражного процесса (ч. 2 ст. 4; ч. 2 ст. 7 Закона № 193-ФЗ; п. 2 ч. 1 ст. 135 АПК РФ).

По нашему мнению, применение налоговой медиации только в рамках досудебной стадии не только противоречит законодательно закрепленной конструкции медиации, но и ограничивает процессуальные возможности сторон в части примирения на всех стадиях арбитражного процесса (включая исполнительное производство). Отметим, что условия для примирения могут возникать в ходе рассмотрения налогового спора в суде. При этом конкуренция института медиации с судебными способами урегулирования споров (например, заключение мирового соглашения) является не критичной, так как в сравнении с ними медиация может иметь определенные преимущества, одним из которых является участие в примирении независимого посредника, способного беспристрастно оценить намерения сторон и спорную ситуацию, способствуя тем самым упрощению выработки взаимовыгодных для них условий примирения.

Следует отметить, что правовой статус налогового медиатора также вызывает определенные дискуссии.

<sup>5</sup> Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. — 2002. — № 137.

<sup>6</sup> Постановление Президиума ВАС РФ от 26.06.2012 № 16370/11 по делу № А40–111792/10–127–534 // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 10.

Процедуру медиации должны проводить независимые профессиональные медиаторы, специализирующиеся на разрешении налоговых споров. При этом и у налогового органа, и у налогоплательщика должна иметься возможность участия в выборе медиаторов. Для сохранения принципа равноправия сторон государство не должно участвовать в выборе медиатора. Уровень квалификации медиатора не должен быть меньше, чем у представителей налогового органа и налогоплательщика. В этой связи возникает вопрос: способен ли среднестатистический медиатор урегулировать налоговый спор, который стороны не смогли решить самостоятельно?

В контексте рассматриваемой темы следует обратить внимание на институт налогового консультанта. В мае 2014 г. в Государственную Думу Российской Федерации поступил проект федерального закона № 529626–6 «О налоговом консультировании», в котором закреплены основы правового статуса налоговых консультантов и правила предоставления ими услуг. Но до настоящего момента этот законопроект не рассмотрен даже в первом чтении. Считаем, что дальнейшая модификация института налоговых консультантов может быть использована с целью организации действенной помощи в примирении сторон налогового конфликта.

Российское законодательство только начинает интегрировать нормы права в сферу налоговой медиации. Поэтому должна быть создана правовая модель медиативной процедуры, которая будет обеспечивать согласование интересов налогового органа и налогоплательщика.

Подводя итог вышеприведенному, отметим, что сегодня имеются все предпосылки для введения налоговой медиации в отечественную систему урегулирования правовых споров. Для этого только нужно учесть положительный опыт других стран в части применения медиативных процедур к разрешению публичных правовых споров.

## ОПЫТ СТРАН БРИКС

В налоговом законодательстве Бразилии предусмотрена возможность урегулирования налоговых споров в административном (досудебном) порядке (Национальный налоговый кодекс от 1966 г.)<sup>7</sup>.

Налогоплательщики могут обращаться за защитой своих прав в специальный орган — Региональное

судебное управление (*DRJ*). Жалобы, поступившие от налогоплательщиков, рассматриваются арбитрами, назначенными из сотрудников Секретариата федеральных доходов (*RFB*).

Решение, вынесенное *DRJ*, может быть оспорено самим налогоплательщиком или налоговым органом в случае обращения в Административный совет фискальных ресурсов (*CARF*), находящийся в ведении Минэкономики Бразилии. Участниками *CARF* выступают консультанты, назначаемые *RFB* и общественными организациями, которые представляют интересы налогоплательщиков. Одна группа состоит из трех представителей от *RFB* и трех представителей от общественных организаций.

Каждая группа *CARF* рассматривает жалобы на решение *DRJ*. Жалобы в *CARF*, в отличие от разрешения дел в *DRJ*, рассматриваются на открытых слушаниях, допуская возможность участия в них самих налогоплательщиков и их представителей и занимают в среднем два-три дня.

Несмотря на длительность процедуры административного (досудебного) урегулирования налоговых споров в Бразилии (от 2 до 5 лет), налогоплательщики, как правило, выбирают ее, а не судебное разбирательство.

Однако в Бразилии не сформированы нормативно-правовой основы для применения медиативной процедуры в налоговых спорах. Кроме того, закона о медиации в данном государстве также не принято. Декрет Президента Бразилии от 28.06.1995 № 1572/95 является единственным нормативным актом, регулирующим процесс медиации в этой стране (при заключении коллективного трудового договора).

Наряду с этим, в Бразилии имеются все перспективы развития налоговой медиации. Например, рассмотрение налоговых споров в *CARF* сходно с медиативной процедурой в том, что арбитрами *CARF* выступают представители институтов гражданского общества, т.е. лица, независимые от налогового органа и налогоплательщика. Учитывая это обстоятельство, *CARF*, помимо функций рассмотрения налоговых споров, может участвовать в реализации функций примирения. В качестве посредника в примирении сторон налогового спора может выступать представитель общественной организации, который получил квалификацию медиатора.

Налоговым законодательством Индии предусматривается возможность урегулирования налоговых споров в административном (досудебном) порядке, который несколько отличается в зависимости от предмета спора (косвенные или прямые налоги).

<sup>7</sup> Overview on Federal Administrative Tax Disputes in Brazil. URL: <https://www.acc.com/resource-library/overview-federal-administrative-tax-disputes-brazil-part-ii> (дата обращения: 11.11.2019).



Например, в силу Закона Индии «О налоге на расходы» от 1987 г. при несогласии налогоплательщика с предъявленной ему суммой налога он имеет право на подачу заявления на имя налогового уполномоченного в 30-дневный срок с момента получения уведомления об уплате налога. Налоговый уполномоченный, рассмотрев заявление, принимает решение, которое налогоплательщик может обжаловать в апелляционном трибунале в течение двух месяцев. Решение, принятое апелляционным трибуналом, может быть обжаловано в суде [5].

В Индии функционирует большое количество учреждений, занимающихся оказанием услуг в сфере медиации (примирения) сторон в коммерческих, гражданских, семейных и трудовых спорах. К числу таких учреждений относятся Индийское общество арбитражных судей; Индийский институт арбитража и медиации; Международный центр по альтернативному разрешению споров (*ICADR*). Но медиативная процедура в Индии пока еще востребована в недостаточной степени. Так, в 2009–2010 гг. из 38 арбитражных дел, рассмотренных *ICADR* в арбитражном порядке, только четыре дела подверглись медиации [3].

Медиативная процедура при разрешении налоговых споров не получила в Индии достаточной регламентации и широкого применения. При этом развитие налоговой медиации в Индии имеет тенденцию к продолжению, так как с 2016 г. количество судебных налоговых споров существенно сократилось по причине повышения минимального лимита сумм взыскиваемых налогов для обращения налоговых органов в Апелляционный трибунал [6].

Благодаря переносу рассмотрения большего числа споров на внесудебную и досудебную стадию стимулируется их разрешение в рамках примирительных процедур, полномочиями по реализации которых могут быть наделены налоговые уполномоченные и специальные медиационные (примирительные) центры [7].

В Китае обжалование актов и действий налоговых органов называется административным пересмотром налоговых споров и основывается на следующих документах: Закон КНР от 1992 г. «Об управлении сбором налогов»; Закон КНР от 1999 г. «Об административном пересмотре»; Регламент административного пересмотра налоговых споров от 2009 г., утвержденный приказом Главного государственного налогового управления КНР № 21.

В случае несогласия с решением налогового органа налогоплательщик вправе его оспорить в вы-

сходящем налоговом органе, а далее — в народном суде [14].

В соответствии с Регламентом административного пересмотра налоговых споров процедура пересмотра решения, вынесенного налоговым органом, является обязательной до момента обращения в суд, если такое решение относится к одной из следующих ситуаций:

- использование налоговых льгот;
- определение объекта налогообложения;
- установление субъекта налогообложения (налогоплательщика);
- пределы применения налога;
- определение сроков, места и способа уплаты налога;
- определение этапа сбора налога;
- вменение суммы налога;
- взыскание штрафов и пени в случае неуплаты налога;
- иные действия налоговых органов, касающиеся сбора налогов [9].

В остальных случаях налогоплательщик имеет право на обращение в народный суд в обход стадии административного пересмотра.

Институт медиации в Китае имеет достаточно широкую законодательную регламентацию. Вопросы, связанные с судебным посредничеством, регулируются Гражданским процессуальным кодексом КНР от 1991 г., Законом КНР от 2010 г. «О народном посредничестве», Арбитражным регламентом *CIETAC* и др. Несмотря на это, законодательство Китая не содержит норм о налоговой медиации, которая по этой причине не получила широкого распространения, хотя для этого имеется важнейшая предпосылка — наличие института налоговых консультантов [10].

Налоговое законодательство ЮАР предусматривает досудебное обжалование решений налоговых органов (ст. 107–117 Закона от 2011 г. «О налоговых ведомствах»).

Налогоплательщики имеют право на обжалование решений налогового органа путем обращения в Налоговую службу ЮАР, а затем — в Совет по налогообложению. Решение Совета по налогообложению может быть обжаловано путем обращения в налоговый суд. В настоящее время институт медиации в ЮАР не регулируется нормами единого нормативного правового акта, но с 1973 г. парламент данного государства принял свыше 40 законов, включавших положения о медиации [12].

Однако ни один нормативный акт не предусматривает института налоговой медиации.

К настоящему моменту арбитраж в ЮАР смог рекомендовать себя в качестве эффективного способа рассмотрения налоговых споров [11]. Важнейшую роль в разрешении налоговых конфликтов и споров играет налоговый омбудсмен, уполномоченный на рассмотрение разногласий в части толкования налогового закона, методов администрирования сборов и налогов<sup>8</sup>.

Одна из основных целей налогового омбудсмена — разрешение жалоб налогоплательщиков, в том числе путем примирения и медиации. Однако процедура рассмотрения споров налоговым омбудсменом определена недостаточно четко. В ЮАР создан и успешно функционирует институт налоговых консультантов, который имеет немало сходств с аналогичным институтом правовой системы КНР, что является благоприятным условием для развития налоговой медиации.

### ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ В РАМКАХ БРИКС

В странах БРИКС нормативно регламентируется применение процедур медиации в отношении рассмотрения частноправовых споров. В России медиация используется, как правило, при урегулировании семейных, трудовых, арбитражных и гражданских споров. Но в действующем законодательстве процедуры медиации в части налоговых споров и конфликтов пока еще не формализованы, хотя некоторые из элементов медиации в практике разрешения данных споров имеются.

Следует отметить, что развитие альтернативных примирительных процедур — это один из стратегических ориентиров в сфере досудебного разрешения налоговых конфликтов и споров.

В других странах БРИКС также взят курс на включение института медиации в систему разрешения налоговых споров. Об этом свидетельствует наличие соответствующих структур: институт налоговых омбудсменов или налоговых уполномоченных в ЮАР и Индии, институт *CARF* в Бразилии, а также институт профессиональных налоговых консультантов в ЮАР и Китае. К тому же во многих странах БРИКС налоговая медиация уже получила широкое распространение, несмотря на отсутствие законодательно установленных правил реализации медиативных процедур в налоговых конфликтах (ЮАР, Бразилия).

<sup>8</sup> Alternative Dispute Resolution in the new Companies Act. URL: <https://www.mazars.co.za/Home/Our-expertise/Tax/Tax-Dispute-Resolution> (дата обращения: 11.11.2019).

Исходя из вышеприведенного отметим, что перспективным видится взаимобмен опытом использования процедур медиации в пространстве БРИКС. Кроме того, следует выработать единообразные подходы к применению этого института в налоговой сфере. Во всех налоговых соглашениях, заключенных странами БРИКС, предусматривается возможность проведения взаимосогласительных процедур относительно спорных аспектов налогообложения. Потенциал таких процедур может быть раскрыт в соответствующих медиативных формах урегулирования налоговых конфликтов, получивших развитие в странах БРИКС.

В большинстве государств БРИКС применяются общие подходы к урегулированию досудебного порядка рассмотрения налоговых конфликтов и споров, а также к поиску медиативных (альтернативных) путей их разрешения (например, система административных налоговых судов; институты налоговых уполномоченных и налоговых омбудсменов; институт налоговых консультантов и др.). Этим создаются необходимые предпосылки для сближения законодательства и медиативных практик данных стран в сфере налоговой медиации. Обобщение лучших медиативных практик в странах БРИКС может оказаться полезным еще и потому, что уровень развития их налоговых органов является сопоставимым.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования показывают, что развитие института медиации является одним из актуальных направлений государственной бюджетно-налоговой политики.

В настоящее время можно с уверенностью говорить о наличии в странах БРИКС требуемых условий для институционализации налоговой медиации.

Предлагается выработать общую программу (концепцию) развития медиации по финансовым и налоговым вопросам. Такая программа может быть утверждена на одном из очередных саммитов БРИКС, в рамках которого компетентными органами договаривающихся стран будут предложены меры по имплементации соответствующих положений во внутреннее (национальное) законодательство. Касательно сферы устранения двойного налогообложения следует отметить, что проект многосторонней конвенции БРИКС об урегулировании трансграничных налоговых споров должен содержать положения о реализации отдельных формы медиативных и других примирительных процедур.

## БЛАГОДАРНОСТЬ

Настоящая статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

## ACKNOWLEDGEMENT

This article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds for the state task of the financial University.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абакумова О.А. К вопросу о возможности применения института медиации в налоговых спорах // Актуальные проблемы экономики и права. — 2015. — Т. 36. — № 4. — С. 198–203. — ISSN: 1993–047X.
2. Андреева Л.А., Трухина И.Н. Медиация в системе регулирования публичных правоотношений // Вопросы современной юриспруденции. — 2016. — Т. 58. — № 7. — С. 83–89. — ISSN: 2309–3536.
3. Беликова К.М., Бегджиева Ц.А., Ромазанов А.А. Создание правовой основы медиации в разносистемных правовых порядках стран БРИКС: опыт Бразилии и Индии // Законодательство и экономика. — 2015. — № 4. — С. 63–68. — ISSN: 0869–1983.
4. Гаджикеримова Р.М., Сумина Ю.О. Процедура медиации в налоговых спорах: зарубежный опыт и перспективы // Промышленность и сельское хозяйство. — 2019. — Т. 11. — № 6. — С. 29–32. — ISSN: 2587–6015.
5. Дубина Э.П. Сравнительный анализ развития и применения института медиации в странах: Финляндия, Индия и ЮАР // Современные проблемы гуманитарных знаний. — 2016. — № 1. — С. 129–132. — ISSN 2414–4347.
6. Ивановская Н.В. Медиация финансовых споров в Индии // Социально-политические науки. — 2018. — № 5. — С. 290–293. — ISSN: 2223–0092.
7. Ивановская Н.В. Тенденции развития применения медиации в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 6. — С. 59–61. — ISSN: 2072–3164.
8. Курочкин Д.А. Медиация в налоговых спорах: перспективы развития в России и других государствах БРИКС // Российский юр. журнал. — 2017. — Т. 116. — № 5. — С. 189–204. — ISSN: 2071–3797.
9. Ли Е. От «доступа к правосудию» к «препятствию для правосудия»? Практическое изучение судебной медиации в Китае // Вестник гражданского процесса. — 2017. — № 1. — С. 172–196. — ISSN 2226–0781.
10. Марков С.М., Шарапова А.О. Медиация в России и Китае: сходства и различия в трактовке альтернативной процедуры разрешения споров (медиации) // American Scientific Journal. — 2017. — № 11. — С. 32–39.
11. Пилипенко А.А. Возможность применения медиации в налоговых отношениях // Государственный и муниципальный финансовый контроль. — 2017. — № 3. — С. 13–17. — ISSN: 2500–0284.
12. Пономарева О.С. Роль западной и африканской моделей медиации в разрешении споров в Южно-Африканской республике // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 6. — С. 100–103.
13. Степанова И.А. Соглашения, заключаемые в рамках процедуры медиации: вопросы эффективности // Legal Concept. — 2018. — № 4. — С. 117–124. — ISSN: 2587–8115.
14. Судоргина Е.В. Медиация в гражданском и арбитражном процессе // Вопросы российского и международного права. — 2018. — № 10А. — С. 40–46. — ISSN: 2222–5129.
15. Тарасевич А.В. Возможность применения медиации как способа внесудебного урегулирования споров с участием органов налоговой службы // Философия социальных коммуникаций. — 2019. — Т. 47 — № 2. — С. 12–15. — ISSN: 2072–2435.

## REFERENCES

1. Abakumova O.A. To the question of the possibility of using the institution of mediation in tax disputes. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava = Actual problems of economics and law*. 2015;36(4):198–203. (In Russ.).
2. Andreeva L.A., Trukhina I.N. Mediation in the system of regulation of public legal relations. *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii = Questions of modern jurisprudence*. 2016;58(7):83–89. (In Russ.).
3. Belikova K.M., Begdzhieva C.A., Romazanov A.A. The creation of a legal framework for mediation in the multi-system rule of law of the BRICS countries: the experience of Brazil and India. *Zakonodatelstvo i ekonomika = Legislation and Economics*. 2015;(4):63–68. (In Russ.).

4. Gadzhikerimova R.M., Sumina Yu.O. The mediation procedure in tax disputes: foreign experience and prospects. *Promyshlennost i selskoye khozyaystvo = Industry and Agriculture*. 2015;(4):63–68. (In Russ.).
5. Dubina E.P. A comparative analysis of the development and application of the institution of mediation in countries: Finland, India and South Africa. *Sovremennye problemy gumanitarnykh znaniy = Modern problems of humanitarian knowledge*. 2016;(1):129–132. (In Russ.).
6. Ivanovskaya N.V. Mediation of financial disputes in India. *Sotsialno-politicheskiye nauki = Socio-political sciences*. 2018;(5):290–293. (In Russ.).
7. Ivanovskaya N.V. Trends in the development of the use of mediation in the countries of the Asia-Pacific region. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2016;(6):59–61. (In Russ.).
8. Kurochkin D.A. Mediation in tax disputes: development prospects in Russia and other BRICS countries. *Rossiyskiy uridicheskiy zhurnal = Russian Law Journal*. 2017;116(5):189–204. (In Russ.).
9. Lee E. From “access to justice” to “obstruction to justice”? A Practical Study of Forensic Mediation in China. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Bulletin of Civil Procedure*. 2017;(1):172–196. (In Russ.).
10. Markov S.M., Sharapova A.O. Mediation in Russia and China: similarities and differences in the interpretation of the alternative dispute resolution (mediation) procedure. *American Scientific Journal = American Scientific Journal*. 2017;(11):32–39. (In Russ.).
11. Pilipenko A.A. The possibility of using mediation in tax relations. *Gosudarstvennyy i munitsipalnyy finansovyy kontrol = State and municipal financial control*. 2017;(3):13–17. (In Russ.).
12. Ponomareva O.S. The role of Western and African models of mediation in dispute resolution in the Republic of South Africa. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian law*. 2016;(6):100–103. (In Russ.).
13. Stepanova I.A. Agreements concluded as part of the mediation process: issues of efficiency. *Legal Concept = Legal Concept*. 2018;(4):117–124. (In Russ.).
14. Sudorgina E.V. Mediation in the civil and arbitration process. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*. 2018;(10A):40–46. (In Russ.).
15. Tarasevich A.V. The possibility of using mediation as a method of out-of-court settlement of disputes involving tax authorities. *Filosofiya sotsial'nykh kommunikatsiy = Philosophy of Social Communications*. 2019;2(47):12–15. (In Russ.).

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Гульнара Флюоровна Ручкина** — доктор юридических наук, профессор, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия  
GFRuchkina@fa.ru

**Венера Камилевна Шайдуллина** — кандидат юридических наук, директор Центра исследований и экспертиз, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия  
VKShajdullina@fa.ru

### ABOUT THE AUTHORS

**Gulnara F. Ruchkina** — Dr. Sci. (Law.), Professor, Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, Moscow, Russia  
GFRuchkina@fa.ru

**Venera K. Shaidullina** — Cand. Sci. (Law.), Director of the Center for Research and Expertise, Assoc. Prof. of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, Moscow, Russia  
VKShajdullina@fa.ru

Статья поступила: 15.10.2019; принята к публикации: 12.01.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.10.2019; accepted for publication 12.01.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

## ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ



DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-141-148  
УДК 341.1/8(045)  
JEL G35, K33

## Гармонизация законодательства стран ЕАЭС в сфере финансовых технологий в 2020 году

М.В. Демченко<sup>а</sup>, Е.П. Симаева<sup>б</sup>

Финансовый университет, Москва, Россия

<sup>а</sup> <https://orcid.org/0000-0001-7010-8445>; <sup>б</sup> <https://orcid.org/0000-0003-1221-5677>

### АННОТАЦИЯ

*Предмет исследования* — законодательство стран ЕАЭС в сфере финансовых технологий. *Цель статьи* — установление возможных направлений гармонизации национальных законодательств государств — членов ЕАЭС, регламентирующих применение финансовых технологий и способствующих созданию единого платежного пространства. В результате исследования выявлено, что процесс гармонизации законодательств государств — членов ЕАЭС в сфере финансовых технологий требует учета национальных интересов, а также уровня развития общественных отношений в финансовом секторе. Установлено, что для гармонизации национальных законодательств в рамках ЕАЭС необходимо решить проблемы, связанные с отсутствием единообразного понятийного аппарата цифровизации финансовой сферы, а также организации реального механизма взаимодействия стран ЕАЭС по вопросам внедрения финансовых технологий, цифровых платформ, обеспечения защиты персональных данных и предотвращения кибератак при осуществлении транзакций с помощью новых финансовых технологий. Основными направлениями гармонизации национальных законодательств являются формирование единого финансового рынка ЕАЭС, создание единой платежной системы ЕАЭС на основе национальной платежной системы Российской Федерации «МИР», требующие интеграции и единообразного благоприятного режима для стран — участниц ЕАЭС. *Сформулированы выводы* о том, что практические рекомендации, полученные по итогам исследования, могут применяться при разработке концепции гармонизации законодательств стран ЕАЭС в сфере финансовых технологий.

**Ключевые слова:** гармонизация; финансовые технологии; законодательство; цифровизация; ЕАЭС; единый финансовый рынок; единое платежное пространство

**Для цитирования:** Демченко М.В., Симаева Е.П. Гармонизация законодательства стран ЕАЭС в сфере финансовых технологий в 2020 году. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(1):141-148. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-141-148

## ORIGINAL PAPER

## Harmonization of the Legislation of the EAEU Countries in the Field of Financial Technologies in 2020

M.V. Demchenko<sup>а</sup>, E.P. Simayeva<sup>б</sup>

Financial University, Moscow, Russia

<sup>а</sup> <https://orcid.org/0000-0001-7010-8445>; <sup>б</sup> <https://orcid.org/0000-0003-1221-5677>

### ABSTRACT

*The subject of the research* is legislation of the EAEU countries in the field of financial technologies. *The purpose of the article* is to establish possible ways to harmonize the national legislation of the EAEU member States regulating the use of financial technologies and contributing to the creation of a single payment space. The study revealed that the process of harmonizing the legislation of the EAEU member States in the field of financial technologies requires taking into account national interests, as well as the level of development of public relations in the financial sector. It is established that in order to harmonize national legislation within the EAEU, it is necessary to solve the problems associated with the lack of a uniform conceptual apparatus for digitalizing the financial sphere, as well as the organization of a real mechanism for interaction between the EAEU countries on the introduction of financial technologies, digital platforms, ensuring the protection of personal data and preventing cyber attacks when performing transactions using new financial

technologies. The main directions of harmonization of national legislation are the formation of a single financial market of the EAEU, the creation of a single payment system of the EAEU on the basis of the national payment system of the Russian Federation "MIR", which require integration and uniform favorable treatment for the member States of the EAEU. *Conclusions are formulated* that the practical recommendations obtained from the study can be used in the development of the concept of harmonization of the legislation of the EAEU countries in the field of financial technologies.

**Keywords:** harmonization; financial technologies; legislation; digitalization; EAEU; single financial market; single payment space

**For citation:** Demchenko M.V., Simayeva E.P. Harmonization of the legislation of the EAEU countries in the field of financial technologies in 2020. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2020;13(1):141-148. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-141-148

## ВВЕДЕНИЕ

Развитие финансового рынка и платежной системы России в условиях цифровизации представляет собой одно из основных направлений национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», принятого в соответствии с указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и утвержденного 24 декабря 2018 г. на заседании президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, который требует проведения ряда юридических, экономических, организационных, а также идеологических мероприятий. Прежде всего, должно быть обеспечено доверие населения, хозяйствующих субъектов к использованию новых финансовых технологий в финансовом секторе на основе закрепления на законодательном уровне необходимого понятийно-категориального аппарата финансовых технологий и иных инноваций финансового сектора.

Эта задача может быть решена не только посредством совершенствования национальных законодательств, но и благодаря гармонизации цифрового финансового законодательства в странах Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) [1].

На настоящий момент вопросами внедрения новых финансовых технологий активно занимается Банк России, который устанавливает ключевые направления развития инноваций и структуру цифрового финансового рынка. Среди наиболее перспективных направлений развития российских финансовых технологий выделяются интернет-банкинг, анализ больших данных, создание искусственного интеллекта, мобильные технологии, роботизация, совершенствование облачных технологий. Постепенно в финансовую практику внедряются краудфандинг, робо-эдвайзинг, сервисы *B2B* платежей и переводов.

В то же время Банк России во взаимодействии с национальными банками государств — членов ЕАЭС

осуществляет мероприятия, направленные на формирование единого платежного пространства.

Однако в процессе реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г.<sup>1</sup> остаются проблемы, требующие конкретных решений, а именно принятие правовых мер по преодолению цифрового разрыва между государствами — членами ЕАЭС.

## ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

На настоящий момент дефиниция финансовых технологий, или финтеха (от англ. *FinTech*), отсутствует в нормативных актах Российской Федерации, равно как и в международных актах [2], несмотря на то, что она определяется Базельским комитетом по банковскому надзору, участником которого является Российская Федерация [3], и означает технологии финансовых инноваций, приводящие к созданию новых бизнес-моделей, приложений, процессов или продуктов, которые впоследствии влияют на финансовые рынки, институты или оказание финансовых услуг.

Тем не менее финансовые технологии активно используются участниками финансового рынка. Так, блокчейн применяется, *во-первых*, при осуществлении межбанковских расчетов вместо *SWIFT*, *во-вторых*, при реализации кредитной деятельности, осуществляемой под залог имущества, а также по предоставлению аккредитивов [4].

Взаимодействие стран ЕАЭС по вопросам внедрения финансовых технологий посредством при-

<sup>1</sup> Цифровая повестка — круг актуальных для ЕАЭС вопросов по цифровой трансформации в рамках развития интеграции, укрепления единого экономического пространства и углубления сотрудничества государств-членов, определенный в заявлении о цифровой повестке Евразийского экономического союза от 26 декабря 2016 г. // Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года».

нения национального законодательства в области цифровизации, финансовой сфере нашло отражение в представленной таблице (см. *таблицу*).

При оценке приведенных в *таблице* актов национальных законодательств следует отметить отсутствие единообразного понятийного аппарата основных понятий цифровизации финансовой сферы: «финансовые технологии», «криптовалюта», а также реального механизма взаимодействия стран ЕАЭС по вопросам внедрения финансовых технологий, цифровых платформ, защиты персональных данных и предотвращения кибератак при осуществлении трансакций с помощью новых финансовых технологий.

Следствием развития финансовых отношений в 2019 г. в странах ЕАЭС в области цифровизации стало согласование плана совместных действий Евразийской экономической комиссии и Международного финансового центра «Астана» (Республика Казахстан) по реализации мероприятий, связанных с подготовкой предложений по регламентации цифровых финансовых продуктов и услуг, интернет-торговли, созданию регулятивных «песочниц» в ЕАЭС для тестирования инновационных финансовых решений, развития инфраструктуры цифровой торговли, защиты прав потребителей финансовых услуг и инвесторов.

При этом национальное законодательство Республики Беларусь в сфере развития цифровых технологий, в том числе в финансовой сфере, представлено достаточно полно вследствие принятия в 2017 г. декрета президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики», который включает меры, направленные на либерализацию условий ведения предпринимательской деятельности в области высоких технологий.

## ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рынок финансовых технологий быстро развивается, появляются финтех-компании, занимающиеся вопросами кибербезопасности и другими аспектами внедрения цифровых инноваций в финансовый сектор.

Однако при анализе рынка финансовых технологий в Российской Федерации и странах ЕАЭС следует отметить, что имеются факторы, объективно препятствующие развитию финтех-отрасли. Одним из главных тормозящих рост использования финансовых технологий факторов является нехватка специалистов в области новых финансовых и информационных технологий [5]. Нехватка кадров в указанной сфере применения финансовых технологий характерна не

только для Российской Федерации, но и для других стран ЕАЭС, что требует разработки соответствующих образовательных стандартов обучения финансовым технологиям.

Кроме того, отсутствие законодательных основ внедрения цифровых финансовых технологий мешает эффективной трансформации и оцифровке финансового сектора.

Среди сдерживающих факторов развития финансовых технологий следует выделить недостаточный объем инвестиций в российскую промышленность, научные разработки, в финансовые технологии и коммерциализацию инноваций.

Все еще остается нерешенным вопрос обеспечения кибербезопасности. На сегодняшний день отсутствуют механизмы, регламентированные законодательством и позволяющие клиентам банка возмещать потерянные в результате хищения с использованием новых технологий средства, а также получать компенсацию в случае возникновения сбоя в программе или утечки конфиденциальной информации и сведений, содержащих личные данные [6].

В то же время важно отметить, что финансовые технологии повышают эффективность, оперативность, доступность пользования населением и субъектами хозяйствующей деятельности финансовыми услугами и финансовыми инструментами и обеспечивают рост конкурентоспособности бизнеса.

Одной из наиболее популярной сфер применения финансовых технологий является банковская деятельность [7].

Для решения вышеуказанных проблем, наряду с совершенствованием законодательства в сфере финансовых технологий, должен формироваться в странах ЕАЭС единый финансовый рынок, единое платежное пространство, что позволит обеспечить высокий уровень конкуренции российских и зарубежных компаний в финтех-отрасли.

Актуальной остается проблема обеспечения доверия населения по отношению к новейшим финансовым технологиям [8, 9].

## НАПРАВЛЕНИЯ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

В действующем российском законодательстве не установлено понятие «гармонизация». Тем не менее, будучи государством — участником ЕАЭС, Россия может использовать понятие «гармонизация законодательства», закрепленное в Договоре о Евразийском

**Нормативное регулирование цифровой экономики в странах – членах ЕАЭС / Normative regulation of the digital economy in the EAEU member countries**

№	Государство – член ЕАЭС / EAEU Member State	Базовый нормативно-правовой акт о цифровой экономике/цифровизации / Basic Digital Economy / Digitalization Act	Основные направления правового регулирования цифровой экономики, в том числе в финансовой сфере / The main areas of legal regulation digital economy, including in the financial sector
1	Российская Федерация / the Russian Federation	Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» на основе государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»	Создание необходимых условий для формирования и развития цифровой инфраструктуры в России; улучшение качества жизни и повышение уровня благосостояния населения России посредством обеспечения доступности и повышения качества товаров, услуг, реализуемых в рамках цифровизации с применением высокотехнологических решений; рост уровня финансовой и цифровой грамотности населения
2	Республика Беларусь / Republic of Belarus	Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» от 21.12.2017 № 8	Регламентация налогообложения соответствующих операций; применение иных публично-правовых норм к операциям с токенами (криптовалютами); определение правового режима майнинга, блокчейна, криптовалют, токенов, смарт-контрактов; установление правового статуса новых субъектов: операторов криптоплатформ и операторов по обмену криптовалют
3	Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	Государственная программа «Цифровой Казахстан» (постановление Правительства Республики Казахстан от 12.12.2017 № 827)	Цель – увеличение темпов развития экономики и цифровой интеграции; преодоление бедности и улучшение качества жизни населения посредством использования цифровых продуктов и услуг; развитие финансовых технологий и безналичных платежей
4	Республика Армения / Republic of Armenia	«Повестка цифровой трансформации Армении до 2030 года»	Создание «умного» цифрового правительства; защита от кибератак (создание безопасного и устойчивого киберпространства)
5	Кыргызская Республика / Republic of Kyrgyzstan	Общенациональная программа цифровой трансформации «Таза коом» (Цифровой Кыргызстан), 2017 г.	Развитие цифровых технологий в государственном управлении, предоставлении государственных услуг; принятие нормативно-правовых актов в сфере ИТ-технологий, цифровизации, защиты от кибератак; применение финансовых технологий при осуществлении коммерческой и иной деятельности хозяйствующими субъектами, населением

Источник / Source: составлено автором / compiled by the authors.

экономическом союзе, заключенном в Астане 29 мая 2014 г., согласно которому под ним подразумевается сближение законодательств государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах.

По сути, гармонизация представляет собой частный метод унификации права, сближение нормативно-правовых норм, регулирующих однородные правоотношения.

Основные направления гармонизации законодательств можно представить как сферы финансового

сектора, требующие интеграции и единообразного благоприятного режима для стран – участниц ЕАЭС.

Гармонизация цифрового финансового законодательства предусматривает:

- систематическую финансово-экономическую интеграцию стран – участниц ЕАЭС в целях создания единого финансового рынка;
- обеспечение и реализацию гарантий защиты законных интересов и соблюдения прав участников финансового рынка;
- обеспечение благоприятного режима по взаимному признанию странами ЕАЭС лицензий на



осуществление кредитной, страховой и иного вида деятельности в рамках единого финансового рынка;

- выработку методов оптимизации рисков на основе международных стандартов в сфере финансового рынка;
- формулирование пруденциальных требований к субъектам финансового рынка;
- установление механизма осуществления надзорной деятельности за действиями участников финансового рынка;
- обеспечение прозрачности деятельности субъектов финансового рынка [10].

При рассмотрении вопросов гармонизации законодательств стран ЕАЭС следует учитывать, что взаимодействие государств — членов ЕАЭС, в основе которого лежат международные принципы защиты национального суверенитета, характеризуется как специфическая скоординированная, планомерно-организационная деятельность государств и должностных лиц ЕАЭС как субъектов интеграционной политики и гарантов безопасности [11].

Цифровизация экономик стран ЕАЭС, равно как гармонизация национальных законодательств в сфере финансовых технологий, является одним из ключевых направлений деятельности ЕАЭС. Поэтому целесообразно сформировать единое цифровое пространство, общие стандарты, нормативы и требования к цифровой трансформации и проводить согласованную политику в странах ЕАЭС<sup>2</sup>.

На настоящий момент представляются актуальными следующие финансовые сферы цифровой трансформации: передача финансовых сообщений, развитие и применение финансовых технологий, взаимодействие национальных платежных систем.

Для достижения поставленных целей государства — участники ЕАЭС планируют реализовывать взаимное сотрудничество по анализу, внедрению пилотных

<sup>2</sup> Преимущества цифровой трансформации заключаются в том, что она позволяет вовлекать в инновационные процессы огромное количество граждан и предпринимателей разного уровня, получающих возможность пользоваться финансовыми технологиями, сокращать благодаря им транзакционные расходы, получать доступ к госуслугам, реализовывать продукцию на новых рынках и в новых цифровых форматах. Реализация цифровой трансформации в рамках ЕАЭС даст этому интеграционному объединению государств дополнительный прирост ВВП до 1 п.п. в год; позволит дополнительно увеличить объем экспорта информационно-коммуникационных технологий до 74% в год. Эффект от цифровизации государственных закупок на региональном уровне оценивается примерно в 16 млрд долл. США.

проектов финансовых инноваций в платежной сфере, формулировать предложения по установлению единого платежного пространства, оптимизировать систему мгновенной передачи финансовых сообщений [12].

Создание единой платежной среды является необходимым условием интеграции экономик стран ЕАЭС. Экспертное сообщество солидарно в своих оценках: реализация заложенного в этом проекте потенциала даст заметный экономический эффект для всех его участников. При рассмотрении формирования платежного рынка ЕАЭС должно быть учтено следующее обстоятельство: согласно информации центральных банков доля наличности преобладает в структуре денежной массы по состоянию 1 января 2018 г. в России, Киргизии и Армении [13].

Для интеграции платежных систем необходим двухступенчатый градуалистский подход, который предполагает не только первоначальную интеграцию систем финансовых технологий, платежей, переводов, инвестиций на уровне ЕАЭС, но и создание подобных систем, обеспечение их стабильного и устойчивого функционирования, приведение к общим стандартам, утверждение принципов транспарентности, преодоление потенциальных возможностей кибератак и отмывания криминальных доходов [14]. Только после преодоления этой первой ступени можно приступить к более широкой интеграции систем финансовых технологий в составе ЕАЭС в международную систему в рамках второй ступени.

Возможно, следует создавать единую платежную систему ЕАЭС на базе инфраструктуры периферии, например на платформе Международного финансового центра, который был создан в Астане. В этом случае ответственность за реализацию платежно-расчетных операций ложится на Казахстан. Если Россия как центр ЕАЭС делегирует функции осуществления платежно-расчетных операций периферии, потребуются введение в обращение новой валютной единицы по образцу существовавшей в прошлом экю в рамках единой платежной системы Евросоюза.

Единую платежную систему целесообразно создавать в рамках относительно равных по уровню экономического развития стран. Если все же эта система будет создана и Россия возглавит ее, остальные государства ЕАЭС будут лишены части бюджетной, фискальной и кредитно-денежной самостоятельности, и в ЕАЭС должны будут соблюдаться принципы федерализма с единым центром принятия решений.

Возможности формирования единой платежной системы на базе России как центра интеграции

в ЕАЭС ограничены волатильностью курса российской валюты и другими факторами, в частности ценовой политикой в отношении нефтепродуктов. Однако усиление позиций рубля в ЕАЭС необходимо для развития интеграционного процесса посредством привлечения большего числа участников для торговли национальными валютами на Московской бирже, включая резидентов государств — членов ЕАЭС, СНГ и других стран; повышения заинтересованности участников внешнеэкономической деятельности стран ЕАЭС в использовании своих валют во взаимной торговле посредством обеспечения благоприятных условий торговли валютами на Московской бирже, включая предоставление льгот при налогообложении; исключение административных и бюрократических барьеров; стабилизацию валютного курса рубля и национальной валютной системы; увеличение объема торгов российским рублем, с одной стороны, и национальными валютами других стран ЕАЭС, с другой стороны, на Московской бирже; осуществление мониторинга проникновения китайского юаня на рынки стран ЕАЭС, который может занять устойчивые позиции в рамках формирующейся инфраструктуры Нового шелкового пути.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совершенствование правового регулирования внедрения финансовых технологий и развития финтехотрасли в Российской Федерации, а в дальнейшем гармонизацию законодательства в указанной сфере целесообразно осуществлять не только на уровне национальных законодательств ЕАЭС в части определения основных терминов, устранения коллизий при реализации законодательства в сфере цифровых технологий, но и обеспечивать правовое, финансово-экономическое взаимодействие государств — членов ЕАЭС в целях выхода на международный уровень, формирования единого цифрового пространства, единого финансового рынка и развития национальной платежной системы.

Сегодня процесс гармонизации законодательства в сфере финансовых технологий требует серьезной

проработки и учета национальных интересов, а также уровня развития общественных отношений в финансовом секторе.

В целях решения рассмотренных выше проблем гармонизации законодательства о финансовых технологиях стран ЕАЭС в 2020 г. можно предусмотреть реализацию следующих правовых мероприятий:

- принятие методики оценки состояния и прогнозно-сценарного развития российских финансовых технологий в условиях интеграции с международными финансовыми технологиями, утвержденной Правительством РФ, для обеспечения единства складывающихся подходов к регулированию использования финансовых технологий в рамках ЕАЭС;
  - внесение изменений в Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», касающихся учета внедрения и использования новейших финансовых технологий в платежной системе;
  - внесение изменений в Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» в части включения в состав профессиональных участников на рынке ценных бумаг инвестиционных консультантов в сфере использования финансовых технологий;
  - принятие законопроекта «Об экспериментальных правовых режимах в Российской Федерации» для создания «регуляторных песочниц»;
  - на международном уровне заключение международного договора (соглашения) о признании национальной платежной системы «МИР» в качестве приоритетной, единой платежной системы ЕАЭС.
- Тенденции интеграции неизменно влияют на финансовый сектор. Гармонизация законодательства в сфере финансовых технологий открывает новые возможности для активизации инвестиционных процессов, развития внутренних финансовых рынков и повышения качества макроэкономической политики. В то же время при создании единого финансового рынка, единого платежного пространства могут возникать значительные проблемы, обусловленные принятием несогласованных мер денежно-кредитной, монетарной, фискальной политики [15].

### БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2019 г.

### ACKNOWLEDGEMENT

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds for the state task of the Financial University in 2019.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демченко М.В., Шайдуллина В.К. Правовые аспекты перемещения товаров за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза: факторы, затрудняющие экспорт российских товаров в третьи страны // *Право и экономика*. — 2019. — № 1. — С. 71–79. — ISSN 0869–7671.
2. Ручкина Г.Ф., Березин М.Ю., Демченко М.В. и др. Внедрение и практическое применение современных финансовых технологий: законодательное регулирование: монография. — Москва: ИНФРА-М, 2019. — 161 с. — ISBN 978–5–16–014380–4.
3. Ручкина Г.Ф. Финансовые технологии в России и за рубежом: тенденции правового регулирования создания и использования // *Банковское право*. — 2018. — № 2. — С. 7–17. — ISSN 1812–3945.
4. Поветкина Н.А., Леднева Ю.В. «Финтех» и «регтех»: границы правового регулирования // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2018. — № 2. — С. 46–67. — ISSN 2072–8166.
5. Масленников В.В., Федотова М.А., Сорокин А.Н. Новые финансовые технологии меняют наш мир // *Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice*. — 2017. — Т. 21. — № 2. — С. 6. — DOI: 10.26794/2587–5671–2017–21–2–6–11
6. Ручкина Г.Ф. Банковская деятельность: переход на новую модель осуществления, или «финтех» как новая реальность // *Банковское право*. — 2017. — № 4. — С. 55–62. — ISSN 1812–3945.
7. Венгерровский Е.Л. Инновации интернет-банкинга как фактор конкурентоспособности кредитных организаций на современном рынке банковских услуг // *Банковское право*. — 2018. — № 1. — С. 47–52. — ISSN 1812–3945.
8. Теоретико-методологические подходы к обеспечению финансовой грамотности посредством предметно-языкового интегрированного обучения: монография / колл. авторов; под ред. И.И. Климовой, С.В. Карповой, Н.Г. Кондрахиной. — Москва: РУСАЙНС, 2019. — 400 с. — ISBN 978–5–4365–3544–9.
9. Симаева Е.П. Проблемы цифровой грамотности в России: правовой анализ // *Самоуправление*. — 2019. — Т. 2. — № 1. — С. 309–311. — ISSN 2221–8173.
10. Рождественская Т.Э., Гузнова Е.А. Гармонизация законодательства о финансовом рынке в Евразийском экономическом союзе на основе международно признанных стандартов: цели, принципы, содержание // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. — 2016. — № 4. — С. 79–96. — ISSN 2412–4141.
11. Трунцевский Ю.В. Мировой и зарубежный опыт ПОД/ФТ в сфере финансовых технологий // *Международное публичное и частное право*. — 2018. — № 4. — С. 27–30. — ISSN 1812–3910.
12. Петрова Г.В. Формирование интеграционного права ЕАЭС в условиях глобализации и регионализации экономических процессов и макроэкономический эффект унификации и гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. — 2017. — № 3. — С. 79–96. — ISSN 2412–4141.
13. Обаева А., Бальчинова В. Евразийский экономический союз: перспективы сотрудничества в платежной сфере // *Международные банковские операции*. — 2018. — Т. 68. — № 2. — С. 6–12.
14. Berstembayeva, Tleuzhanova R, Toyzhigitova D. Financial aspects of integration in the conditions of formation of the eurasian economic union. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2017;8(4):1088–1093. DOI: 10.14505/jarle.v8.4(26).06
15. Bolgov R., Zinovieva E., Karachay V. Information society development in eurasian economic union countries: Legal aspects. 2014. ACM International Conference Proceeding Series. 2014. January, pp. 387–390. DOI: 10.1145/2691195.2691278

## REFERENCES

1. Demchenko M.V., Shaydullina V.K. Legal aspects of the movement of goods outside the customs territory of the eurasian economic union: factors that impede the export of Russian goods to third countries. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*. 2019;(1):71–79. (In Russ.).
2. Ruchkina G.F., Berezin M. Yu., Demchenko M.V. et al. The introduction and practical application of modern financial technologies: legislative regulation: monograph. Moscow: INFRA-M; 2019. 161 p. (In Russ.).
3. Ruchkina G.F., Shaydullina V.K. Financial technologies in Russia and abroad: Trends in the legal regulation of creation and use. *Bankovskoe pravo = Banking law*. 2018;(2):7–17. (In Russ.).

4. Povetkina N.A., Ledneva Yu.V. "Fintech" and "Regtech": the boundaries of legal regulation. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher school of Economics*. 2018;(2):46–67. (In Russ.).
5. Maslennikov V.V., Fedotova M.A., Sorokin A.N. New financial technologies are changing our world. *Finance: Theory and Practice*. 2017;21(2):6. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2017–21–2–6–6–11
6. Ruchkina G.F. Banking: the transition to a new implementation model, or "fintech" as a new reality. *Bankovskoe pravo = Banking law*. 2017;(4):55–62. (In Russ.).
7. Vengerovsky E.L. Innovations in Internet banking as a factor in the competitiveness of credit organizations in the modern banking services market. *Bankovskoe pravo = Banking law*. 2018;(1):47–52. (In Russ.).
8. Theoretical and methodological approaches to ensuring financial literacy through subject-language integrated learning: monograph / call. Authors. I.I. Climatic; S.V. Karpova; N.G. Kondrakhina, eds. Moscow: RUSINS; 2019. 400 p. (In Russ.).
9. Simaeva E.P. The problems of digital literacy in Russia: legal analysis. *Samoupravlenie*. 2019;2(1):309–311. (In Russ.).
10. Rozhdestvenskaya T.E., Guznova E.A. Harmonization of legislation on the financial market in the eurasian economic union based on internationally recognized standards: goals, principles, content. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, ekonomika, pravo*. 2016;4:79–96. (In Russ.).
11. Truntsevsky Yu.V. World and foreign experience of AML / CFT in the field of financial technology. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = Public and private international law*. 2018;(4):27–30. (In Russ.).
12. Petrova G.V. The formation of the EAEU integration law in the context of globalization and regionalization of economic processes and the macroeconomic effect of unification and harmonization of the legislation of the EAEU member states. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, ekonomika, pravo = International cooperation of Eurasian States: politics, Economics, law*. 2017;(3):79–96. (In Russ.).
13. Obaeva A., Balchinova V. Eurasian Economic Union: prospects for cooperation in the payment sector. *Mezhdunarodnye bankovskie operacii = International banking operations*. 2018;68(2):6–12. (In Russ.).
14. Berstembayeva, Tleuzhanova R, Toyzhigitova D. Financial aspects of integration in the conditions of formation of the eurasian economic union. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2017;8(4):1088–1093. DOI: 10.14505/jarle.v8.4(26).06
15. Bolgov R., Zinovieva E., Karachay V. Information society development in Eurasian economic union countries: Legal aspects. 2014. ACM international conference proceeding series. 2014. January, pp. 387–390. DOI: 10.1145/2691195.2691278

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Максим Владимирович Демченко** — кандидат юридических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента правового регулирования экономической деятельности по науке, Финансовый университет, Москва, Россия

MVDemchenko@fa.ru

**Евгения Петровна Симаева** — кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия

EPSimaeva@fa.ru

### ABOUT THE AUTHORS

**Maxim V. Demchenko** — Cand. Sci. (Law.), associate Professor, Deputy Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity in Science, Financial University, Moscow, Russia

MVDemchenko@fa.ru

**Evgeniya P. Simaeva** — Cand. Sci. (Law.), Assoc. Prof. of Deputy Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, Moscow, Russia

EPSimaeva@fa.ru

*Статья поступила 17.11.2019; принята к публикации 14.01.2020.*

*Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.*

*The article was received 17.11.2019; accepted for publication 14.01.2020.*

*The authors read and approved the final version of the manuscript.*